

МИГРАЦИИ НА КАВКАЗЕ
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ответственный редактор А. Искандарян

Кавказский институт СМИ
Ереван, 2003

УДК 32.001+31
ББК 66+60.5
М 576

- М 576 МИГРАЦИИ НА КАВКАЗЕ. Материалы конференции. /
Ред. А. Исхандарян. – Ер.: КИСМИ, 2003. – 132 с.
В сборник включены материалы международной конференции «Миграции на
Кавказе», состоявшейся в Кавказском институте СМИ. Авторы статей –
известные специалисты по миграции, социологи, политологи, этнологи из
России и стран Южного Кавказа.

Фото Давида Толпина
Дизайн студии MATIT / www.matit.am

Migrations in the Caucasus. Conference Papers. / Ed. A. Iskandarian. – CMI,
Yerevan, 2003. – 132 p.
The volume includes papers presented at the International Conference on Migrations in
the Caucasus held at the Caucasus Media Institute. The authors are well-known experts
on migration, social, political and national studies from Russia and the countries of the
South Caucasus.

Photo by David Tolpin
Design by MATIT Studio / www.matit.am

ББК 66+60.5

ISBN 99930-78-30-1

© КИСМИ, 2003
© 2003 by Caucasus Media Institute

Предисловие

В основу настоящего издания легли доклады, сделанные на международной конференции «Миграции на Кавказе», состоявшейся в Кавказском институте СМИ в 2002 году. В процессе работы над книгой авторы внесли в тексты своих докладов изменения и дополнения. Несомненно, что все те проблемы, которые авторы пытались осмыслить на конференции, и поныне остаются – и еще долго будут оставаться – чрезвычайно актуальными в контексте трансформации кавказских обществ и государств.

В центре внимания участников конференции – социологов, политологов, этнологов, журналистов – была роль миграций в жизни обществ Южного и Северного Кавказа. Обсуждая характер и направленность миграционных потоков в регионе, докладчики отмечали такие общие для всего постсоветского Кавказа явления, как этническая гомогенизация и депопуляция. Обретение кавказскими государствами независимости, этнополитические конфликты и экономические депрессии – все это в начале девяностых годов двадцатого столетия стало причиной массовых вынужденных миграций преимущественно внутри региона, причем важной особенностью тех миграционных потоков была их этническая окрашенность. Изучив сегодняшнее положение в этой сфере, авторы приходят к выводу, что вынужденные миграции в кавказском регионе в основном завершены. Их следствием стало создание этнически гомогенных регионов; по-прежнему остро стоит вопрос адаптации беженцев и вынужденных переселенцев.

Что же до начавшейся в те же годы экономической миграции, в основном за пределы региона, то она и поныне остается важным фактором в жизни как стран Кавказа, так и принимающих обществ. Наблюдается дифференциация миграций, выработка мигрантами социокультурных моделей диаспорного существования, уравнивание встречных потоков. Миграция становится способом существования больших групп людей.

Нет никаких оснований предполагать, что в ближайшем будущем векторы миграции на Кавказе резко изменят свое направление и произойдет массовая репатриация кавказских мигрантов. Соответственно, такие проблемы, как диаспорализация, гастарбайтерство и маятниковая миграция, еще долгие годы будут сохранять свою актуальность для кавказских обществ.

Александр Искандарян
Ереван, 2003 г.

Оглавление

А. Искандарян Миграционные процессы на постсоветском Кавказе	6
Г. Витковская Миграция народов Южного Кавказа в Россию: масштабы, тенденции, реакция принимающего общества	19
В. Дятлов Выходцы из Закавказья в современной российской провинции: проблема диаспорализации	39
Л. Хопёрская Миграционные процессы и политическая ситуация на Северном Кавказе	55
Э. Мелконян Миграции людей и идей: к характеристике взаимосвязей между Арменией и армянской диаспорой	69
Л. Арутюнян Социальная адаптация беженцев в Армении: попытка типологизации	83
А. Скаков Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане	96
Г. Погосян Миграционные процессы в Армении	113
Г. Сванидзе, Д. Сванидзе Эмиграция из Грузии и её причины (результаты социологического опроса)	123

Людмила Арутюнян – декан факультета социологии Ереванского государственного университета.

Галина Витковская – глава московского представительства Международной организации по миграции.

Виктор Дятлов – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, главный редактор научного журнала «Диаспоры».

Александр Исхандарян – заместитель директора Кавказского института СМИ, руководитель научно-исследовательского отдела.

Эдуард Мелконян – доктор исторических наук, сотрудник Института истории НАН Армении.

Геворк Погосян – директор Института философии и права НАН Армении, президент Армянской социологической ассоциации.

Гурам Сванидзе – кандидат философских наук, сотрудник Комитета гражданской интеграции при парламенте Грузии.

Давид Сванидзе – студент Тбилисского государственного университета.

Александр Скаков – кандидат исторических наук, начальник отдела проблем ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований.

Лариса Хопёрская – доктор политических наук, профессор Ростовского государственного университета и Северокавказской академии государственной службы.

Миграционные процессы на постсоветском Кавказе

За время, прошедшее после распада СССР, появилось немало работ, посвященных исследованиям миграционных процессов на постсоветском пространстве. Нарботано достаточно много нарративного материала, статистических данных и цифр, которыми оперируют исследователи, журналисты и чиновники в бывшем СССР и за его пределами. Между тем значительная часть статей на тему массовых миграций населения искажают реальность. Как минимум это касается миграций на Кавказе. В целом представления о миграционных процессах в этом регионе зачастую искажены по целому ряду причин. Во-первых, это **способы учета беженцев** которыми обычно пользуются как чиновники, так и исследователи. Во-вторых, это **политические факторы** также приводящие к искажению реальных масштабов переселений - в сторону как преувеличения, так и преуменьшения. В-третьих, это те **границы**, в которых принято рассматривать проблему беженцев и вынужденных переселенцев. Имеются в виду границы как государственные, так и временные, а также и ограниченное рассмотрение проблемы беженцев вне общего контекста миграционных процессов.

Способы учета беженцев и переселенцев

Обычно количество беженцев и вынужденных переселенцев учитывается на основании данных Федеральной миграционной службы России и соответствующих служб закавказских государств. Несовершенство такого рода учета очевидно. Службами миграции учитываются только те беженцы, которые обратились в государственные органы за регистрацией. При этом значительная часть беженцев и вынужденных переселенцев не может или не хочет этого делать. Например, в Краснодарском крае России, согласно официальным данным, беженцев нет вообще. При этом, по оценкам специалистов, в Краснодарском крае проживают десятки тысяч беженцев – в основном этнических армян из Азербайджана. Многие из них после бегства из Азербайджана некоторое время проживали в

Армении и уже оттуда перебрались в Россию, поэтому получить в России статус беженцев они не могут. Часть обосновалась у родственников, часть смогла неофициально приобрести дома и т.д. Примерно так же обстоит дело с этническими осетинами – беженцами из Грузии, – находящимися в Северной Осетии, и в некоторых других случаях. Ситуация, когда люди не являются беженцами юридически, оставаясь ими фактически, достаточно распространена и в Грузии, и в Азербайджане.

Особняком стоит проблема русских и русскоязычных вынужденных переселенцев из Чечни в остальной России. Во-первых, у переселенцев требуют документального подтверждения того, что они бежали из Чечни, которого у них, как правило, нет. Во-вторых, регистрируют только тех, кто покинул республику после начала боевых действий в 1994 году. При этом, вне всякого сомнения, люди, покинувшие Чечню между 1991 и 1994 годами, являются отнюдь не экономическими мигрантами. Число таких переселенцев трудно установить, но, скорее всего, из примерно трехсот тысяч русских жителей Чечни в республике осталось не более пятидесяти. Точно так же почти невозможно учесть количество ингушей, переехавших из Чечни в Ингушетию после раздела единой республики в 1992 г.

В случае закавказских республик учет беженцев осложнен еще и тем, что значительная их часть находится за пределами своих стран, в основном в России¹. Миграции в СНГ носят совершенно неконтролируемый характер. Существующий безвизовый проезд одновременно с неприспособленной к учету реального передвижения населения системой прописки и регистрации не позволяют даже примерно оценить количество мигрантов (судя по всему, огромное). Если учесть, что значительная часть миграций носит сезонный характер, то задача дополнительно усложняется. Например, беженец из внутренних районов Грузии может быть зарегистрирован в Северной Осетии, а жить и работать в Москве, при этом его семья может проживать в Южной Осетии. В среде мигрантов подобная путаница – достаточно типичное явление.

.....
¹ См. напр. UNHCR. Populations of Concern to UNHCR: A Statistical Overview. Geneva, May 1994. и/или Gevork Pogosian. Conditions of Refugees in Armenia. Yerevan, 1996.

Политические факторы

Вторая группа причин, по которой количество беженцев становится ребусом - это то, что беженцы используются, как карты в политике. Классическим примером является Азербайджан. Президент этой страны, а за ним и другие политики и СМИ, постоянно говорят о более чем миллионе беженцев - жертв карабахского конфликта. При этом в 1998 г. Госкомстат Азербайджана привел цифры: беженцев из Армении и Узбекистана в Азербайджане 233 тыс. чел., вынужденных переселенцев – 604 тыс. чел. Таким образом, по официальным данным, на сегодня в Азербайджане всего зарегистрировано 837 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, что составляет 11% населения республики². Однако и эти данные вызывают сомнения у многих международных гуманитарных и общественных организаций. Соглашаясь с данными правительства Азербайджана в отношении количества беженцев, УВКБ ООН в конце 1996 г. назвало иные цифры лиц, перемещенных внутри Азербайджана - 549 тыс. чел. Таким образом, по данным УВКБ ООН, а также Международной организации по миграции, в Азербайджане на сегодня всего 782 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев³. Эти данные, видимо, близки к истине и находят поддержку у независимых экспертов, ибо даже по официальным данным Госкомстата Азербайджана, на 1 января 1992 г. в бывшей НКАО и на территории 7 ныне оккупированных армянами районов проживали или числились около 480 тыс. чел. С учетом части населения Азербайджана, которая проживала вдоль границы с Арменией и также покинула свои дома, реально количество вынужденных переселенцев не должно превышать 520 тыс. чел. Таким образом, общее число беженцев и вынужденных переселенцев в Азербайджане лежит в пределах 750 тыс. чел., причем значительная их часть – это турки-месхетинцы, никакого отношения к Карабаху не имеющие⁴.

Еще одна иллюстрация этого тезиса - политические игры вокруг числа грузин-беженцев из Абхазии. Согласно неоднократным заявлениям грузинских официальных лиц, в Грузии сейчас находятся

.....
² Azerbaijan Human Development Report, 1997. UNDP. Baku, 1997.

³ UNHCR. Refugees and Others of Concern to UNHCR. 1996. Statistical Overview. - Geneva, July 1997; CIS Migration.

⁴ Arif Yunusov. Demographic disaster. - Index on Censorship, London, Vol.26, + 4, July/August 1997.

250 тысяч грузин, вынужденно покинувших территорию Абхазии. Иногда называется цифра в 300 и более тысяч. Однако по переписи 1989 г., проведенной задолго до начала войны, в Абхазии проживали 239 тысяч грузин. Примерно 20 тысяч грузин остались на территории Абхазии. После относительной стабилизации положения в Гальском районе несколько десятков тысяч беженцев (называются цифры до 70 тысяч) вернулись в Гальский район. Кроме того, часть грузинских беженцев из Абхазии прибыла в Россию. По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, из Грузии в Россию бежали 107 тысяч человек⁵. Очевидно, значительная часть этих людей - беженцы из Абхазии. Таким образом, можно предположить, что реально сейчас в Грузии беженцев из Абхазии примерно вдвое меньше, чем утверждают политики. Следует, правда, заметить, что и приведенные мной выше в виде аргументации цифры не вполне заслуживают доверия. В целом можно утверждать, что из-за методов сбора данных и политических факторов надежных цифр здесь быть не может вообще. Даже данные переписей населения, с помощью которых можно было бы определить хотя бы верхние пределы, т. е. сколько изначально проживало армян в Азербайджане или азербайджанцев в Армении, не могут всегда считаться надежными. Перепись 1989 г. проводилась в тот момент, когда армяно-азербайджанский конфликт уже был в разгаре, перепись 1979 г. - слишком старая. Та же перепись 1989 г. в отношении Абхазии также не вполне валидна, хотя конфликт там к тому времени еще и не начался, поскольку в ходе грузино-абхазского конфликта шло этническое самоопределение населения, и нередки случаи, когда люди, записанные ранее грузинами, самоопределялись как абхазы и наоборот. Автор встречал случаи, когда такое самоопределение проходило по семьям: один из двух родных братьев воевал на грузинской стороне, другой - на абхазской.

Границы проблемы

Третий, может быть, наиболее существенный фактор - это границы проблемы. Существуют отдельные работы по странам и территориям.

.....
⁵ А.Юнусов. Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития. // Северный Кавказ - Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы международной конференции. Ред.: А. Искандарян, О. Воркунова. М., 1997.

В некоторых случаях узость сильно обесценивает исследование. Скажем, не имеет смысла рассматривать армянских беженцев в Армении⁶, игнорируя при этом тех, кто бежал в Карабах, поскольку на сегодняшний день Армения и Карабах представляют собой единую с точки зрения этнического расселения территорию, внутри которой население подвижно.

Я исхожу из предположения, что существует некая общая парадигма миграционных процессов на Кавказе и рассмотрение региона в целом может помочь исследователю освободиться от гнета ненадежных и непроверяемых цифр и увидеть своего рода векторы, по которым движутся потоки мигрантов. Для того, чтобы обнаружить такие векторы, придется расширить не только географические, но и временные рамки. Современный этап миграции на Кавказе начался задолго до распада СССР. Хотя в начале 90-х годов масштаб миграции резко увеличился, я берусь утверждать, что основные направления процесса оставались неизменными примерно с 60-х годов. Рассматривая беженцев и вынужденных переселенцев не просто в свете конкретных данных по конкретным территориям и датам, но в свете длительных миграционных процессов, более того – в свете политических процессов, протекающих сейчас на Кавказе, мы сможем, как мне представляется, более реалистично оценить как перспективы для беженцев в этом регионе, так и возможные и желательные меры по оказанию им помощи.

Примерно в 60-е годы нашего столетия начался изменяться характер перемещения населения в СССР. До тех пор основная миграционная тенденция состояла в постепенном расселении славянского, преимущественно русского, населения по периферии империи, в том числе и на Кавказе. Начиная с 60-х годов наметился обратный процесс: отток населения, которое сейчас стало принято называть «русскоязычным», из Грузии и Азербайджана в Россию. Из Армении, наиболее мононациональной из трех закавказских республик, отток русскоязычного населения начался несколько позже, более того, в 60-е годы еще продолжался приток, но и это обстоятельство прекрасно вписывается в тенденцию (см. ниже). 70-е годы стали в этом смысле переломными почти на всей территории СССР: отток русскоязычного населения из неславянских республик

.....
⁶ Людмила Арутюнян. Вынужденная миграция в Армении: главные проблемы, требующие решения внутри страны в рамках СНГ. М., 1998.

становится всеобъемлющим и вливается в более широкий поток - перемещение некоренного населения из пределов национальных республик. К 80-м годам для всех республик в составе СССР уже было характерно отрицательное сальдо миграций некоренного населения. С известной долей вольности можно сказать, что распад СССР в демографической сфере обозначился уже в 60-70-е годы. Отток русскоязычного и в целом некоренного населения сопровождался сменой культурной и языковой политик в нерусских республиках, которая была отчасти следствием, а отчасти - причиной миграций. Иногда эти процессы называют «коренизацией», от слова «коренной». При этом Северный Кавказ в целом был, как и остальная Россия, принимающим регионом, за исключением некоторых территорий. Так, в Чечне и Дагестане некоренное население постоянно уменьшалось, а в руссконаселенном Ставропольском крае - росло.

С конца 80-х с возникновением и развитием этнополитических конфликтов в бывшем СССР медленные подспудные изменения демографической ситуации переросли в быстрые и радикальные. В некоторых случаях этническим группам и новым политическим образованиям удалось развернуть вектор миграции. Скажем, в Карабахе начиная с 20-х годов неизменно уменьшался процент армянского населения и прирастал - азербайджанского. Такой же процесс протекал и в другой автономии Азербайджана - Нахичеванской автономной республике. В результате карабахского конфликта Нагорный Карабах стал моноэтнической армянской территорией. Нахичевань также стал моноэтнической, только не армянской, а азербайджанской территорией, но не в результате войны, а в результате постепенной миграции. Здесь мы видим наглядный пример того, как постепенные и радикальные процессы приводят к типологически одному и тому же результату. То же можно наблюдать на примере Северного Кавказа, где наиболее ярко эта тенденция проявилась в Чечне. Можно предположить, что нечеченского населения сейчас в Чечне крайне мало и скоро практически не останется. Между тем аналогичные процессы идут и в Дагестане, и в Ингушетии, и даже в Осетии, хотя войны как таковой там нет. Все описанное выше можно назвать моноэтнизацией. Возвращаясь к 60-м годам, мы видим, что меньший отток русскоязычных из Армении по сравнению с Грузией и Азербайджаном имеет простое объяснение. Если вектор миграции был направлен на увеличение веса коренного населения, то он был очевидно сильнее в более

полиэтнических странах, а Армения была самой моноэтнической из республик СССР, так что в ней эти процессы должны были идти не так интенсивно.

Основные векторы миграций

Таким образом, еще с советского времени на Кавказе (и не только) началась кристаллизация будущих этнократий. Внутри советского общества вызревали некие зачатки будущих национальных государств, подспудно происходило формирование государственных языков, элитных групп и идеологий, шла этническая гомогенизация населения. Этот процесс, прошедший бурный и кровавый период и продолжающийся по сей день, абсолютно уникален в истории Кавказа. Ничего подобного здесь никогда не происходило. Кавказ на протяжении всей своей истории был заселен крайне дисперсно. Достаточно типичным для Кавказа было, например, существование культурных центров нации за пределами ее этнической территории. Так, Тифлис (нынешний Тбилиси) долгое время был центром не только грузинской, но и армянской культуры. Кроме того, крупные города на Кавказе, как правило, резко отличались по языку и этническому составу от прилегающих сельских районов. Собственно, единственным исключением был Ереван, армянский по языку и населению. Сегодняшняя ситуация, складывающаяся на Кавказе, не имеет исторических прецедентов. Скажем, Баку как азербайджаноязычная, азербайджанонаселенная столица моноэтничного Азербайджана существует впервые с тех пор, как Баку стал городом.

Я не случайно уделяю много внимания культурно-языковой ситуации, ибо реальность такова, что ее влияние на миграционные процессы на Кавказе чрезвычайно велико, если не определяюще. Кроме всего прочего, изменяется и структура национальных меньшинств. До начала национальных движений на Кавказе этнические меньшинства были зачастую инокультурными, многие из них - русскоязычными: русские, армяне, евреи Азербайджана, азербайджанцы и русские Армении. Сейчас, кроме того, что вес национальных меньшинств резко уменьшился, изменился их культурный, религиозный и этнический состав. Так, в Азербайджане прежде самыми крупными этническими меньшинствами были русские и армяне, то есть христиане, теперь их место заняли лезгины и талыши, мусульмане по вероисповеданию. В 1989 г. азербайджанцы составляли 83% населения Азербайджана. Мусульманами были 87%

граждан республики, 12,5% составляли христиане и 0,5% - иудеи. Сейчас, с поправкой на сказанное выше о достоверности цифр, более 97% населения Азербайджана - мусульмане. Таким образом, и в конфессиональном отношении Азербайджан стал гораздо более гомогенным. В культурном отношении талыши и лезгины также гораздо ближе к азербайджанцам, чем покинувшие страну армяне, евреи и русские. В результате культура Азербайджана, в том числе и политическая, становится все более ориентальной.

Сходный процесс протекает и в Армении. В 1989 г. в Армении проживало 6% азербайджанцев. После того, как все они покинули республику, мусульман в Армении не осталось вообще. Единственное нехристианское меньшинство в Армении - курды-езиды - исповедует специфическую традиционную религию, чрезвычайно хорошо адаптировано в культурном отношении и составляет менее 2% населения. Резко сократилось количество русских, и, таким образом, Армения окончательно превратилась в монокультурную и моноконфессиональную страну, притом, что еще 50 лет назад элементы тюркского культурного, языкового и этнического присутствия в Армении были довольно сильны.

Что касается Нагорного Карабаха, то, на мой взгляд, в данном контексте его не следует рассматривать как часть Азербайджана. Если отвлечься от чисто юридического контекста и политической корректности, с точки зрения демографических процессов Нагорный Карабах совершенно не похож на Азербайджан. Миграционные процессы в Нагорном Карабахе представляют собой гипертрофированный вариант тех, что протекают в Армении: судя по всему, на сегодняшний день армяне составляют 100% населения Нагорного Карабаха.

Несколько отличается от своих закавказских соседей Грузия. Грузию можно разделить на несколько разных выраженных этнокультурных зон, внутри каждой из которых, пусть и в несколько ослабленной форме, протекают процессы, аналогичные описанным выше. Абхазия севернее Гальского канала из поликультурной области превращается в двухобщинную территорию, населенную абхазами и армянами, с преобладанием первых. Южные, населенные армянами районы Грузии (по-грузински они называются Джавахети, по-армянски - Джавахк), тоже имеют некоторую тенденцию к культурному, этническому и даже политическому обособлению. Что касается так называемой «внутренней Грузии» и Тбилиси, то говорить

об изменении потоков этнической миграции крайне трудно. Эмпирически представляется, что количество негрузин уменьшается, во всяком случае, ранее заметный процент осетин в Тбилиси и внутренней Грузии резко снизился. Сама Южная Осетия также превратилась в двухобщинный регион, в котором грузинская и осетинская общины живут достаточно изолированно, хотя в этом отношении наблюдается некоторый прогресс.

На российском, или Северном Кавказе также проявляются тенденции к этнической унификации территорий, особенно в восточной его части. С очень большим допущением, Чечню можно сравнить с почти моноэтнической Арменией, Дагестан – со все более ориентальным Азербайджаном, Ингушетию – с этнически однородным Карабахом, Северную Осетию-Аланию – с медленно изменяющейся Грузией. В Северной Осетии отъезд ингушей из Владикавказа и Пригородного района и прибытие беженцев-осетин из Грузии привели к повышению доли осетинского населения и первым признакам изменения культурно-языковой ситуации. Ингушетия стала практически мононациональной в результате прибытия огромного для республики количества беженцев из Пригородного района Северной Осетии (только по официальным данным – 35 тысяч человек) и абсолютно не поддающегося учету потока беженцев-ингушей из Чечни. Чечня, судя по всему, до конца прошла тот путь, на который она встала еще в 1957 г., когда чеченцы начали возвращаться из мест сталинской депортации. Начавшийся уже тогда отток нечеченского населения резко усилился после 1991 г., достиг пика во время войны в 1994-1996 гг. и на сегодняшний день привел к тому, что, согласно некоторым более или менее надежным источникам, русских в Чечне осталось менее 50 тысяч из примерно трехсот, проживавших там в 1989 г.

Еще один важный аспект миграции, меняющий лицо Кавказа, практически не учитывается статистикой. Строго говоря, это правомерно, поскольку я имею в виду потоки миграции с Кавказа за пределы региона, носящей в основном экономический характер. Между тем исследовать миграционные процессы в регионе, игнорируя самые крупные на сегодняшний день людские потоки, не представляется возможным. Речь идет о миллионах мигрантов, движение которых изменяет половозрастную и социальную структуру стран исхода. По некоторым оценкам, в России сейчас живут и работают порядка трех миллионов из семи с половиной жителей

Азербайджана, примерно миллион из трех с половиной миллионов жителей Армении и того же порядка величины число граждан пятимиллионной Грузии, согласно ряду источников - примерно четверть, то есть более миллиона человек⁷. За этими цифрами стоит колоссальная и почти незамечаемая извне трагедия. Конечно, в числе экономических мигрантов много беженцев, поскольку последние, зачастую не имеющие жилья и средств к существованию, культурно не адаптированные в местах переселения, гораздо более социально мобильны. Основным источником данных о числе мигрантов - пресса, так как в отличие от числа беженцев, численность экономических мигрантов склонны преуменьшать абсолютно все. Признать истинные масштабы экономической миграции невыгодно властям стран исхода, дабы не расписываться в собственной неспособности обеспечить население работой и средствами к существованию. Не признают размеров трудовой иммиграции и принимающие страны, в первую очередь Россия, так как это обострило бы вопрос о систематическом нарушении прав мигрантов.

Данные, позволяющие оценить масштабы этого процесса, иногда косвенные. В России основные принимающие регионы - юг страны (Краснодар, Ставрополь), Москва и Санкт-Петербург. Согласно ряду источников, примерно 15% постоянных жителей Москвы, то есть около полутора миллионов человек, существуют за счет доходов от сдачи квартир внаем. Большинство квартиросъемщиков - экономические мигранты, часто с Кавказа. В каких условиях они вынуждены существовать, хорошо известно правозащитным организациям. На сегодняшний день именно экономические мигранты становятся самой незащищенной и гонимой группой населения, и являются они при этом еще и беженцами или нет - не всегда существенно. Собственно беженцы имеют как минимум то преимущество, что у большинства из них есть какой-то правовой статус. У трудовых мигрантов его нет, и они подвергаются сразу нескольким видам дискриминации - государственно-административной, общественной и идеологической. Государственно-административная дискриминация выражается в противозаконных требованиях прописки, лицемерно именуемой регистрацией, бесконечных паспортных контролях, милицейских рейдах, выселении, поборах, проблемах с трудоустройством «без прописки», в особых

⁷ См. напр. CIS Migration Report. Geneva, 1996.

распоряжениях московского мэра и местных администраций Юга России, нарушающих права мигрантов. Источники общественной дискриминации - различные негосударственные шовинистически настроенные группы, например, казаки Краснодара и Ставрополя. Наконец, идеологическая дискриминация - нагнетание российскими масс-медиа враждебности и страха по отношению к приезжающим с Кавказа, обязательные ссылки на нерусскую национальность в криминальных хрониках и в целом разжигание шовинистических настроений у российского обывателя.

При этом для стран исхода такая миграция имеет единственное преимущество: государства Закавказья действительно пока не способны обеспечить работой свое население, и отхожий промысел - один из важных компонентов ВВП. По некоторым оценкам, работающие в России граждане Армении ежемесячно присылают на родину около \$10 миллионов. Без таких поступлений население Кавказа просто не выжило бы. Все остальные последствия миграции - сугубо отрицательные. Большинство трудовых мигрантов из Закавказья - мужчины трудоспособного возраста. Их отъезд, как правило, без семей, существенно меняет половозрастную структуру населения, создавая значительный перевес женщин, детей и стариков и в целом диспропорции в общественной жизни. Особый случай - Чечня. Нагнетенная СМИ перед и во время войны враждебность по отношению к чеченцам настолько сильна, что мужчинам-чеченцам трудно найти работу в России, особенно в соседних с Чечней регионах. В результате экономическая миграция из Чечни массово представлена женщинами. Это не может не сказываться на чеченском обществе, уклад которого в целом очень патриархален, и ситуация, когда женщина становится кормильцем семьи, воспринимается как неблагоприятная и вызывает кризис в семье и обществе. Кроме в целом незащищенного и нестабильного положения, юридического бесправия, экономические мигранты страдают и от собственно внутривосточных проблем в принимающих странах. Как наглядно показал последний кризис в России, ухудшение ситуации в России сказывается на мигрантах. Кроме общих экономических трудностей, в расколоте и неблагоприятном обществе растет ксенофобия.

Подводя общий итог, можно сказать, что, невзирая на отсутствие точных цифр, основные векторы миграции на Кавказе достаточно ясны. Процесс этнической концентрации собственно кавказских народов близок к завершению. Как минимум в Закавказье и в

восточной части Северного Кавказа население уже проживает этнически компактно, внутренних кавказских миграций практически не происходит. При этом, очевидно, процент представителей некоренных национальностей продолжает снижаться. В первую очередь это касается русских. Очевидно, сохраняются только те национальные меньшинства, которые хорошо адаптированы и культурно близки основному населению стран. Конечно, много зависит от положения в принимающих странах. Скажем, почти стопроцентная эмиграция с Кавказа греков, евреев и немцев связана в первую очередь с возможностями и желанием Греции, Израиля и Германии принимать репатриантов. Сохранение же на Кавказе русских общин объясняется, на мой взгляд, в первую очередь тем, что Россия не проявляет никакой заботы о репатриантах и принимает их крайне неохотно. Тем не менее, в перспективе русские общины будут продолжать уменьшаться. Что касается описанной выше трудовой эмиграции, то ее поток достиг пика в середине 90-х годов. В последнее время появилась тенденция к стабилизации и даже снижению миграции, часть ее принимает стойкий сезонный характер. Значительная часть мигрантов успешно абсорбируются в России, Украине и т.п. В целом можно сказать, что на сегодняшний день демографическая картина на Кавказе сравнительно стабильна, хотя и подвержена целому ряду факторов.

Заключение

Процессы, идущие на Кавказе, уникальны для самого Кавказа, но совершенно не новы в истории человечества. В первой половине XX века они протекали в нынешней Центральной и Восточной Европе, результатом их стали государства соответствующего региона⁸. Этнизация политики, резкая активизация миграции, причем миграции этнической, являются частью процесса становления этнически однородных государств или протогосударств на Кавказе. Трудовая миграция за пределы региона также является частью этого процесса: вновь образующиеся государства оказываются не в состоянии прокормить все свое население, гастарбайтерство становится одновременно источником дохода и путем оптимизации численности населения. Очевидно, процессы эти глобальные, объективные, при этом комплексные и сложные. Противостоять общерегио-

⁸ Andrzej Marynski. *Wsolszesne Wedrowki Ludow.* Warszawa, 1966. (на польском яз.)

нальным тенденциям практически невозможно. Попытки повлиять на миграции локально, как мне представляется, обречены на провал, так как миграции являются частью и результатом процесса этнополитического самоопределения. Хорошая иллюстрация - постоянные неудачи при попытках репатриации беженцев. Нередко такие инициативы приводят к созданию искусственно поддерживаемых резерваций. Скажем, возвращение беженцев-ингушей в Пригородный район Северной Осетии оборачивается, во-первых, тем, что ингуши существуют изолированно в своего рода резервациях, почти не контактируя с осетинами, во-вторых, тем, что в Пригородном районе регулярно происходят столкновения. Как осетинское общество не готово принять ингушей, воспринимает их как угрозу и отторгает, так и сами ингуши не готовы интегрироваться в осетинское общество. Возвращение становится формальным и не приносит плодов. Очень похожая ситуация сложилась также и на юге Абхазии.

Глобальные политические решения могли бы создать возможность для возвращения беженцев. Только в этом случае усиление этнической энтропии в результате репатриации беженцев не будет воспринято обществом как угроза своему существованию. В противном случае беженцы будут продолжать использоваться, как карты в политической или даже военной игре. Сейчас возвращение беженцев – скажем, грузин в Абхазию или азербайджанцев в Карабах, – используется политиками как козырь во внутренней и внешней политике. Иногда, эксплуатируя гуманитарные цели, политики пытаются решить задачи, которые не удалось решить политическим или военным путем. При этом сами беженцы вновь выступают в роли жертв. Так, в начале 90-х в Азербайджане было организовано заселение некоторых поселков и городов Нагорного Карабаха турками-месхетинцами, беженцами из Узбекистана. В результате в ходе боевых действий беженцы подверглись повторной депортации.

Все сказанное выше не отрицает ценности гуманитарной помощи беженцам. Но глобальное решение проблем беженцев и вынужденных переселенцев на Кавказе невозможно вне контекста миграционных процессов в целом, в свою очередь являющихся частью становления государств и обществ на Кавказе.

Г.Витковская

Миграция народов Южного Кавказа в Россию: масштабы, тенденции, реакция принимающего общества

Эта статья посвящена миграциям представителей автохтонных кавказских этносов¹ из государств Южного Кавказа в Россию и реакции принимающего российского общества на эти потоки. Актуальность и общественная значимость этой темы, как в России, так и в кавказских государствах в последние годы все более и более возрастает.

С одной стороны, представители коренных народов южно-кавказских стран, покидая родину навсегда или уезжая на заработки, чаще всего отдают предпочтение России. Здесь играют роль не только факторы, общие для всех коренных народов бывших союзных республик – отсутствие визовых барьеров, территориальная близость к России, информированность мигрантов об этой стране, знание ими русского языка. Представители южнокавказских народов имеют в России достаточно большие диаспоры, способные оказывать поддержку мигрантам. Так, армяне, согласно статистическим данным последних лет, вошли в десятку самых крупных этнических групп, проживающих в России.² Кроме того, кавказцы уже в течение длительного времени занимают определенные экономические ниши в России и ориентированы на ее рынок. В частности, азербайджанский аналитик Ариф Юнусов, ссылаясь на местные СМИ,³ пишет, что «к концу 1970-х – началу 1980-х годов азербайджанцы негласно контролировали почти 80% советского цветочного бизнеса. Благодаря этому бизнесу в Азербайджане тогда сформировалась достаточно влиятельная и стабильная прослойка предпринимателей...

¹ В дальнейшем для облегчения восприятия текста определение «автохтонные кавказские этносы» я буду заменять определением «народы Кавказа», «кавказцы» и т.п., подразумевая народы, исторические корни которых связаны с кавказским регионом.

² «Труд», 12 октября 2002.

³ «Зеркало» (Баку), 27 января 1996.

ориентированных на российский рынок».⁴

С другой стороны, в России заметно участились алармистские высказывания о «кавказской» иммиграции на самых разных уровнях власти и в средствах массовой информации. Участились и случаи острой реакции со стороны населения, нападения молодежи на мигрантов, некоторые - со смертельным исходом. Среди жертв нападений чаще всего - представители народов Кавказа. В общественном мнении все это напрямую увязывается с миграционным притоком из Кавказского региона. Эту точку зрения отчетливо сформулировал министр РФ по вопросам национальной политики Владимир Зорин: «С процессом (миграционным. – **Г.В.**) такого масштаба мы никогда не сталкивались, и не секрет, что миграция стала одним из источников напряженности в обществе. Обострение экстремизма в обществе связано с неконтролируемой миграцией».⁵

Ситуация требует всестороннего взвешенного и глубокого анализа, на что данная статья не может претендовать. В ней будут затронуты лишь некоторые аспекты проблемы.

Масштабы и характер миграций из южнокавказских стран в Россию *Официальная статистика*

Приступая к рассмотрению миграции кавказцев из южнокавказских государств в Россию, посмотрим прежде всего, как эти миграционные потоки отражаются в российской государственной статистике.

Из данных официального статистического учета можно видеть, что прибывает в Россию из Азербайджана, Армении и Грузии гораздо больше мигрантов, чем выбывает из нее в эти страны. В целом по всем трем государствам в 2000 г. эта разница составила 8 раз, в том числе по Азербайджану – около 5 раз, по Армении – почти 11 раз, по Грузии – более 11 раз (табл. 1).

В этническом составе механического прироста населения России в 2000 г. за счет миграционного обмена с государствами Южного Кавказа доля кавказцев достигала 74%, в том числе армян – более

.....
⁴ Юнусов А.С. Армяно-азербайджанский конфликт: миграционный аспект // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж.А.Зайончковской. М., 1999, с. 85.

⁵ «Труд», 12 октября 2002.

37%, азербайджанцев - 18%, осетин – более 9%, грузин – 8% и народов Дагестана – более 1% (табл. 2). Русские составили в этом приросте третью по численности группу – 12%.

Масштабы миграционного обмена Российской Федерации со странами Южного Кавказа, согласно официальной государственной статистике, довольно небольшие. Общий годовой приток из этих стран в Россию достигал в 2000 г. 56,4 тысяч человек, в том числе кавказцев 37,8 тысяч, что составляет соответственно 16% и 11% от общего притока мигрантов из бывших союзных республик. Миграционный прирост населения России за счет этого притока составил в 2000 г. 44,6 тысяч, в том числе за счет кавказцев – 33 тысячи, или соответственно 17% и 11% от общего прироста

Таблица 1.
Миграции между Россией и Южным Кавказом по странам и этническим группам
в 2000 г., человек

Этнические группы	Прибыло в РФ и выбыло из РФ в 2000 г.							
	всего из/в страны Южного Кавказа		в том числе:					
	прибыло	выбыло	Азербайджан		Армения		Грузия	
прибыло			выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	
Всего	56423	7060	17054	3605	15960	1522	24483	1933
в том числе:								
Азербайджанцы	10037	1971	8957	1900	147	19	933	52
Армяне	18146	1560	1171	127	13049	1186	3926	247
Грузины	4236	647	30	6	30	1	4176	640
Народы Дагестана	1051	429	1034	417	2	1	15	11
Осетины	4281	113	20	-	6	2	4255	111
Чеченцы	21	10	20	1	1	-	-	9

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000 г. (Статистический бюллетень), Госкомстат РФ, 2001, сс. 96-99.

российского населения в миграционном обмене со странами СНГ и Балтии. Но это только за один год.

Масштабы предыдущих миграций в Россию из Азербайджана, Армении и Грузии были значительно больше, однако с середины 1990-х годов прирост российского населения за счет этих миграций начал заметно уменьшаться и составил в 2001 г. всего 16,2 тыс. человек, что в 9,3 раза меньше, чем в 1994 г. (табл. 3). Суммарный

прирост населения России за счет миграционного обмена с этими странами после распада СССР (в 1992-2001 гг.) составил более 820 тысяч человек. Причем сюда не вошли миграции конца 80-х – начала 90-х годов в результате нагорно-карабахского конфликта,

Таблица 2.
Прирост населения России в 2000 г. за счет миграционного обмена с южнокавказскими странами и его этнический состав

Этнические группы	Миграционный прирост в РФ в 2000 г.							
	всего за счет стран Южного Кавказа		в том числе за счет:					
			Азербайджана		Армении		Грузии	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	44562	100	11719	100	14432	100	18411	100
в том числе:								
Представители народов Кавказа, из них:								
Азербайджанцы	8066	18,1	7057	60,2	128	0,9	881	4,8
Армяне	16586	37,2	1044	8,9	11863	82,2	3679	20,0
Грузины	3589	8,1	24	0,2	29	0,2	3536	19,2
Народы Дагестана	622	1,3	617	5,3	1	0,0	4	0,0
Осетины	4168	9,4	20	0,2	4	0,0	4144	22,5
Чеченцы	11	0,0	19	0,2	1	0,0	-9	-0,0
Русские	5374	12,1	1814	15,5	620	4,3	2940	16,0
Другие	6146	13,7	1124	9,5	1786	12,4	3236	17,6

Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000 г. (Статистический бюллетень), Госкомстат РФ, 2001, сс. 100-101.

Таблица 3.
Динамика прироста населения России после распада СССР за счет миграционного обмена со странами Южного Кавказа, тысяч человек

Страны	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	Всего
Азербайджан	50,7	43,1	43,4	37,8	35,4	25,6	18,3	12,1	11,7	3,4	281,5
Армения	12,0	27,9	44,6	31,3	22,4	16,5	14,4	12,4	14,4	4,5	200,4
Грузия	46,2	65,0	62,2	47,3	34,5	21,2	18,1	17,0	18,4	8,3	338,2
Всего	108,9	136,0	150,2	116,4	92,3	63,3	50,8	41,5	44,6	16,2	820,1

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации (Статистический бюллетень), Госкомстат РФ (за соответствующие годы).

событий в Сумгаите и Баку. В последние годы (1999-2001) среди трех южнокавказских государств первое место в качестве миграционного донора для России занимала Грузия.

Общий прирост населения России за счет притока азербайджанцев, армян и грузин из всех бывших союзных республик в 1992-2001 составил чуть более 435 тысяч человек (табл. 4), или в среднем более 10% всего миграционного прироста российского населения в обмене с новыми независимыми государствами после распада СССР (табл. 5), что составляет примерно 0,3% населения России. Наибольший вклад в этот прирост внесли армяне – более 291 тысяча,

Таблица 4.
Динамика прироста населения России за счет миграционного притока представителей титульных народов стран Южного Кавказа из бывших союзных республик, тысяч человек

Этнические группы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	Всего
Азербайджанцы	-2,9	4,7	13,1	15,0	17,1	14,3	10,8	8,2	8,7	1,7	90,7
Армяне	23,6	42,7	60,7	45,9	34,4	23,7	19,8	16,6	18,0	5,7	291,1
Грузины	0,4	6,1	12,5	9,9	7,1	5,3	3,6	3,1	3,8	1,5	53,3
Всего	21,1	53,5	86,3	70,8	58,6	43,3	34,2	27,9	30,5	8,9	435,1

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации (Статистический бюллетень), Госкомстат РФ (за соответствующие годы).

Таблица 5.
Доля представителей титульных народов стран Южного Кавказа в миграционном приросте населения России за счет миграций из бывших союзных республик, %

Этнические группы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Азербайджанцы	-0,8	0,8	1,4	2,5	3,9	3,2	3,0	3,5	3,3	1,4
Армяне	6,6	7,7	6,6	7,5	7,8	5,3	5,5	7,0	6,7	4,6
Грузины	0,1	1,1	1,4	1,6	1,6	1,2	1,0	1,3	1,4	1,2
Всего	5,9	9,6	9,4	11,6	13,3	9,7	9,5	11,8	11,4	7,2

Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации (Статистический бюллетень), Госкомстат РФ (за соответствующие годы).

на втором месте азербайджанцы – более 90 тысяч, и на третьем – грузины – более 53 тысяч человек. Миграционный прирост населения России за счет притока из всех бывших союзных республик армян и грузин достиг максимума в 1994 г., азербайджанцев – в 1996 г., после чего этот прирост постоянно сокращался и достиг в 2001 г.

очень небольших значений, а для армян – минимума с момента распада СССР (табл. 4). Заметно уменьшилась и доля этих этнических групп в приросте населения России за счет миграционного обмена с новыми независимыми государствами – до 7,2%, достигнув минимума с 1993 г., т.е. за период после распада СССР (табл. 5).

Наибольшим приростом населения за счет представителей кавказских народов отличаются регионы российского Предкавказья, но особенно – московский регион. Среди москвичей за последние пять лет стало в десять раз больше кавказцев⁶.

В целом отражаемые статистикой масштабы миграции кавказцев в Россию не столь уж велики, а в последние годы – очень незначительны. Откуда же в российском обществе возникают сегодня тревожные представления о «кавказском нашествии»?

Реальное присутствие

Прежде всего, размеры реального присутствия представителей народов Южного Кавказа в России значительно больше, чем статистически зафиксированные. Приведенная выше российская государственная статистика охватывает только тех мигрантов, которые имеют регистрацию по месту жительства (в терминах нового законодательства – разрешение на временное проживание либо вид на жительство) сроком не менее 6 месяцев. Однако получение такой регистрации для мигрантов – дело не простое, особенно в крупных городах, наиболее для них привлекательных, в первую очередь – в Москве. Поэтому многие мигранты проживают без регистрации. Очень трудно оценить, сколько именно. Большое число мигрантов имеют временную регистрацию по месту пребывания на срок меньше шести месяцев (в терминах нового законодательства – временное пребывание). Эти мигранты вообще не попадают в государственную миграционную статистику, хотя временное пребывание может вполне легально продлеваться.

Согласно данным Федеральной пограничной службы РФ, в которых отражены все перемещения через российскую границу – служебные, туристические, частные, транзитные и т.д., в 1999-2001 гг. из южнокавказских стран приезжали в Россию с различными

⁶ «АиФ» – архивы. 19 ноября 2002. <http://www.aif.ru/aif/old/show.php/991/art030.html>

целями и выезжали из нее ежегодно в среднем более 2 млн. граждан этих государств (табл. 6). На самом деле - это не число людей, а число поездок. Многие люди могли приезжать в Россию по несколько раз. Тем не менее, эти данные, если и не позволяют точно оценить, то все же, дополняя данные статистического учета, характеризуют масштабы присутствия мигрантов-кавказцев в России, на улицах ее

Таблица 6.
Поездки граждан государств Южного Кавказа в/из Россию,
тысяч человек

	Прибыло			Выбыло		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Азербайджан	954,1	1076,8	842,8	761,6	1042,0	703,7
Армения	194,7	236,1	316,5	171,1	213,2	264,5
Грузия	1058,7	948,9	974,6	926,7	991,7	850,5
Всего	2207,5	2261,8	2133,9	1859,4	2246,8	1818,6

населенных пунктов, независимо от целей и сроков этого присутствия.

Нередко из уст чиновников, в том числе достаточно высокопоставленных, приходится слышать оценки незаконной миграции в Россию, основанные на разнице между числом прибывших и выбывших иностранных граждан по данным пограничного учета. При этом предполагается, что если прибыло больше, чем выбыло, то остальные остались в стране нелегально. Эту логику воспроизводят и СМИ. По этой логике, если в 1999 г. всего в страну прибыло 18,9 млн. иностранцев, а выбыло 14,3 млн., то «нелегальный осадок» составил 4,6 млн.; в 2000 г. прибыло 21,2 млн., выбыло 17,9 млн., соответственно, число «нелегалов» - 3,3 млн. Может быть, поэтому в последнее время государственными служащими чаще всего приводится оценка 3-5 млн. нелегалов в год.

Было бы очень хорошо, если бы все было так просто. К сожалению, это не так. В частности, такая логика оценок предполагает, что прибывают и выбывают в течение года одни и те же люди. На самом деле мигранты приезжают с разными целями на разные сроки, и в течение года могут уезжать приехавшие в предыдущие годы, а те, кто приехал в этом году, могут покинуть страну в последующие годы. Причем мигранты, вполне легально остающиеся в стране даже 6 и более месяцев, далеко не всегда попадают в официальную статистику из-за имеющихся недостатков учета временного

пребывания. Возможна и незапланированная транзитная миграция, когда люди приезжают в Россию, например, с частными или служебными целями, а из России едут не домой, а в другие страны, причем совершенно не обязательно нелегально. Да и незаконные мигранты, выпадая из этой логики, вполне могут «обернуться» туда и обратно в течение одного года, так как многие из них приезжают на сезонные и временные работы.

Применительно к странам Южного Кавказа изложенная логика оценки незаконной миграции приводит к довольно странным результатам, и даже – в частности, применительно к Грузии в 2000 г. – к абсурдным. В 1999 г. из граждан трех южнокавказских государств, приехавших в Россию, «остались в ней нелегально» 348 тысяч человек, в 2000 г. – почему-то всего 15 тысяч, а в 2001 г. – снова более 300 тысяч (табл. 6). Из Грузии же в 2000 г. прибыло ее граждан в Россию на 43 тысячи меньше, чем выбыло.

В качестве информации о нелегальной миграции данные Федеральной пограничной службы РФ о распределении мигрантов – иностранных граждан по целям поездок могут лишь косвенно указывать на основные каналы такой миграции. Среди всех видов поездок граждан южнокавказских государств в Россию подавляющее большинство – с частными целями (табл. 7). Причем доля таких поездок в течение 1999-2001 гг. постоянно повышалась и составила в указанные годы 73, 77 и 86% соответственно. Это – канал, наиболее удобный для поисков временной работы или попыток обустройства в России, особенно для представителей народов Южного Кавказа, диаспоры которых в России весьма многочисленны.

Более реалистичные оценки незаконной миграции основываются обычно, на данных МВД РФ об административных наказаниях за нарушение правил пребывания в стране, особенно по результатам специальных рейдов, которые локальны и нерегулярны, а также на данных социологических обследований, которых проводится, к сожалению, явно недостаточно.

Таким образом, дать точные численные характеристики масштабов реального присутствия кавказцев в России чрезвычайно сложно. Тем не менее, кое-какие оценки все же имеются. Например, газета «Аргументы и Факты» (АиФ) писала в 1998 г., что «по данным МВД России, сегодня в Москве пребывает как прописанных, так и без прописки около 500 тыс. азербайджанцев, а по данным посольства Азербайджана – около 1 млн. человек»⁷. Азербайджанские эксперты

полагают, что только за 1991-1997 гг. из Азербайджана в Россию выехало более 1,5 млн. человек.⁸ Большинство экспертов в России и странах Южного Кавказа сходятся в том, что в настоящее время примерно каждая третья семья в Армении и Азербайджане имеет своего «представителя»-работника в России.⁹ По оценке этнолога Сергея Новохатского, «общая этногруппа так называемых кавказцев превысила критический 10-процентный барьер» в численности населения России.¹⁰

Трудно определить степень достоверности этих оценок. Как правило, методология их получения не известна. Однако как приведенные здесь, так и все другие существующие оценки значительно выше данных официального статистического учета. Это может означать только одно – большинство представителей

Таблица 7.
Распределение граждан южнокавказских государств, прибывших в Россию, по целям поездок, тысяч человек

Цели поездок	Азербайджан			Армения			Грузия			Всего		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Служебная	288,0	193,6	55,4	11,9	14,2	48,3	62,9	35,0	29,1	362,8	242,8	132,9
Туризм	20,5	90,4	5,1	1,4	6,3	2,5	6,7	33,3	18,9	28,6	130,0	26,6
Частная	572,9	719,1	715,4	146,4	186,5	236,8	897,0	843,4	878,1	1616,4	1749,0	1830,3
ПМЖ*	0,05	2,8	1,6	0,1	1,1	0,8	0,0	0,9	3,2	0,06	4,8	5,6
Транзит	23,5	32,0	27,9	8,9	5,3	4,3	14,2	9,9	10,6	46,6	47,1	42,8
Обслуж. персонал	49,0	39,0	37,3	26,1	22,7	23,8	77,9	26,4	34,6	153,0	88,1	95,8
Всего	954,1	1076,8	842,8	194,7	236,1	316,5	1058,7	948,9	974,6	2207,5	2261,8	2133,9

Источник: Данные Федеральной пограничной службы РФ.

* ПМЖ – постоянное место жительства.

автохтонных этносов стран Южного Кавказа пребывают в России в качестве незаконных мигрантов.

⁷ «Аргументы и Факты», 1 20, май 1998.

⁸ Юнусов А.С. Указ. соч. с.85.

⁹ «Труд». 3 августа 2002.

¹⁰ Infonews. Новости подробно. 19 ноября 2002. <http://www.i-news.org/articles/2029>

Незаконные мигранты

Дефиниция «незаконный мигрант» определяется национальным законодательством, регулирующим миграцию, и правоприменительной практикой. Поэтому в разных странах в эту категорию могут попадать разные группы мигрантов. В этой связи незаконная миграция отражает в определенной мере отношение государства и общества к иммиграции и иммигрантам. В России содержание понятия «незаконный мигрант» трактуется достаточно широко, особенно в правоприменительной практике.

К незаконным мигрантам в России относятся лица, въехавшие на ее территорию из других стран и при этом нарушившие правила въезда (незаконный/нелегальный въезд) либо правила пребывания (незаконное/нелегальное пребывание) в стране.

Под незаконным/нелегальным въездом в Российскую Федерацию понимается проникновение на ее территорию иностранных граждан, минуя пункты пропуска на границах, т.е. через так называемый «зеленый коридор», либо с поддельными и неисправными документами.

Наиболее распространенными из разновидностей нарушения мигрантами правил пребывания в России являются проживание без регистрации и незаконная/нелегальная занятость. Чаще всего первое влечет за собой второе. Ограничительная регистрация по месту жительства и пребывания, фактически сохраняющаяся в ряде регионов и городов России, особенно в наиболее привлекательных для мигрантов, в значительной мере порождает большой слой «нелегалов», отсекая им пути в легальные сферы занятости. В опросе около 900 мигрантов, проведенном московской миссией Международной организации по миграции (МОМ) в 1998 г. в пяти областях России, среди ответов на вопрос о том, какие проблемы возникают из-за отсутствия регистрации (прописки), на первое место вышел ответ «проблемы с устройством на работу» (60% респондентов).

Данные социологического обследования, проведенного исследовательской программой МОМ в 2001-2002 гг. в 12 регионах России, показали, что подавляющее большинство незаконных трудовых мигрантов в России – около 90% – это граждане новых независимых государств, бывших союзных республик. Кавказцы занимают в этой группе одно из первых мест.

Незаконная занятость включает, во-первых, разумеется, деятельность в теневой экономике и в сфере криминального бизнеса,

т.е. занятие запрещенными законом (криминальными) видами деятельности – (организация проституции, торговля оружием и людьми, распространение наркотиков, порнографии и т.п.).

Во-вторых, незаконная занятость охватывает неформальную занятость на легальных рынках труда, т.е. трудовую деятельность иностранцев, юридически не оформленную в соответствии с действующими в Российской Федерации правилами использования труда иностранных работников. Сюда относится прежде всего работа по найму без оформления надлежащих разрешений и подтверждений на право трудовой деятельности, кроме законодательно установленных случаев, когда такие разрешения и подтверждения не требуются, как, например, для граждан Республики Беларусь. Кроме того, это – осуществление трудовой деятельности не в соответствии с полученным разрешением и подтверждением либо по просроченным и поддельным разрешениям и подтверждениям. Это также занятие предпринимательской и индивидуальной трудовой деятельностью без соответствующего оформления разрешений, лицензий и надлежащей регистрации в государственных органах (налоговых, социального обеспечения и т.п.), а также по поддельным и просроченным документам.

Неформальное трудоустройство на легальных рынках труда – наиболее распространенный вид нарушения мигрантами правил пребывания в стране и, соответственно, источник нелегальной миграции. В 2001 г. в России были официально выданы разрешения для осуществления трудовой деятельности 283 тысячам человек, тогда как, по экспертным оценкам, в Российской Федерации осуществляют трудовую деятельность более 1,5 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства¹¹, и это, на наш взгляд, – по самым осторожным оценкам.

Такой феномен объясняется не только большим предложением рабочих рук мигрантов, не сумевших легализовать свое проживание или пребывание в стране. Огромную роль в формировании этого вида незаконной миграции играет большой спрос на работников-нелегалов со стороны российских работодателей. Последние нередко заинтересованы в дешевой, бесправной, безответной рабочей силе, не претендующей на какие-либо социальные гарантии. Но и это не главное. В значительной мере указанный спрос определяется

¹¹ «Российская газета». 24 сентября 2002.

экономическими и бюрократическими условиями, в которые поставлены работодатели. Они стоят перед лицом высоких ставок налогообложения фонда заработной платы, а также весьма сложной и чрезмерно централизованной процедуры получения разрешений на привлечение иностранных работников, с одной стороны, и растущим дефицитом рабочей силы – с другой. Экономическая статистика свидетельствует, что в 2000 г. 6% предприятий России испытывали дефицит труда, а в 2001 г. – уже 27%.¹² В течение 1999-2000 гг. число свободных рабочих мест на крупных и средних предприятиях и в организациях возросло более, чем в 1,5 раза и достигло 1,2% их среднесписочной численности, что стало самым высоким показателем за все 1990-е годы.

Таким образом, трудовые мигранты, востребованные экономикой России, объективно являются для нее благом. Однако будучи незаконными мигрантами, они представляют для нее несомненную угрозу. В таком своем качестве они заметно стимулируют внутрироссийскую преступность – рэкет, коррупцию, – являясь для нее заманчивым объектом. Они способствуют поддержанию и развитию теневых, неконтролируемых государством секторов занятости. Они в силу «искусственной» дешевизны их рабочей силы могут влиять в сторону понижения на средний уровень оплаты труда и способствовать тем самым росту недовольства местного населения и социальной напряженности. Они могут представлять угрозу как для собственного здоровья, так и для здоровья принимающего населения, поскольку не проходят осмотров и обследований, их доступ к медицинским услугам минимален.

Таким образом, в лице незаконных трудовых мигрантов мы имеем дело с неким двуликим Янусом, который одновременно и благо, и угроза для России. Как трудовые, они – благо, как незаконные, они – угроза.

Миграционная политика как ответ принимающего общества

За второй, угрожающий лик иммигрантов в значительной мере ответственна российская политика, в первую очередь – миграционная

.....
¹² Открытый Форум МОМ. Информационная серия, Выпуск 5, август 2002, с.17.

(как концептуальная, так и практическая), оставляющая так мало легитимного пространства для трудовой миграции в страну. В новом российском законодательстве ограничительный акцент еще более усилился.

Новое федеральное законодательство

Новый Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», вступивший в силу с 1 июля 2002 г., установил общие условия получения российского гражданства для иммигрантов из всех стран, включая новые независимые государства, т.е. и для бывших граждан СССР, за очень небольшими исключениями, позволяющими прибегнуть к упрощенной процедуре. В соответствии со статьей 14 нового закона, к таким исключениям относятся несовершеннолетние дети или недееспособные лица, имеющие родителей – граждан РФ, а также совершеннолетние дети, имеющие недееспособных родителей – граждан РФ. Другим исключением являются бывшие граждане СССР, не получившие гражданства новых независимых государств и остающиеся апатридами. Это относится главным образом к странам Балтии, так как все остальные бывшие союзные республики приняли нулевой вариант гражданства, по которому гражданами становились все, кто постоянно проживал в стране на момент вступления в силу национального закона о гражданстве.

Согласно статье 13 нового закона, теперь практически все бывшие соотечественники россиян смогут подать заявление на российское гражданство только через 5 лет с момента получения вида на жительство. Все эти 5 лет нужно непрерывно жить в России, в течение года можно уезжать максимум на 3 месяца. Кроме того, претендент должен иметь законный источник средств к существованию и владеть русским языком. Он также обязан обратиться в полномочный орган иностранного государства с заявлением об отказе от имеющегося у него гражданства. В некоторых случаях срок проживания в России, необходимый для подачи заявления на гражданство, может быть сокращен до одного года. Это касается тех, кто родился на территории России и имел при этом в прошлом гражданство СССР. Другой вариант – состояние в браке с гражданином РФ не менее 3-х лет. Льгота предоставляется также тем, кто получил в России политическое убежище или статус беженца. И, наконец, еще одна льготная категория, это – лица,

имеющие высокие достижения в науке, технике и культуре либо необходимую для России профессию/квалификацию. Те же, кто имеет особые заслуги перед РФ, вообще освобождаются от всех условий приобретения гражданства, предусмотренных статьей 13.

Получение вида на жительство, от которого ведет свой отсчет надежда на российское гражданство, требует проживания в России не менее года на основании разрешения на временное проживание. Это зафиксировано в статье 8 нового «Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», вступившего в силу с 1 ноября 2002 г. Статьи 6 и 7 этого же закона устанавливают условия получения разрешения на временное проживание. Если до сих пор мы рассматривали возможности иммиграции в Россию на постоянное жительство, то теперь мы обращаемся к нормам нового закона, касающимся всех иммигрантов, в том числе и временных трудовых.

Разрешения на временное проживание сроком на 3 года выдаются в пределах квоты, устанавливаемой правительством на основе предложений субъектов Федерации. Сверх квоты такое разрешение могут получить уроженцы РФ или РСФСР (имевшие гражданство СССР), нетрудоспособные родители либо дети дееспособных граждан РФ, а также лица, осуществляющие крупные инвестиции в России. Заявление претендента рассматривается в течение шести месяцев. При отрицательном решении можно вновь обратиться с заявлением не ранее, чем через год после получения отказа. Те, кто получили разрешение на временное проживание, «не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания в пределах субъекта РФ, на территории которого ему разрешено временное проживание» (ст. 11), он также не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов этого субъекта РФ (ст. 13).

Законом предусмотрен еще и такой статус, как «временное пребывание» (ст. 5), срок которого определяется продолжительностью действия визы, а при безвизовом въезде составляет 90 суток. Эти сроки могут быть как продлены, так и сокращены, если изменились обстоятельства, в связи с которыми был разрешен въезд в РФ. Решения об этом принимаются местными органами внутренних дел.

Для всех мигрантов вводятся миграционные карты, миграционные залоговые марки, разного рода пошлины (за выдачу приглашения на въезд, за разрешение на временное проживание, за привлечение иностранного работника, за разрешение на работу).

Таким образом, новое законодательство вводит либо усиливает скорее заградительные меры, нежели способствующие привлечению мигрантов. Легальное пространство для миграции в Россию еще больше сокращается.

Причем нельзя не отметить, что ограничительный потенциал российской миграционной политики еще не исчерпан. В ходе разработки и обсуждения нового законодательства некоторым государственным ведомствам оно казалось недостаточно жестким. В частности, по сообщению РИА «Новости» от 21 июня 2002 г., начальник отдела Главного управления уголовного розыска МВД России полковник Виктор Папсуев заявил на брифинге, что представители МВД планируют направить в Государственную Думу проекты поправок и дополнений, направленных на введение уголовной ответственности для незаконных мигрантов.

Политика на региональном уровне

Наиболее рестриктивная политика в отношении мигрантов проводится в местах их наибольшего притока – мегаполисах (в первую очередь, Москве) и приграничных регионах.

Например, миграционное законодательство таких субъектов Северокавказского региона как Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края в середине-конце 1990-х гг. было наиболее разработанным по сравнению с другими субъектами Российской Федерации и наиболее ограничительным, селективно ориентированным, как и правоприменительная практика. В Краснодарском и Ставропольском краях были введены жесткие квоты на право пребывания и проживания иностранных граждан и апатридов.¹³ Например, в Ставрополье – 0,5% числа жителей соответствующего населенного пункта. Въезд иностранных граждан и апатридов ограничивался, а в Ростовской области и Ставропольском крае был введен запрет на их постоянное проживание. Статус беженца и вынужденного переселенца предоставлялся, помимо прочих условий, лишь при наличии близких родственников, проживающих на территории субъекта федерации в течение установленного срока: более 5 лет в Ростовской области и более 10 лет в Краснодарском крае.¹⁴

¹³ Постановление главы администрации Краснодарского края от 30.09.94; «Иммиграционный кодекс» Ставропольского края, ст. 44.

При этом беженцы (то есть не граждане России) могли получить в Краснодарском крае право лишь на временное проживание сроком до одного года, а в Ростовской области они, в отличие от

Таблица 8.

**Изменение численности отдельных национальных групп населения
в Ставропольском крае в 1989-1997 гг.,
тысяч человек**

	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
Все население	242,0	-10,9	253,4
Русские	174,8	-40,8	215,6
Украинцы	8,5	-5,2	13,7
Белорусы	2,0	-0,9	2,9
Народы Закавказья	45,3	6,9	38,4
из них:			
Азербайджанцы	2,6	1,5	1,1
Армяне	41,0	5,3	35,7
Грузины	1,7	0,1	1,6
Народы Северного Кавказа	12,3	15,7	-3,4
Евреи	-1,3	-0,7	-0,6
Немцы	-5,1	0,2	-5,3
Туркмены	1,9	1,8	0,1

вынужденных переселенцев (граждан России), не получали льгот по оплате регистрационного сбора.

Законодательство этих регионов в своем развитии опережает федеральное. В 2002 г., но на шаг раньше федерального центра, ими были приняты новые законы. 11 апреля вступил в силу Закон «О пребывании и жительстве на территории Краснодарского края», а 24 июня – Закон «О мерах по пресечению незаконной миграции в Ставропольский край». Оба эти документа возводили перед мигрантами весьма значительные препятствия, не предусмотренные Конституцией РФ.

¹⁴ Законы «О порядке регистрации пребывания и жительства на территории Краснодарского края» от 23.06.95 и «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории Ростовской области» от 19.09.94.

Таблица 9.
Этнический состав миграционного прироста в равнинном Предкавказье в
1997 г.,
процент

	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Русские	58,9	74,7	70,2
Народы Кавказа	19,7	13,3	21,8
в том числе:			
Народы Северного Кавказа	-0,4	-0,1	4,4
Народы Закавказья	20,1	13,4	17,4
из них:			
Азербайджанцы	3,9	0,5	2,4
Армяне	14,3	11,5	14,1
Грузины	1,9	1,4	0,9
Титульные народы стран СНГ и Балтии	20,0	11,4	6,1
Другие	1,4	0,6	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Эффективность ограничительной политики

Оставляя в стороне вопросы соответствия такой политики международным принципам в отношении перемещения населения и российскому федеральному законодательству, включая Конституцию РФ, посмотрим с прагматической точки зрения, какие результаты она приносит.

Прежде всего, эта политика не достигает заданной цели, а именно уменьшения миграционного притока и сохранения сложившегося этнического баланса населения даже в легальной, официально учитываемой части населения. Статистика показывает, что в рассматриваемых регионах заметно растет численность и доля неславянских народов. Например, в Ставропольском крае с 1989 по 1997 гг. за счет миграционного прироста увеличилась численность народов Закавказья - армян, азербайджанцев, грузин (табл. 8). Больше всего выросла численность армян - на 41 тыс. человек, в том числе - на 36 тысяч за счет миграционного прироста.

В динамике этнического состава миграционного прироста населения в Ставропольском крае быстро снижается доля русских - с 83% в 1996 г. до 66% в 1998 г. (на 17% всего за два года) и растет доля других национальностей. Представители неславянских народов

составляют значительную долю в миграционном приросте населения в Ростовской области (около 40%), Ставропольском (около 30%) и Краснодарском (более 25%) краях (табл. 9).

Таким образом, результаты миграционных процессов в регионе показывают, что жесткое регулирование все-таки не достигает поставленных целей, что возможности рестриктивного администрирования весьма ограничены.

С этим столкнулись в свое время все принимающие страны мира. Это придется осознать и России. И чем раньше, тем лучше. А возводимые законодательные и бюрократические барьеры ведут лишь к сокращению легитимного пространства для миграции и занятости и, соответственно, к увеличению числа нелегальных мигрантов, к росту теневой занятости и в итоге - к возникновению реальной угрозы потери контроля над ситуацией.

Таблица 10.

Отношение населения к мигрантам неславянских национальностей из СНГ и Балтии, процент опрошенных

Области, где проводился опрос	Выразили негативное отношение*					
	к представителям кавказских народов			к представителям других неславянских народов		
	всего	просто негативное	крайне негативное	всего	просто негативное	крайне негативное
Ростовская	47,7	24,6	23,1	15,0	7,5	7,5
Саратовская	34,9	25,8	9,1	4,9	3,3	1,6
Орловская	21,8	13,9	7,9	5,8	2,4	3,4
Воронежская	19,1	11,6	7,5	12,4	6,6	5,8
Рязанская	8,3	6,7	1,6	5,0	5,0	0,0
Всего	28,0	17,0	11,0	9,0	5,1	3,9

* Ответы местных жителей на вопросы: «К мигрантам каких национальностей вы относитесь отрицательно?», «К каким крайне отрицательно?» Вопросы были открытыми, то есть не предоставляли респондентам вариантов ответа.

Но самым печальным следствием проводимой региональными властями политики неприятия является рост нетерпимости в самом принимающем обществе.

Обследование, проведенное нами в 1997-1998 гг. в пяти областях России,¹⁵ показало, что, в южных приграничных регионах России -

¹⁵ Были опрошены около 900 мигрантов из стран СНГ и Балтии и около 800 местных жителей (226 в Ростовской области) как в городах, так и в сельской местности. Опрашивалось только взрослое население (18 лет и старше).

Ростовской и Саратовской областях, где власти демонстрируют наибольшую обеспокоенность по поводу иноэтничного миграционного притока, - уровень нетерпимости принимающего населения

Таблица 11.

Что мешает предпринимательству мигрантов, процент опрошенных

Области	Ответы	
	бюрократия	коррупция
Саратовская	14	14
Ростовская	13	14
Орловская	6	5
Рязанская	7	9
Воронежская	8	7

к иноэтничным мигрантам, особенно к кавказцам, намного выше, чем в других регионах, и достигает 48 и 35% населения (табл. 10). В ответах на эти же вопросы местные жители называли и представителей других неславянских народов, к которым они относятся негативно и крайне негативно. Лидерами по таким ответам оказались Ростовская и Воронежская области с результатами 15 и 12%. В том же году по заказу Правительства Москвы, также отличающейся жестко ограничительной миграционной политикой и довольно демонстративными практическими мерами по ее реализации, был проведен опрос москвичей о межнациональных проблемах. Оказалось, что 69% жителей города отрицательно относятся к приезду мигрантов – представителей разных этносов из других стран и республик РФ. И это на 10% больше, чем в аналогичном опросе 1996 года.

Одним из аргументов сторонников жесткой ограничительной и селективной миграционной политики является утверждение, что такая политика отражает настроения населения. Как показывают наши и многие другие обследования, большинство населения руководствуется в своем отношении к мигрантам не личным опытом, а сложившимися в данном социуме стереотипами и мифологемами, формируемыми как раз политикой властей и выступлениями СМИ. Например, по данным нашего опроса в 1997-1998 гг., те, кто был лично знаком с мигрантами или имел среди них друзей, в 2,6 раза чаще отзывались о них позитивно по сравнению с теми, кто лично с мигрантами не общался.

И, наконец, еще один неизбежный результат применения жестких

административных ограничений – рост коррупции. В обследовании 1997-1998 гг. вопрос «Что мешает вам заняться предпринимательством в России?» мы задавали мигрантам из новых независимых государств (предпринимательский потенциал которых, кстати, значительно выше, чем у принимающего российского населения). Лидерами по частоте ответов «бюрократия» и «коррупция» оказались опять-таки две южные приграничные территории – Ростовская и Саратовская области (табл. 11).

В свою очередь, высокий уровень коррупции в стране, который является одновременно и предпосылкой и следствием незаконной миграции, вносит значительную лепту в сохранение и развитие этого феномена. Как и работодатели в сфере теневой занятости, правоохранительные органы некоторых наиболее принимающих регионов России заинтересованы в наличии большого числа мигрантов, не имеющих легального статуса, и рассматривают их как источник дополнительного дохода.

Жесткие рестриктивные меры, в том числе сложности в получении регистрации по месту жительства или пребывания в РФ (разрешения на временное проживание, вида на жительство), бюрократия и коррупция порождают у мигрантов стойкое нежелание или боязнь обратиться в соответствующие государственные структуры для легализации. При этом около 75% опрошенных в обследовании МОМ в 2001-2002 гг. незаконных мигрантов, даже при отсутствии у них необходимых документов, выражают твердое желание иметь какой-то легальный статус на территории РФ.

Свою роль в сужении легального миграционного пространства играет и неэтичность практической миграционной политики. Пилотное обследование незаконных мигрантов показало чрезвычайно низкий уровень их информированности, полное незнание ими действующего законодательства РФ и правил въезда и пребывания на ее территории, процедур легализации.

Как показывает мировой опыт, при наличии внутреннего спроса на мигрантов в стране любые ограничительные и селективные меры ведут не к уменьшению миграционного притока, а к повышению доли незаконной составляющей в этом притоке. То есть к росту незаконной миграции. А это обрекает и в будущем значительную часть трудовых мигрантов в Россию, в том числе из государств Южного Кавказа, на большие трудности и риски, связанные с отсутствием легального статуса.

В.Дятлов

Выходцы из Закавказья в современной российской провинции: проблема диаспорализации

Задача статьи – попытаться выявить причины, возможность и необходимость рассмотрения сообществ выходцев из Закавказья в современной российской провинции в категориях диаспоры.

Ситуация в провинции имеет принципиально важное значение. Она менее космополитична, чем столицы, менее анонимна, связи и отношения в ней более персонифицированы, личностны, внимание к тому, что расценивается как чужое, более пристально – и внимание это зачастую трудно назвать доброжелательным. Социальные перемены происходят там медленнее, их позитивные результаты меньше, а тяготы куда сильнее, чем в столицах. Но именно в провинции концентрируется значительная часть формирующихся диаспор, именно там находятся многочисленные экономические ниши для них и именно там борьба за ресурсы может принять и принимает ожесточенный характер. Просто потому, что объем этих ресурсов мал. Причем эта борьба легче принимает облик этнического противоборства. Однако устойчивость, консервативность, персонифицированность провинциальной жизни могут стать и становятся амортизаторами конфликтов. Провинции неоднородны – и ситуация вокруг новых формирующихся диаспор может радикально отличаться, скажем, в Краснодарском крае и в Иркутской области. Именно поэтому так важно представлять не только то, что происходит в стране в целом, не только в столицах, но и в каждом регионе, причем не только в областных центрах, но и в «глубинке» – многочисленных городах, городках, рабочих поселках и деревнях.

Приметой времени становится сейчас стремительно расширяющееся применение термина «диаспора» в общественной практике, использование его как некоего клише, даже ярлыка. Зачастую это маркирует и даже формирует стиль и характер межгрупповых отношений, более того, конструирует сами эти группы в массовом сознании. Нередко (и в нарастающих масштабах) этим термином

называют – и таким образом вычлениют и объ единяют – всех, кого считают представителями неких национальных групп (в данном случае – азербайджанцев, армян, грузин) вне пределов соответствующих государств. Как правило, при этом имплицитно подразумевается, что сам факт этничности автоматически делает их организованным сообществом, корпорацией со взаимными обязательствами и коллективной ответственностью. Есть прецеденты, когда термину пытаются придать даже некое правовое содержание. Таким образом, если вдуматься, под диаспорой нередко понимается нечто вроде сословия.

Этот стихийно примордиалистский дискурс особенно характерен для чиновников и журналистов, сталкивающихся с феноменом полиэтничности сообществ. Типичны и распространены, например, такие заголовки статей в иркутских газетах: «Азербайджанская диаспора зовет к объ единению всех народов» (речь идет о заявлении азербайджанского национально-культурного общества «Бирлик»), «Силовики договариваются с диаспорами» (заметка о встрече чиновников правоохранительных органов с лидерами национально-культурных обществ, называемых здесь диаспорами)¹.

При попытках понять и объяснить проблему и тем более регулировать неизбежные конфликты, в которых участвуют представители различных национальностей, такой подход (особенно представления о коллективной ответственности) может радикально дестабилизировать ситуацию и вывести конфликтность на новый уровень.

Ярко иллюстрирует этот тезис недавний эпизод из жизни современного Иркутска. Комментируя покушение на крупного бизнесмена-азербайджанца, заместитель начальника УВД области П.Ковальчук сказал: «Мы предполагаем, что заказчиками и исполнителями данного преступления были азербайджанцы. Дело в том, что давно эта диаспора раскололась на две почти равные группировки: одна из них ориентируется на чеченскую преступную группировку, вторая тяготеет к славянской». Здесь даже особого комментария не требуется. Из всего текста интервью видно, что высокопоставленный чиновник ведет речь о борьбе за лидерство в национально-культурном обществе, об экономической конкуренции,

¹ «СМ-Номер один», Иркутск, 2002, 25 марта; «Комсомольская правда-Байкал», 29 ноября 2000.

о связи с криминалом и о криминальных формах борьбы, но употреблением термина «диаспора» фактически обвиняет в причастности к организованной преступности **всех** азербайджанцев региона. Слово «диаспора» стало здесь синонимом «преступной группировки». Естественно, что это заявление вызвало резкий протест лидеров национально-культурного общества².

Поэтому не случайно довольно широко распространенное нежелание самоидентификации в категориях диаспоры, восприятие этого термина с отрицательной коннотацией. Статья в московской газете «Меджлис» так и называется: «Не называйте нас диаспорами». Ее пафос сконцентрирован в последнем абзаце: «Неправильное употребление слова «диаспора» не так безобидно, как это кажется на первый взгляд. Люди, не знающие истории страны, а их, к сожалению, немало, не могут к тому же разобраться в роли и месте коренных народов в нашем сообществе. У последних слово «диаспора» создает чувство неполноценности, ущербное ощущение «пришельцев» в инонациональной и иноконфессиональной среде. А это недопустимо со всех точек зрения, в первую очередь с позиции сохранения мира, стабильности и благополучия в обществе, целостности и единства страны»³.

С другой стороны, наблюдается и прямо противоположная тенденция – самоидентификация в категориях диаспоры. Достаточно посмотреть, например, газету Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России «Азеррос. Азербайджанцы России», издающуюся в Москве, как станет видно, что именно так смотрят на себя издатели газеты, ее журналисты, лидеры Федерации. В одном из своих документов Совет ФНКА «Азеррос» «заявляет о всемерной поддержке усилий, направленных на сплочение азербайджанской диаспоры во имя общенациональных интересов народа, где бы ни жили его представители»⁴.

Все чаще в кругах активистов национальных обществ возникают проекты придания своим общественным организациям неких

² Война среди своих // «СМ-Номер один», Иркутск, 29 марта 2002; У преступления нет национальности // «СМ-Номер один», 2002, 1 апр.; Кто объявил войну иркутским азербайджанцам? Их поджигают, обстреливают и принудительно высылают из страны. // «СМ-Номер один», 2002, 19 июня.

³ «Меджлис». М., 2000, 1 11

⁴ «Азеррос. Азербайджанцы России». М., 2000, 1 3

квазигосударственных функций (например, идея выдавать приезжим соотечественникам некие справки о благонадежности, без которых нельзя получить место на рынке, получение права и обязанности депортировать «неблагонадежных» и т.д.). Так, созданное в 1994 г. в Иркутске азербайджанское национально-культурное общество «Даяг» провозгласило своей основной целью установить контроль над всеми въезжающими в город азербайджанцами. По словам работавших тогда чиновников областной администрации, к ним приходили с просьбой: «Дайте нам справку, что мы здесь главные, мы будем здесь всех контролировать». Совет «Даяга» планировал выявлять «позорящих честь нации азербайджанцев» и при необходимости выдворять их на родину. В прессе приводился пример, когда соотечественнику, попавшему в эту категорию, купили билет и проводили до самолета. Существовал и довольно экзотичный план наведения порядка, при котором для получения места на рынке предусматривалось обязательное предъявление справки общества, что данный гражданин «торговать может»⁵.

Подразумевается при таком подходе, что национальное общество, «диаспора», является неким социальным организмом, в который не вступают, а которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя, в свою очередь, также оценивается как природная данность. Таким образом, расширяющееся применение термина в общественной и политической практике, чрезвычайно свободное его понимание и трактовка сами по себе могут осложнить и без того непростые межнациональные взаимоотношения.

Есть и другая сторона проблемы. Масштабы современных трансграничных миграций, новый правовой статус мигрантов, сами условия миграции по-новому поставили ключевую для данной работы проблему - их роль в формировании этнических диаспор. Есть много оснований предполагать, что в положении мигрантских групп и сообществ начинается качественно новый этап, важнейшие характеристики которого можно выявить и объяснить, используя сложившиеся представления о диаспоре.

.....
⁵ Гедвило Г. Культурные организации азербайджанцев в Иркутске. История формирования и место во внутриобщинных отношениях// «Диаспоры», М., 2001, ¹ 1, С. 154; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: «Наталис», 2000. с. 110 - 111

И здесь необходимо хотя бы кратко определиться с пониманием этого явления, с возможностью использования самого понятия как эвристического, инструментального. Это важно в силу современной историографической ситуации, когда, с одной стороны, термин стал чрезвычайно популярен и часто употребляется, с другой же - сфера его применения стала настолько широкой, что возникают сомнения по поводу его применимости в качестве научного термина и понятия. Термин используется в широчайшем диапазоне: от синонима национального меньшинства или эмиграции до понимания диаспоры как некоторой структуры, даже организации, основанной в результате свободного выбора и решения его членов. И здесь мы можем наблюдать явные переключки с обыденным бытованием и употреблением термина. Для того, чтобы не углубляться в этот сюжет дальше, отошлем читателя к дискуссии в журнале «Диаспоры»⁶.

Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что с точки зрения автора, диаспора – это не конгломерат лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине. Это, конечно, и не организация с фиксированным членством, но особый тип человеческих взаимоотношений, **сообщество, социум**, постоянный, структурированный, осознающий свою общность и выделенность. При этом не исключено, особенно на ранних стадиях его становления, что устойчивый, структурированный, динамично развивающийся социум может существовать при явном преобладании не укорененных мигрантов, временных, маятниковых жителей. Главное – устойчивость самой группы, ее функционирования. Можно предположить ситуацию, когда массовые приезды-отъезды, постоянные ротации членов не приводят к нарушению преемственности и устойчивости связей, отношений, структур, сетей.

С другой стороны, диаспора – не данность, а ее становление и развитие - не автоматический процесс. Ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. И если посмотреть с этих позиций на динамику становления и развития сообществ выходцев из Закавказья в российских регионах, то можно с большой долей уверенности утверждать, что несмотря на длительную историю именно постсоветское десятилетие стало для

⁶ «Диаспоры». М., 1999, ¹ 1, 2-3; 2000, ¹ 1-2, 3; 2001, ¹ 1, 2-3; 2002, ¹ 1.

них качественно новым этапом, этапом диаспорализации.

Несмотря на очевидную преемственность феномена с советским периодом, имеется ряд причин для такого утверждения. На самоощущение мигрантов, их самоидентификацию, образ и стиль жизни огромное влияние оказывала политика советских властей, подозрительно относящихся к национальной самоорганизации, к диаспоральности, стремящихся унифицировать, советизировать, а фактически максимально быстро русифицировать мигрантов.

Характерен в этом смысле пример туркмен и азербайджанцев в Амурской области. Они в массовом и плановом порядке ввозились сюда для работы в сельском хозяйстве в 1980-е годы. Власти не решились или не захотели пойти на создание компактных поселений, не открыли национальных школ и классов – хотя экономическая выгода от этого (в виде резкого снижения текучести) была очевидна уже тогда.

Отсюда - пониженное (хотя и куда более высокое, чем у принимающего большинства) место этнической самоидентификации на общей шкале ценностей у мигрантов и их потомков. В том же направлении воздействовал и внутригосударственный, межрегиональный характер миграции. Равный статус мигрантов, возможность свободного сообщения с «национальным очагом» в рамках единого государства уменьшали опасения по поводу сохранения этничности. Можно предположить, что этничность в качестве ресурса адаптации и достижения успеха на новом месте вряд ли играла решающую роль в жизненной стратегии мигрантов.

Это обстоятельство часто фиксируется внимательными наблюдателями. Как констатировал иркутский корреспондент газеты армян Юга России «Еркрамас», «общинная жизнь армян и других меньшинств в советское время фактически прекратилась. Ее заменяли официальная «дружба народов», декады искусств национальных республик и историческая общность людей – советский народ»⁷. Примерно так же оценивается ситуация в редакционной статье газеты «Азеррос. Азербайджанцы России»: «В годы Советской власти наши соотечественники приезжали на постоянное жительство в Россию, но это была единая страна. Всерьез же об азербайджанской диаспоре следует говорить лишь после распада СССР. Понадобились

⁷ Саакян Э. Армянская община Иркутска // «Восточно-Сибирская правда», Иркутск, 22 дек 2000.

глобальные социально-экономические и политические потрясения, в результате которых десятки тысяч мужчин и женщин в поисках лучшей доли мигрировали в Россию... Парад суверенитетов разъединил страны, но народы продолжали еще рассчитывать друг на друга»⁸.

Современный период принес радикальные перемены в ситуацию. В качественно новое состояние пришли межнациональные отношения. С одной стороны, с окончанием политики официального интернационализма проблема перестала быть табуированной, ушли в прошлое внешние запреты и внутренняя неловкость при ее обсуждении. С другой - повсеместно и бурно идут процессы национального возрождения, растет значение этничности, национальный фактор мощно врывается в политику как инструмент политической мобилизации и борьбы за власть. Многие социальные конфликты приобретают этническую окраску. Существовавшие всегда национальные предубеждения, предрассудки, реальные и мнимые обиды и недовольства открыто проговариваются и становятся фактором общественных отношений.

К представителям мигрантских этнических меньшинств и раньше неявно относились как к группе, теперь же это приобретает массовый и открытый характер, в т.ч. и на официальном уровне. Такое отношение может носить нейтральную, негативную или позитивную окраску, но в любом случае оно заставляет и самих мигрантов консолидироваться или, по крайней мере, рассматривать себя и в таком качестве. Остро встают проблемы поддержания связей с родиной, которая стала теперь хоть и ближним, но зарубежьем. Эта задача требует уже больших усилий, лучше всего – коллективных. То же самое относится и к проблеме статуса.

На родине идут бурные процессы «национального возрождения», строительство новой государственности часто происходит на этнократической основе. Человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ становятся важным фактором этого строительства и борьбы за власть. Поэтому из метрополии прилагаются большие усилия для консолидации соотечественников в России – и основа для этого, как правило, национальная.

Все это радикально увеличивает структурообразующее значение этничности, национальной самоидентификации, формирует

⁸ «Азеррос. Азербайджанцы России». М., 2001, 1 4(8)

диаспоральное самосознание, дает мощный толчок к строительству диаспор. Структуры и сети на этнической основе, существовавшие и раньше, разрастаются, радикально меняется их значение как ресурса выживания и делового успеха.

Гипотеза о том, что сейчас происходит ускоренное становление диаспор, может быть подтверждена или подвергнута сомнению изучением конкретных ситуаций по ряду параметров. Проблема в том, однако, что каждый из этих параметров должен стать предметом самостоятельного и глубокого изучения как в масштабе всей страны, так и по отдельным регионам. Необходим мониторинг процесса. Кроме того, понимание глубины перемен невозможно без исследования советского периода – особенно 70-80-х годов. Представляется, что это отдельная и невероятно сложная задача, к которой современные исследователи ищут только первые подходы. Эта статья носит постановочный характер, поэтому параметры перемен, ключевые факторы диаспорализации (так, как они видятся автору) будут только названы и в лучшем случае проиллюстрированы.

Прежде всего – это численность. Понятно, что для формирования и функционирования сообщества представителей некоего этнического меньшинства, для предотвращения их быстрой ассимиляции необходима минимальная критическая масса. Без этого трудно, иногда просто невозможно поддерживать общение, говорить на родном языке, вступать в деловые взаимоотношения, решать проблемы браков и т.д.

Однако количественные параметры постсоветских миграционных потоков – это отдельная и чрезвычайно сложная исследовательская и общественно-политическая проблема. За пределами сведений последней переписи населения 1989 г. мы оказываемся в области заведомо малонадежной официальной текущей статистики и еще более зыбких экспертных оценок. Самые надежные подсчеты, основанные на официальной статистике, показывают следующую картину: за 1989-99 гг. численность армян в России выросла с 532,4 тыс. до 874,7 тыс. (прирост – 342,3 тыс., в т.ч. миграционный – 307,5 тыс.), азербайджанцев – с 335,9 тыс. до 462,7 тыс. (126,8 тыс. и 62,8 тыс.), грузин – со 130,7 тыс. до 172,9 тыс. (42,2 тыс. и 37,0 тыс.)⁹. Экспертные же оценки оперируют другими порядками цифр.

⁹ Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М., Книжный дом «Университет», 2000, с. 30-31

Президент Азербайджана Г. Алиев в своей речи на Учредительном собрании Всероссийского конгресса азербайджанцев, оговорившись, что не знает точных цифр, оценил число соотечественников в России в 1 - 2 млн. человек¹⁰. В этих же пределах (с преобладанием максимальной цифры) оценивают ситуацию подавляющее большинство специалистов и общественных деятелей¹¹. Иногда речь идет даже о 2,5 млн. человек. В 2 – 2,5 млн. человек оценивают число армян (в т.ч. президент Союза армян России А. Абрамян – в 2 млн. человек¹². По мнению демографа А. Арсеньева, за 1989-2001 гг. Грузию покинули до 1,5 млн. человек, в основном этнических грузин. Большинство из них – в Россию¹³.

Причины ситуации с таким разбросом цифр, степень достоверности отдельных оценок – предмет отдельного разговора. Здесь же важно отметить, что и официальные (явно заниженные), и неофициальные (так же явно, завышенные) оценки говорят о стремительном росте числа выходцев из Закавказья в России. А это значит (помимо всего прочего), что произошло и качественное изменение мигрантских сообществ. В каком-то смысле сменилась миграционная модель – на место эволюционного плавного роста, перемещения в пределах единого государства пришла трансграничная, мощная, спрессованная по времени волна. Можно предположить, следовательно, что и мигрант стал иной, и возможности его интеграции в принимающее общество радикально изменились. У «старых» и «новых» мигрантов оказались принципиально разные возможности включиться, войти в социальные, профессиональные, чисто человеческие структуры, сети и отношения принимающего общества, а значит - куда большая потребность последних создавать собственные.

¹⁰ Азербайджан – родина всех азербайджанцев. Речь Президента Азербайджанской республики Геяда Алиева на Учредительном собрании Всероссийского конгресса азербайджанцев. Баку, 2000, с. 93

¹¹ См. например: Юнусов А. Азербайджанцы в России – смена имиджа и социальных ролей // «Диаспоры», 2001, 1 1. с.118

¹² Абрамян А. Необходимость консолидации представляется насущной. Российские армяне могут помочь укреплению российско-армянских межгосударственных отношений // «Независимая газета». М., 16 июня 2000; Абрамян А. Национальная политика – это тоже политика // «Еркрамас», Краснодар, 1 7, 2001; Ларина Н. В Армении постепенно начинают забывать русский язык // «Независимая газета». М., 26 мая 2001.

¹³ Арсеньев А. Легенды и мифы демографии Закавказья // Газета СНГ, 5 марта 2002. // <http://gazesng.ru/article.php?id=30203>

В результате стремительно происходит формирование постоянного оседлого ядра, которое может сохранять преемственность, традиции группы, с одной стороны, и облегчать процесс интеграции в принимающее общество для новичков - с другой. Более того, именно постоянные, укоренившиеся мигранты вырабатывают те особые жизненные стратегии, образ и стиль жизни, модели поведения, которые отличают их и от представителей принимающего общества, и от соотечественников в странах исхода. Это то, что весьма условно можно назвать диаспоральностью. Такие ядра могут кристаллизироваться вокруг и старых, и новых мигрантов.

Степень оседлости – это и показатель уровня интеграции группы. От него непосредственно зависит уровень аккультурации – свободное владение языком принимающего общества, развитость системы социальных связей, освоенность экономической ниши. Важнейший инструмент аккультурации – постоянные семьи, особенно смешанные, дети, обучающиеся в местной школе, вообще органически врастающие вместе со сверстниками в принимающий социум.

Оседание стоит рассмотреть как объективный процесс и как субъективное переживание. Очень часто уровень, выраженность, мотивации стремлений к оседанию и укоренению отстают или, наоборот, опережают сам процесс. Это особенно важно в связи с тем, что маятниковые мигранты и постоянные жители выбирают, как правило, разные стратегии поведения и образ жизни.

Важнейшим, возможно ключевым, показателем диаспоральности становится развитость, разнообразие и интенсивность функционирования внутриобщинных структур и сетей (семейных, клановых, земляческих, деловых, криминальных), присутствие признанных формальных и неформальных лидеров. Часто эти структуры организованы и функционируют на основе принципа клиентелы.

Видимой частью этой «грибницы» структур и сетей становятся сейчас национально-культурные общества. При этом это, скорее всего, не самые важные и значимые как для общин в целом, так и для большинства их представителей организации, они являются индикатором процесса структуризации и интеграции мигрантов в принимающее общество в качестве группы. В этом качестве они чрезвычайно важны для исследователя. С другой стороны, соотношение формальных и неформальных институтов можно выделить в качестве индикатора уровня интеграции группы в принимающее общество.

Такие общества возникли в 90-х гг. практически во всех российских регионах. В уже цитированном докладе Г. Алиева с удовлетворением отмечалось, что на Учредительном собрании присутствуют представители более чем 50 российских регионов¹⁴. В основанный тогда Всероссийский азербайджанский конгресс вошли 60 общественных организаций из 54 регионов России¹⁵. На учредительном съезде Союза армян России присутствовали делегаты от 44 регионов¹⁶. И дело здесь даже не в количестве и географическом охвате, хотя и это немаловажно. Важнее качество этих организаций, степень их влияния, их роль в жизни соответствующих меньшинств и принимающих обществ.

С начала 90-х гг. создание национально-культурных обществ прямо поощрялось и стимулировалось российскими властями, особенно на региональном уровне. Поэтому их одновременное массовое возникновение от Калининграда до Владивостока удивления не вызывает. Как показывают многолетние наблюдения над историей становления и развития этих организаций в Иркутске (а их в городе сейчас несколько десятков), власти не очень-то представляли, для чего такие общества нужны и (насколько это было сознательно, трудно сказать) стремились удержать их в рамках чисто декоративных структур. Подписать от имени общественности некое письмо или обращение, провести на деньги администрации национальный праздник, продемонстрировать ситуацию национального согласия – вот, пожалуй, и все, чего хотели власти от обществ. Какое-то время эти ожидания оправдывались. Организации носили эфемерный характер, состояли в них или немногочисленные энтузиасты, стремящиеся сохранить национальную культуру и язык, или общественные деятели, заинтересованные в прямом контакте с властями. Возглавлялись они обычно статусными, известными в городе представителями соответствующих национальных групп «свадебными генералами».

Со временем ситуация стала меняться. В качестве практически единственных статусных, юридически оформленных национальных образований, имеющих при этом прямой выход на властные структуры, национально-культурные общества приобретают

.....
¹⁴ Алиев Г. Азербайджан – родина всех азербайджанцев...

¹⁵ «Известия», 28 марта 2002.

¹⁶ Независимая газета, 20 июня 2000.

самостоятельную ценность для деловых и общественных деятелей формирующихся диаспор. Они приобретают и самостоятельное значение для принимающего общества и властей. В них начинают видеть собеседника, партнера по решению возникающих проблем. Можно предположить, что именно этим объясняется все более ожесточенный характер борьбы за лидерство, участие в этой борьбе «сильных людей» региона¹⁷.

Неизбежной, крайне важной и интересной для изучения является проблема мафии не как тривиальной организованной преступности, а как «индустрии по производству и продаже покровительства» (Д.Гамбетта)¹⁸. Исходя из мирового опыта, можно предположить, что создание структур клиентельного типа на криминальной основе, предназначенных для решения задач не только криминального плана, является распространенным типом адаптации новичков на ранних стадиях формирования диаспор.

Вокруг этой проблемы сформировалась масса мифов и спекуляций, весьма часто эмигрантские сообщества прямо или косвенно обвиняются в тотальной криминализированности. С другой стороны, некоторые исследователи принципиально отказываются рассматривать проблему, исходя из тезиса о том, что «преступность национальности не имеет». Представляется, что концептуализация и изучение проблемы еще впереди – и первые серьезные шаги в этом направлении сделаны в проблемном сборнике Московского центра Карнеги «Миграция и безопасность в России»¹⁹.

Мощным стимулом к самоорганизации, структурированию, формированию диаспоры могут стать экономические мотивы и интересы. Сети, сформированные на семейной, клановой, земляческой основе, важны в качестве механизма завоевания и освоения собственной экономической ниши в принимающем обществе²⁰.

Подталкивает к диаспорализации характер и интенсивность связей с исторической родиной. Поддерживать такие связи легче и

.....
¹⁷ Подробнее смотри: Гедвилло Г. Ук. соч.; Дятлов В.И. Ук. соч.

¹⁸ Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge, Harvard Univ Press, 1993.

¹⁹ Миграция и безопасность в России. Под ред. Г.Витковской и С.Панарина; Моск. Центр Карнеги. М., «Интердиалект», 2000.

²⁰ Подробнее смотри: Юнусов А. Ук. соч.

эффективнее сейчас на групповой, общинной основе. Власти и конкурирующие политические силы в новых независимых государствах, нуждаясь в ресурсах соотечественников за рубежом, стремясь к установлению над ними контроля, прямо заинтересованы в создании сети формальных и неформальных организаций и структур.

Совершенно недвусмысленно и откровенно сформулировал это Ге́йдар Алиев: «Должны объединиться и азербайджанцы, живущие за пределами Азербайджана. Во имя чего? Во имя независимого Азербайджана». В этом же докладе он много говорил о сплоченности и мощи армянской диаспоры, о том, как она помогает Армении решать ее политические и экономические проблемы. «С точки зрения национальных интересов армян, это прекрасно. Но мы должны тоже учиться»²¹. Редактор газеты «Азеррос» пишет о «горечи разочарования Президента Азербайджанской Республики», когда тот говорил в парламенте: «Я езжу в зарубежные страны и хочу собрать диаспору. Я собирал ее в Америке. В Чикаго пришли всего 35 человек. Несколько раз собирал в Париже. Собирал несколько раз в Лондоне. Большинство из них – азербайджанцы из Ирана. И их всех вместе бывает не более 40–50 человек. Это диаспора?»²². Президент Конгресса национальных объединений России, Президент Международной Азербайджанской национальной ассамблеи З.А.Годжаев сетовал даже на слишком потребительское отношение к диаспоре: «...для некоторых связь с диаспорой понимается как «улица с односторонним движением», то есть признается только помощь диаспоры исторической родине»²³.

Помощь исторической родине может выражаться в различных формах: это и лоббирование ее интересов в принимающем обществе, это и смягчение проблемы безработицы, это и переводы семьям (по подсчетам заместителя директора Института международных экономических и политических исследований РАН Р.С.Гринберга, только переводы в Азербайджан составляют 1,8 – 2,4 млрд. долларов ежегодно)²⁴.

.....
²¹ Алиев Г. Ук. соч. с.104-110, 134.

²² Дашдамиров А. Трибуна для диаспоры// «Азеррос». Азербайджанцы России. 2001, 1 4.

²³ Этническое возрождение. М., 8 мая 2000.

²⁴ «Азеррос». 1 12, 2001.

В новых независимых государствах Закавказья происходит становление политических режимов, эти процессы по условию не могут быть простыми и бесконфликтными. Известные потрясения прошедшего десятилетия показывают это совершенно отчетливо. Борющиеся за власть кланы, политические силы, стремящиеся заложить основы государственности на собственных принципах, не могут не учитывать диаспоры как ресурс в борьбе. Это открыто не декларируется, но в принципе является секретом Полишинеля. Активисты национальных обществ в частных беседах говорят об этом совершенно откровенно.

Не исключено, что проявлением этой борьбы стала жесткая конкуренция за право и возможность создавать общероссийские национальные общественные объединения, выступать, таким образом, от имени всей диаспоры. Ожесточенная борьба развернулась, в частности, за право организации и проведения общероссийского форума азербайджанцев. В марте 2001 г. было проведено сразу два конкурирующих съезда – один в здании азербайджанского посольства и под патронажем посла, другой – под эгидой партии Национально-патриотический союз «Азербайджан-XXI век». Участники второго форума приняли резолюцию, где обвинили посла Р.Г.Ризаева в «незаконных и раскольнических действиях». Характерно, что соответствующее обращение было направлено и в адрес министра юстиции Российской Федерации. Лидер НПС, крупный российский предприниматель Фрэнк Элькапони (Физули Мамедов) открыто претендовал не только на лидерство среди азербайджанцев России, но и на участие в политической жизни Азербайджана. Его партия претендует на регистрацию в Азербайджане и, по словам лидера, на последних парламентских выборах ее сторонники получили семь депутатских мандатов²⁵. Дополнительный и характерный штрих – в

²⁵ Фрэнк Элькапони: «Россию и Азербайджан ждут новые грани сотрудничества». Лидер партии Национально-патриотический союз «Азербайджан-XXI век» выступает за более тесную интеграцию между двумя странами// «Независимая газета», 7 дек. 2000; Иванов А., Головнева В. Партия Народно-патриотический союз «Азербайджан-XXI век» заявляет: «Азербайджан был и останется с Россией.» Лидер партии Фрэнк Элькапони (Ф.М.) выступает за введение в республике двойного гражданства// «Независимая газета», 7 февр. 2001; Открытое письмо министру юстиции Российской Федерации// «Независимая газета», 4 мая 2001; Обращение инициативной группы по проведению Форума азербайджанских общин стран СНГ и Балтии// «Независимая газета», 14 авг. 2001; Гафарлы М. Азербайджанская диаспора – за двойное гражданство// «Независимая газета», 15 марта 2001.

июне 2001 г. Фрэнк Элькапони был арестован российскими правоохранительными органами по обвинению в хранении килограмма героина и до сих пор находится под стражей²⁶.

Правительство Азербайджана и лично Гейдар Алиев, судя по всему, решили жестко контролировать и направлять этот процесс. Об этом говорит атмосфера проведения Всемирного съезда азербайджанцев, проведенного в Баку в ноябре 2001 года. По свидетельствам журналистов, съезд был организован, его секретариат и мандатная комиссия укомплектованы сотрудниками аппарата президента, чиновников и активистов правящей партии «Новый Азербайджан» в зале было много зарубежных гостей. Руководителем избранного на съезде совета по координации деятельности азербайджанских диаспор в мире стал президент академии наук М.Керимов²⁷.

В эту борьбу втягиваются и лидеры провинциальных национально-культурных обществ. У них могут иметься собственные связи и интересы в метрополии, но чаще всего они лавируют, поддерживают отношения с конкурирующими головными организациями в Москве и с соответствующими силами на исторической родине. Эти связи укрепляют их позиции в местных общинах, давая им как некий политический капитал, так и вполне реальную возможность, говоря современным политико-бюрократическим языком, «решать вопросы». Это позволяет также в случае необходимости укреплять позиции во взаимоотношениях с местными властями. Последние не могут, скажем, проигнорировать письмо или обращение из соответствующего посольства с просьбой разобраться в том или ином вопросе²⁸.

Весьма сложно соотносится с этими процессами проблема национального языка и культуры. Формируется отношение к ним как некому символу, знаку, несомненной ценности, которую нельзя утратить. Задача их сохранения и развития прописывается как ключевая во всех документах национально-культурных организаций. С развернутого пожелания-требования знать родной язык и культуру

²⁶ «Коммерсантъ», 23 авг. 2001; 12 янв., 19 янв. 2002.

²⁷ «Коммерсантъ», 13 нояб. 2001; «Известия» 11 нояб. 2001.

²⁸ Характерный пример этого содержится в: Дятлов В., Дорохов Д., Палютина Е. «Кавказцы» в российской провинции: криминальный эпизод как индикатор уровня межэтнической напряженности// «Вестник Евразии», М., 1995, ¹ 1. с. 60.

начал свою речь перед лидерами диаспоры Президент Ге́йдар Алиев²⁹. Озабоченность этой проблемой высказывается не только на официальном уровне, но и в частных разговорах, причем в массовом порядке. Тем не менее, это сочетается с весьма скромными практическими действиями. Национальная школа, вернее ее почти полное отсутствие, является в этом смысле хорошим индикатором. Декларируемые и реальные приоритеты здесь явно не совпадают.

Подводя итог, можно предположить, что сочетание всех этих, а скорее всего, и ряда других факторов, стимулирует ускоренный процесс диаспоростроительства. Отражением этого становится радикальное повышение уровня этнической самоидентификации (от спокойного, иногда равнодушного отношения советского времени к интенсивному, иногда до экзальтации – сейчас). Растет значения этничности – как ответ на вызов времени и обстоятельств. Прорисовывается, формируется в качестве ключевого показателя диаспоральности стратегия интеграции в принимающее общество преимущественно через группу, а не индивидуально.

²⁹ Алиев Г. Ук. соч., с. 76-80.

Л.Хопёрская

Миграционные процессы и политическая ситуация на Северном Кавказе

1. Общая характеристика миграционной ситуации на Юге России

Начало периода интенсивных миграционных процессов на Северном Кавказе совпадает с провозглашением Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации и последовавших за ней деклараций о государственном суверенитете входящих в ее состав национально-территориальных образований.

Но характеристика современной миграционной ситуации на Северном Кавказе предполагает её рассмотрение в более широком географическом контексте, поскольку начиная с 2000 г. произошло изменение в административном делении России – были созданы федеральные округа. При определении границ Южного федерального округа немаловажным фактором стали именно миграционные процессы, их определяющая роль в социально-экономической и политической ситуации во всех 13 субъектах, входящих в округ.

Территория Южного федерального округа занимает 3,5% территории России и составляет 589,2 тыс. кв. км. Численность его населения – более 21,5 миллиона человек (14,3% населения России). Это один из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов мира. Здесь проживают представители более ста народов, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих все мировые религии.

В состав округа входят 13 субъектов федерации - 8 республик (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания и Чечня), 2 края (Краснодарский и Ставропольский) и 3 области (Астраханская, Волгоградская и Ростовская).

Массовый приток мигрантов на Юг России, который стал основным центром притяжения для внутренних и внешних

вынужденных мигрантов, в первую очередь, спасающихся от межнациональных конфликтов, отмечен прибытием в регион беженцев и вынужденных переселенцев - представителей различных этнических групп. Структурированность миграционных потоков по этническому признаку – отличительная черта современной миграции на Юге России.

Первыми появились турки-мехетинцы и курды - следствие межэтнических столкновений в Узбекистане и Киргизии, армяне и азербайджанцы - карабахский конфликт, беженцы из Южной Осетии - осетино-грузинский конфликт, ингуши - осетино-ингушский конфликт.

В результате кризиса и последующих боевых действий в Чечне значительная часть ее населения покинула республику. Переселяются мигранты, выезжающие по социально-экономическим причинам из северных и восточных регионов России, из государств Южного Кавказа и Средней Азии.

Кроме того, возвращаются к местам исконного проживания представители ранее репрессированных народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, турки-мехетинцы, курды). Причем многие из них расселяются не в «своих» республиках, а в соседних, более экономически развитых или политически стабильных регионах. Например, сейчас в Карачаево-Черкессии насчитывается более 20 тысяч чеченцев, которые даже образовали свою национально-культурную автономию. Другой пример – быстрое изменение этнического состава населения г. Кисловодска. Его значительную долю сегодня составляют карачаевцы, имеющие мощное национальное движение.

За 1989-2001 годы на Северный Кавказ переехало более 2,2 млн. мигрантов, в том числе более 1,4 млн. чел. из других регионов Российской Федерации и более 0,8 млн. чел. - из государств нового зарубежья.

Например, в Краснодарском крае стремительно растет число мигрантов из государств Южного Кавказа, Средней Азии, выходцев из республик Северного Кавказа. Всего за последние десять лет на Кубань прибыло около 1 млн. человек, и сейчас практически каждый пятый житель – это мигрант. С 1988 года в целом миграция в крае стала единственным источником роста населения и в 5-6 раз превышает среднероссийские показатели.

Миграционный приток в республики Северного Кавказа был

слабее и состоял преимущественно из представителей титульных национальностей. Серьезной проблемой стали вынужденные мигранты из Чечни, прибывшие в Ингушетию в 2000 году. На территории Ингушетии продолжают оставаться и вынужденные мигранты из Северной Осетии-Алании, пострадавшие в конфликте 1992 г.

Следует отметить, что данные официальной статистики не вполне отражают реальное положение дел, т.к. многие переселенцы проживают нелегально и не регистрируются в органах внутренних дел и миграционных службах. В первую очередь это относится к переселенцам из государств Южного Кавказа.

Так, по данным, приводимым официальными органами, численность армянской диаспоры в Краснодарском крае составляет около 250 тысяч человек, зарегистрированных по месту постоянного проживания. По заключению независимых экспертов, фактическая численность армянской диаспоры составила порядка 600 тысяч человек (11,5% - 2-е место в СНГ после самой Армении), а некоторые говорят о том, что эта цифра приближается к 1 млн. человек.

Сокращается относительная численность русского населения, регионы его «исхода» можно разделить на три группы:

- государства Южного Кавказа (Грузия, Армения, Азербайджан);
- республики Северного Кавказа;
- приграничные районы и районы компактного проживания мигрантов-неславян Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей.

К началу 2000 г. по сравнению с 1989 г. численность русских в республиках Северного Кавказа сократилась почти на 350 тыс. человек, удельный вес русских в общей численности населения республик составляет 19% (40 лет назад – 38,9%, 20 лет назад – 29,3%). В целом же на юге России, по оценкам экспертов, за счет снижения рождаемости, увеличения смертности и вынужденной миграции русское население сократилось на 800 тысяч человек.

Общими причинами оттока русского населения являются экономический кризис, безработица, открытые вооруженные конфликты или близость «горячих точек», противоречия между кавказскими народами, вовлечение в них русского населения, расслоение населения по национальному и имущественному признаку, возвращение из Чечни лиц, участвовавших в НВФ.

К причинам, действующим в республиках, следует отнести

повышение государственного (политического, экономического, культурного) статуса различных этнических групп по сравнению с русскими. Распространение ваххабизма выступает в качестве серьезного идеологического и организационного канала влияния на миграционные настроения.

Вывод российских военных баз с территории Южного Кавказа также способствует оттоку русского населения.

Из республик Северного Кавказа продолжается отток не только русских, но и представителей других, даже коренных национальностей. Наиболее явно этот процесс проявился в Чеченской Республике. За 1989-2000 гг. минимальные миграционные потери Чеченской Республики оцениваются примерно в 500 тысяч человек и состоят практически целиком из русскоязычного населения. Но начиная с 1997 г. наблюдалась тенденция усиления миграционного оттока из Чечни представителей коренной национальности, вызванной обострением и дальнейшей криминализацией ситуации в республике. Продолжаются убийства противников ваххабизма в Чеченской Республике (Старые Атаги, Урус-Мартан, Гойты и др.), от имени ваххабитов распространяются листовки с именами десятков жителей, приговоренных к смерти «за пособничество федералам и предательство», вынуждая покинуть республику всех, кто не желает с ними сотрудничать.

Направленность миграционных потоков из Чечни – это территории, на которых уже существуют чеченские диаспоры, образовавшиеся здесь в результате трудовых миграций в 70-е гг. прошлого века. В отличие от ситуации в Ингушетии, где вынужденные переселенцы проживают в пунктах временного размещения и испытывают массу бытовых неудобств, на территории Ставропольского края, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей мигранты-чеченцы оказываются в более комфортных условиях, поскольку имеют возможность работать, получить жилье в сельской местности, обучать детей и получать медицинскую помощь.

Следует сказать, что законодательная база регулирования миграционных процессов на федеральном уровне начала формироваться только с 1993 г. Зато в субъектах федерации с целью снижения отрицательных последствий интенсивной миграции начиная с 1990 г. принимаются нормативные акты, многие из которых вступали в противоречие с международными нормами.

Общей особенностью этого периода является то, что органы государственной власти северокавказских субъектов федерации проводили целенаправленную политику ограничения миграционных потоков.

Попытки регулирования миграционных процессов вылились в принятие соответствующих законодательных актов: в Северной Осетии («О миграционной политике в РСО-А»), Кабардино-Балкарии («О миграционных процессах в КБР») Ставропольском крае («Временное положение о пребывании и определении на постоянное место жительства в Ставропольском крае», 6.10.94, Закон Ставропольского края «Об административной ответственности за нарушение порядка пребывания и определения на постоянное место жительства в Ставропольском крае», 18.10.94), Краснодарском крае («О порядке регистрации пребывания и жительства на территории Краснодарского края», 23.06.95), Ростовской области («О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории Ростовской области», 14.09.94), Адыгее (Указ Президента Республики Адыгея «О мерах по ограничению миграции в Республику Адыгея», 30.05.1994 г.; Указ от 17.06.96 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о порядке приобретения права на место жительства лицами, прибывающими в РА, утвержденное Указом Президента РА от 30.05.94»), Дагестане (распоряжения Правительства Республики Дагестан «О практическом осуществлении мероприятий, связанных с массовой миграцией населения на территорию РД», 30.12.94; «Об оказании необходимой помощи в случае экстренной массовой миграции мирного населения Чеченской Республики и во исполнения распоряжения Правительства РФ от 30.12.1994 г.), Карачаево-Черкесии (Постановление Совмина Карачаево-Черкесской Республики «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами», 23.08.94 г.), Ингушетии (Распоряжение Президента Республики Ингушетия «О мерах по обеспечению организованного возвращения вынужденных переселенцев в места постоянного проживания», 26.12.95 г., Постановление Правительства РИ «О мерах по обеспечению возвращения вынужденных переселенцев из РСО-Алания в места постоянного проживания», 29.10.96 г.).

Все эти законодательные документы субъектов Российской Федерации вступали в противоречие с уже действующими нормативными актами Российской Федерации («Закон о беженцах» и «Закон о вынужденных переселенцах»), т.к. в них были ограничены

в той или иной степени конституционные права и свободы граждан, в частности, право на свободу передвижения и выбора места жительства. Например, Ставропольская Дума 30.06.94 приняла в первом чтении проект Закона Ставропольского края «О статусе жителя Ставропольского края», который был направлен «на защиту от негативных последствий массовых миграционных процессов». Закон предусматривал, что для лиц, не имеющих статуса жителя Ставропольского края, «устанавливается особый порядок реализации отдельных гражданских прав и свобод». Эти лица не могут приобретать в собственность земельные участки, жилые и нежилые помещения, а также принимать участие в приватизации некрупных предприятий.

Анализ миграционной политики в регионе, с нашей точки зрения, позволяет выделить два типа регулирования миграционных процессов – в «русскоязычных» Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области и в республиках Северного Кавказа, обусловленных национальным составом и направленностью миграционных потоков.

Краснодарский, Ставропольский края и Ростовская область являются наиболее привлекательными регионами для жителей близлежащих трудоизбыточных регионов, в частности коренного населения республик Северного и Южного Кавказа. Их миграция породила особые проблемы, содействующие постоянному воспроизведению межнациональных конфликтов на территории этих субъектов Российской Федерации.

Поэтому концепция миграционного законодательства этих субъектов основывалась на двух позициях - снижение объемов миграции и оптимизация национальной структуры миграционного потока.

Власти Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области опасались, что инфраструктура наиболее привлекательных для мигрантов населенных пунктов (как правило, крупных городов, где национальная толерантность достаточно высока) не сможет адаптировать большое число мигрантов, что неизбежно приведет к их рассредоточению по районам, для которых нехарактерно проживание неславянских групп населения. В свою очередь, это может привести к дальнейшему обострению межэтнических отношений в регионе.

Тем не менее в результате принятия документов, ограничивающих миграционные процессы, в Краснодарском, Ставропольском краях

и Ростовской области произошло общее снижение миграционного прироста, однако, в первую очередь, за счет представителей славянских национальностей (в основном русских). Доля же неславянских национальностей в миграционном потоке в эти субъекты федерации возросла.

Другой тип регулирования миграционных потоков характерен для северокавказских республик, которые также осуществляют его по этническому признаку: поощряют репатриацию соотечественников, понимая под ними, в первую очередь, представителей своей этнической группы, и фактически создают условия для оттока иноэтничного населения. В качестве примеров можно привести, используя мягкое слово «выдавливание», комплекс политических заявлений, нормативных актов, публикаций официальных СМИ, проведения массовых митингов, кадровую политику и т.п., направленных на вытеснение ингушей из Северной Осетии-Алании, черкесов из Карачаево-Черкессии, русских из Адыгеи. Увеличение (уменьшение) численности населения определенной этнической группы рассматривается как важнейший ресурс достижения и удержания (или потери) власти в республиках, где органы управления формируются по этническому признаку в соответствии с процентным соотношением этнических групп в структуре населения. Как известно, Народное Собрание Республики Дагестан выступило с проектом внесения изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Предложение сводится к учету этнического состава населения при выборах в республиканские органы власти.

Миграционная политика, следовательно, оказывается механизмом регулирования этого соотношения.

Таким образом, миграции и связанное с ними изменение этнического состава населения находятся в центре политических отношений в регионе. Общая ситуация такова, что практически все субъекты федерации вступили в противоречие с федеральным миграционным законодательством.

Как уже говорилось, в 2000 г. в России создана система федеральных округов и введен институт полномочных представителей Президента РФ. Одной из важнейших задач, поставленных перед ними, является приведение в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. За

два прошедших года в Южном федеральном округе рассмотрено около 4000 проектов и более 7000 действующих нормативно-правовых документов, выявлено более 1500 документов, несоответствующих федеральному законодательству и способствующих тем самым разрушению единого правового пространства Российской Федерации. Около 1000 нормативных актов уже приведены в соответствие с Российской Конституцией. В основном - это региональные нормативные акты, регулирующие вопросы государственного устройства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, выборного законодательства, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации Южного федерального округа. Но миграционная политика – это та сфера, где компромисс или согласие между федеральными и региональными властями на сегодняшний день отсутствуют.

После активизации боевых действий на Северном Кавказе в 1999 г., приведшей к возникновению новых потоков вынужденных переселенцев, органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия – Алания, Республики Адыгея, Ставропольского и Краснодарского краев, Волгоградской области были приняты нормативные документы, ограничивающие права этой категории граждан России на регистрацию в местах их временного пребывания.

Большинство этих незаконных актов действовали и в 2000 г., в 2001 по настоянию полномочного представителя Президента РФ В.Казанцева они отменены или приостановлены, но подготовленные законодателями южнороссийских субъектов проекты новых документов, регулирующих миграционные процессы, также не соответствуют нормам российского законодательства. Дело зашло дальше.

Государственная Дума Краснодарского края совместно с Государственным Советом-Хасэ Республики Адыгея подготовили проект федерального закона «О миграции в Российской Федерации», в котором сохраняется ограничительная направленность миграционного законодательства.

В июне 2001 г. была создана Южнороссийская Парламентская Ассоциация (ЮРПА), на первом заседании которой были рассмотрены вопросы миграционной политики в регионе, рассмотрен и поддержан предложенный законопроект. В Госдуму Российской Федерации он поступил уже с сопроводительным письмом ЮРПА.

Аргументы, которые приводятся региональными органами власти и на которые федеральная власть пока не смогла дать адекватного ответа, сводятся к следующему.

Массовый приток переселенцев создал на Юге России комплекс серьезных социально-экономических проблем.

Приток мигрантов способствовал росту цен на недвижимость, обострению конкуренции на рынке труда, снижению уровня жизни населения, обострению других социальных проблем, прежде всего в области образования и здравоохранения. Значительные перегрузки испытывает социальная инфраструктура регионов, не рассчитанная на такое количество населения. Изменение этнического состава населения внесло определенные коррективы в характер межэтнических отношений в регионе, повысив общий уровень социальной напряженности, способствовало усилению националистических и сепаратистских настроений, криминализации обстановки в регионах.

Это во многом объясняет однозначную оценку миграции как со стороны органов власти, так и населения как негативного в социальном плане явления. По мнению органов власти, ограничения вызваны необходимостью предотвратить открытые этнические конфликты.

А конфликты местного населения с представителями компактно проживающих этнических диаспор имели (и продолжают иметь) место в субъектах Южного федерального округа – в ряде сельских районов Ростовской области (курды, турки-месхетинцы, чеченцы и даргинцы), Краснодарского (армяне, курды, турки-месхетинцы) и Ставропольского (даргинцы, ногайцы, туркмены) краев, районе Кавминвод, в Республике Адыгея (курды). К сожалению, этот ряд можно продолжить. А некоторые из них (ситуация с турками-месхетинцами в Краснодарском крае) выходят на международный уровень, привлекают внимание международных организаций, в том числе и ООН.

Отдельно стоит обратить внимание на чеченские диаспоры на территории соседних субъектов Федерации, которые стали особым конфликтогенным фактором. В сельских районах Ростовской области и Ставропольского края в течение 2000 –2002 гг. произошло несколько локальных конфликтов коренного населения (казачества) с представителями чеченской и дагестанской диаспор, которые вышли за пределы бытовых конфликтов и перешли в разряд политических, сопровождающихся требованиями провести референдумы о выселении

чеченского населения с территорий районов.

Местное население считает, что нормализация обстановки в Чечне не является гарантией возвращения в республику подавляющего большинства чеченцев, временно расселенных на других территориях, и уже сегодня высказываются опасения, что жители Чечни и в условиях послевоенного строительства не захотят возвращаться на родину.

Коренные жители отмечали, что даже временное проживание на «традиционно русских территориях» снижает порог недопустимости, что приводит к фактам злоупотребления спиртными напитками и неуважительному отношению к русским женщинам.

В условиях резкого сокращения аграрного сектора принципиальной остается проблема занятости не только чеченцев, временно проживающих на территории района, но и коренного населения. В данной ситуации предоставление рабочих мест «в ущерб» местному населению воспринимается как его дискриминация и приводит к межэтническим конфликтам.

Отсутствие стабильных источников доходов является причиной хищений сельхозпродукции, которые, по словам представителей милиции, совершают представители всех национальностей, но общественное мнение более склонно приписывать эти поступки некоренному населению.

Следует учитывать и фоновые факторы роста напряженности, к которым относятся общие античеченские настроения, вызванные терактом в соседнем Волгоградском и гибелью омоновцев в Чечне и т.д.

Так, в одном из районов Ростовской области сложилась конфликтная ситуация, результатом которой стали проведение несанкционированного митинга, пикетирование администрации района, создание инициативной группы и сбор 2000 подписей с требованием провести референдум о выселении чеченского населения с территории района.

Осложняет ситуацию и отождествление в общественном сознании чеченцев и в целом мусульман с ваххабитами. В ряде городов и районов Ростовской, Волгоградской и Астраханской областях, Ставропольского края прошли общественные выступления против строительства мечетей и открытия мусульманских молебных домов.

Появление беженцев-неславян из зон межнациональных конфликтов в сочетании с отсутствием полной и адекватной

информации нередко ассоциируется наиболее радикально настроенной частью общества, в частности казачеством, с повышением уровня криминогенности в регионе, экспортом оружия и «конфликтной, силовой психологии» и вызывают соответствующую реакцию в форме активизации скинхедов, РНЕ и казачества.

Так, первыми публичными шагами нового атамана Всевеликого войска Донского В. Водолацкого, затрагивающими сферу миграционной политики, стали обращения Совета атаманов ВКО ВВД к Президенту и Председателю Правительства РФ, Обращение к населению Ростовской и Волгоградской областей, а также открытое письмо главе администрации Ростовской области В. Чубу, в которых даны оценка ситуации и выдвинуты требования незамедлительного введения особого положения по регулированию миграционных процессов и принятия соответствующих законодательных актов.

В частности, в Открытом письме говорится, что «укрепляющиеся на территории области диаспоры чеченцев, аварцев, турок-месхетинцев, азербайджанцев, абхазцев, дагестанцев и других национальностей Кавказского региона, в том числе и некоренных армян, их наглое и вызывающее поведение в нашем доме при попустительстве местных властей и органов внутренних дел, вызывают обоснованную тревогу у местных жителей и в первую очередь у казаков ВКО ВВД. При возникновении инцидентов с местными жителями лица этих диаспор цинично заявляют, что ими куплены все властные структуры и они чувствуют себя здесь полноправными хозяевами. Этим самым они провоцируют население на разжигание межнациональной розни. У казаков Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» складывается твердое убеждение, что миграционный процесс на территории Ростовской области не стихийное явление, а является целенаправленным и регулируемым».

Ответом на столь жесткие обращения казачества стало принятие новых правил регистрации граждан на территории Ростовской области, направленных на ужесточение контроля за миграционными потоками.

По мнению местных политиков, обеспечение равных прав на регистрацию и передвижение мигрантов сопровождается ущемлением прав коренного населения, созданием условий для образования мусульманских и иных анклавов.

Миграционная тематика стала стержнем многих региональных

предвыборных программ на выборах всех уровней – начиная от муниципальных и заканчивая выборами в Госдуму РФ.

В 2000 году выборы в региональные органы власти проводились в 7-ми, а в 2001 году в 9 из 13 субъектов Южного федерального округа. В Астраханской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях избраны главы администраций (губернаторы), в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Ингушетии – президенты, ни один из которых ни обошел стороной миграционную тему. Причем победа досталась тем политикам, которые выступали за наиболее жесткие меры ограничения миграции.

Каждый субъект федерации имеет специфические миграционные проблемы, решение которых с помощью только действующего федерального законодательства оказывается невозможным. К ним относятся следующие:

- возвращение чеченских вынужденных переселенцев из соседних регионов; каждый субъект пытается решить эту проблему-своему (наиболее остро она стоит в Ингушетии);
- урегулирование осетино-ингушских отношений; на настоящий момент ни один документ, регламентирующий возвращение ингушских вынужденных переселенцев в места постоянного проживания, не выполнен в полном объеме;
- беженцы из Южной Осетии и Абхазии;
- возвращение репрессированных народов (балкарцев и карачаевцев) в Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкессию, нарушения при выплатах компенсаций и пособий, проблема адыгских репатриантов, законодательное обеспечение преференций этой группе мигрантов;
- отток русского населения из всех республик Северного Кавказа;
- миграционные проблемы отдельных этнических групп в Дагестане (лакцы, чеченцы-акинцы, лезгины, аварцы, ногайцы и т.д.);
- этническая миграция в «русскоязычные» субъекты.

В развитие миграционной ситуации вмешиваются не только политические, но и религиозно-политические организации, сфера интересов которых лежит в плоскости конкуренции региональных элит.

После распада существовавших в СССР духовных управлений мусульман (ДУМ), в том числе ДУМ Северного Кавказа и Закавказья

возникли самостоятельные ДУМ, часто образованные по этническому принципу, представители духовенства устремились во власть, стали создавать экстремистские религиозно-политические организации, проповедующие идеи особого исламского пути развития. Отдельные проповедники успешно манипулируют на нерешенных властью проблемах, видя в беженцах ту социальную силу, которая потребует создания новых институтов власти, иной социальной организации и иного вероисповедания.

Миграционные проблемы оказываются также в центре внимания национальных движений и организаций региона. Несовпадение позиций и нежелание находить компромиссы в оценке миграционной ситуации и способов управления миграционными процессами характерно для:

- общественных движений адыго-абхазской и тюркоязычной групп народов (лидерами являются МЧА и «Алан»);
- осетинских и ингушских общественных движений;
- общероссийских мусульманских религиозных организаций «Меджлис» и «Рефах», активно разворачивающих свою деятельность на территории округа;
- казачества и общественных объединений мигрантов из республик Северного Кавказа и Средней Азии.

В последнее время на политическую арену начинают выходить и многочисленные мигрантские организации, созданные как по этническому признаку (например, общество турок-месхетинцев «Ватан»), так и по регионам исхода (Движение пострадавших в чеченском конфликте). Если до 2000 г. они в основном занимались поиском финансовых ресурсов для оказания помощи своим членам (преимущественно получением грантов), организацией юридических консультаций, то в настоящее время они вышли на новый уровень работы, настоятельно требуют диалога с властью, пытаются выдвигать своих кандидатов на муниципальных выборах, делают политические заявления по самым различным проблемам.

В июне в Москве состоялся чрезвычайный съезд мигрантских организаций России, где южнороссийский регион был представлен весьма значительными силами. На съезде было заявлено о создании политического движения мигрантов в России. Очевидно, что политизация мигрантского движения скажется на миграционной политике не только федерального, но и регионального уровней.

Причем именно на региональном уровне скорее всего можно прогнозировать дальнейшую радикализацию как национальных и казачьих, так и мигрантских организаций.

Пока что власти регионов не нашли других способов решения проблем, кроме ограничения миграции и силовых способов разрешения конфликтов старожильского населения с мигрантами.

Поэтому проблема адаптации принимающего общества к новой социальной ситуации, рожденной интенсивной миграцией конца XX века, является серьезным политическим вызовом и важнейшей стратегической задачей российской государственности, на которые пока нет удовлетворительных ответов.

2. Проблемы миграции северокавказских народов

Выводы:

Политическое и стратегическое значение миграционных процессов, происходящих на Юге России, в регионе Северного Кавказа, их влияние на судьбу российской государственности общепризнанны.

Отток славянского населения стал проблемой межэтнического согласия и перспектив дальнейшего развития этнополитической ситуации в регионе. Сегодня русские по-прежнему являются цементирующим звеном, позволяющим сдерживать дальнейшее обострение межнациональных отношений. Понятно, к каким негативным последствиям для национальных интересов России может привести уменьшение численности русских на Кавказе.

Если эти процессы не остановить, то в перспективе можно прийти к возможной утрате исторически сложившихся традиций совместного проживания русского и кавказских народов.

Ответ на эти и многие другие вызовы невозможен без укрепления государства, выстраивания властной вертикали и сохранения единого правового поля, построения гражданского общества. Необходимо формирование положительного образа межэтнических отношений в сознании населения региона, пропаганда позитивного опыта урегулирования конфликтных ситуаций, разрушение негативных этнических стереотипов. Без русского населения это неосуществимо.

Э. Мелконян

Миграции людей и идей: к характеристике взаимосвязей между Арменией и армянской диаспорой

Массовые миграции людей являются одним из важных факторов, определяющих развитие как отдельных народов, так и мировой цивилизации в целом. Поэтому вполне понятен все возрастающий интерес социологов, демографов, экономистов, этнографов и представителей других наук к теоретическим и прикладным аспектам изучения миграционных движений – типологизации миграций, факторам, способствующим или, наоборот, препятствующим миграциям, их социокультурным последствиям и др. Само изучение миграций основано на предпосылке, что миграции людей не сводятся лишь к физическому перемещению в пространстве и что они неизбежно сопровождаются переносом определенных идей, представлений, стереотипов мышления и поведения и т.д. При этом сама форма и степень сохранения и манифестации, трансформации и мифологизации этих идей и представлений могут иметь существенные различия как в пространстве - в зависимости от новой страны обитания, так и во времени - из поколения в поколение.

Мне уже приходилось отмечать, что история армянского народа дает редкую и все еще нереализованную возможность изучения самых различных (если не всех) типов массовых миграций¹. Но даже в этой истории по своей насыщенности уникальна роль XX столетия - депортации и репатриации, миграции политические и экономические, межгосударственные и межконтинентальные, вынужденные и добровольные и др. Естественно, что подобное разнообразие миграционных движений, происходивших в сравнительно короткий временной период, обусловило различия и в самих переносимых мигрантами идеях.

Начало XX века отмечено беспрецедентным по своей трагичности

¹ Э. Мелконян. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния). // «Диаспоры», М., 2000, 1-2. с. 11.

событием, предопределившим всю дальнейшую жизнедеятельность армянского народа. Речь, конечно же, о совершенном в Османской империи в 1915 г. геноциде армян, в ходе которого были умерщвлены около 1,5 млн. человек. Исследователями уже отмечено, что сам способ или метод совершения массовых убийств является своеобразной характеристикой уровня развития государства – исполнителя геноцида. Известный английский историк Арнольд Тойнби писал: «Отличительной чертой геноцида XX века является то, что он совершается хладнокровно, согласно заранее изданному приказу тех, кто держит в своих руках деспотическую политическую власть, а также то, что виновные в геноциде пользуются всеми плодами современной технологии и организации, чтобы сделать свои запланированные массовые убийства систематическими и всеобъемлющими». И далее он проводит следующее сравнение: «Я достаточно стар, чтобы помнить ужас массового убийства турецких армян в Османской империи в 1896 году, свершенного по подстрекательству пользовавшегося дурной славой султана Абдул-Хамида II. Однако этот акт геноцида выглядит любительским и неэффективным по сравнению с более успешной попыткой уничтожить армян – поданных Османской империи, попыткой, сделанной ... в 1915 году послехамидовским режимом Комитета «Единения и прогресса», в котором главными преступниками были Талаат и Энвер. Вторая мировая война сопровождалась нацистским геноцидом в отношении евреев... Поскольку общий уровень, как технологический, так и организационный, в нацистской Германии был значительно выше, нежели в Турции времен Комитета «Единения и прогресса», германский геноцид европейских евреев оказался еще более эффективным, нежели турецкий геноцид армян».²

Проявлением низкого – по сравнению с Германией – «технологического и организационного» уровня Турции можно считать, например, отсутствие в ее арсенале газовых камер и крематориев и, наоборот, большую – по сравнению с Абдул Хамидом – эффективность в умерщвлении армян лидеры младотурков достигли благодаря ряду новаций, в первую очередь массовой депортации армян в отдаленные районы империи - пустыни Месопотамии и Сирии. Важно отметить, что сам способ осуществления депортации (убийства по пути следования, жара, голод и болезни, наконец,

² Арнольд Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. с. 357.

массовое уничтожение уже в концентрационных лагерях) свидетельствовал о его истинной цели – умерщвлению возможно большего числа людей, и в этом смысле депортация – наряду с убийствами в местах проживания (городах и селах) – явилась одной из конкретных форм осуществления геноцида. Очевидец этих событий посол США в Турции Генри Моргентау подчеркивал, что депортации армян «являлись новым методом массового убийства. Когда турецкие власти отдавали приказ о депортации, они на самом деле давали гарантию смерти целого народа; они отлично понимали это и в своих беседах со мной не делали особых попыток сокрытия фактов»³.

Несколько сот тысяч армян (по некоторым подсчетам – около 800 тыс.), вопреки планам турецких властей выжившие после кошмаров геноцида и депортации, в силу послевоенных политических реалий (закрепленных в Лозаннском мирном договоре 1923 г.) лишились права возвращения к родным очагам. Вынужденные рассеяться по разным странам, они помимо своей воли сформировали новое в истории армянского народа этнокультурное/социальное образование, известное как армянская диаспора. Эти люди, в своем абсолютном большинстве лишены каких-либо средств к существованию, уносили с собой лишь одно – воспоминания о прежней жизни, идею о потерянной родине.

Джеймс Бартон, президент основанной в конце 1915 г. американской благотворительной организации «The Near East Relief», спасшей жизни десятков тысяч осиротевших армянских, греческих и др. детей, говоря в своей книге об их душевном состоянии, приводит историю, рассказанную ему некоей миссис Грэнвилл. Эта женщина, прибывшая в Сирию из Австралии вместе с грузом продовольственной помощи для беженцев, имела также поручение от одной состоятельной дамы: найти среди сиротмышленного мальчика, которого она готова была взять на полное содержание, включая учебу в школе и колледже. Единственное условие, поставленное ею: избранник должен был отказаться от своего имени и взять имя ее покойного мужа – Питер. Выбор миссис Грэнвилл пал на одного из воспитанников американского приюта – армянского мальчика по имени Вардан, который, однако, выслушав

.....
³ Vahagn N. Dadrian. The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Berghahn Books, Providence-Oxford, 1995. p. 225.

ее, молча удалился. Женщина, по ее словам, была сильно разочарована, решив, что мальчик не желает получить образование и лишен каких-либо амбиций. Но уже на следующий день Вартан, поблагодарив миссис Грэнвилл за сделанное ему предложение, объяснил причину своего отказа: «Пять-шесть лет тому назад я вместе с моими родителями, братом и сестрой счастливо жил в одном из сел Харбердского вилайета в Турции. Мне было всего лишь восемь лет. Мы посещали нашу церковь, священник которой был добрым другом моей семьи. Однажды я спросил маму, как они выбрали мне имя? Она рассказала мне, что, когда я еще был младенцем, меня крестили в церкви и нарекли Вартаном». Далее мальчик рассказал, что как-то утром село подверглось нападению курдов и турок, были убиты его родители и похищена сестра, все дома были разрушены, церковь сожжена, а сам он спасся бегством в горы. «Я потерял отца, мать, сестру, брата, дом, церковь, село – все, что связывало меня с моей прошлой счастливой жизнью, кроме моего имени – Вартан... Я не могу отказаться от своего имени. Это моя последняя связь со всеми моими священными воспоминаниями».⁴

В этой истории, в словах этого мальчика как бы аккумулированы чувства, ощущаемые всеми изгнанными со своей родины армянами. Следует подчеркнуть, однако, что сами воспоминания не являлись самоцелью, их следовало хранить и, самое главное, передавать всем последующим поколениям. К этому обязывала память о погибших, в этом состоял долг перед утерянной родиной, и именно это и стало одной из главнейших целей первого и последующих поколений армян диаспоры.

Но не только. Естественное чувство отмщения стало не менее сильной доминантой в сознании людей, переживших геноцид и депортацию. Можно полагать, что раскаяние новых властей Турции за содеянные их предшественниками преступления, осуждение последних мировым сообществом могли бы с течением времени в определенной мере способствовать затуханию этих чувств. Однако отсутствие подобного раскаяния и осуждения, сама атмосфера «заговора молчания» вокруг совершенного преступления вынуждала армян к иному. «Неустанно копить гнев – последняя надежда истерзанной нации».⁵ Этими словами немецкого историка XIX века

⁴ James L. Barton. *Story of Near East Relief (1915-1930)*. The Macmillan Company, New York, 1930. с.262-263.

⁵ Гюнтер Оггер. *Магнаты. Начало биографии*. М., 1985. с. 243.

Теодора Моммзена можно в полной мере охарактеризовать умонастроение переживших геноцид армян, умонастроение, с которым они рассеялись по всему миру и которое передалось их потомкам. Без учета этих идей, сводившихся к нежеланию армян смириться с безнаказанностью совершенного в отношении них преступления, невозможно понять и объяснить очень многие страницы всей их дальнейшей истории - как в диаспоре, так и в самой Армении.

Миграции явились неотъемлемым атрибутом истории и самой армянской диаспоры, особенно в период ее становления и формирования. По окончании первой мировой войны основная масса армянских беженцев концентрировалась на территории Сирии и Ливана. Однако низкий социально-экономический уровень развития этих стран, отсутствие работы и жилья - первейших условий для нормальной жизнедеятельности - вынуждали армян к дальнейшей эмиграции. В силу понятных причин основная трасса миграций пролегла в сравнительно близкие страны Европы – Францию, Грецию, Болгарию, Румынию и др. Но наряду с этими (евразийскими) маршрутами, беженцы начали осваивать и более далекие (межконтинентальные) – в США, Канаду, Аргентину, Бразилию и др. Тем не менее, большая часть армян окончательно обосновалась в странах Востока – Сирии, Ливане, Иране, Египте и др. В этих странах уже к началу 1950-х гг. армянские общины входили в число наиболее крупных, успешно интегрированных в местные общества и занимающих высокое положение в социально-экономической иерархии этноконфессиональных общин. Вместе с тем принципиальные культурно-религиозные отличия от местных арабских народов способствовали максимальному - в условиях диаспоры – сохранению этнокультурной идентичности армян практически во всех ее проявлениях (большое число всевозможных организаций, армянских средних школ, газет и журналов, типографий, культурных центров и т. д.). Все это и предопределило лидирующую роль данных общин в общей системе армянской диаспоры в качестве ее культурного и политического центра. Однако начавшиеся в этом регионе с конца 1950-х гг. события - усиление националистических настроений, внутривнутриполитическая нестабильность, многолетняя гражданская война в Ливане, исламская революция в Иране, ирано-иракская война и др. - оказали самое негативное влияние на жизнедеятельность местных армянских общин. Подобная ситуация,

усугубляющаяся к тому же реальной угрозой их жизни, обусловила вынужденную и все более интенсивную эмиграцию армян из этого региона.

Особенностью этих миграционных движений было то, что они имели внутрдиаспоральный характер, при абсолютном предпочтении христианских стран Запада в качестве стран иммиграции. Как и любая вынужденная эмиграция, эта также сопровождалась лишениями и потерями. Для части эмигрантов она означала, быть может, и потерю родины. Впрочем, вопрос этот спорный. Совершенно очевидно, и об этом свидетельствуют разного рода письменные и устные источники, что для подавляющего большинства эмигрантов понятие родины в первую очередь продолжало ассоциироваться с Арменией - как с той, от которой остались лишь воспоминания, так и с реально существующей Советской Арменией. В силу этого каждая из стран, которые они покидали после полувекового там проживания, являлась для них родиной в относительном смысле, если можно так выразиться, родиной «второго плана». К народам этих стран они, конечно же, испытывали искреннюю признательность за участие и помощь, оказанную в годы постигшей их трагедии, за создание благоприятных условий для максимального сохранения, а в какой-то степени и преумножения их культурного наследия.

Возможность выполнения этой последней задачи в новых условиях заботила их не в меньшей мере, чем неизбежные трудности на пути социально-экономической интеграции в западные общества. Эти опасения были не случайны. Знакомясь с различными публикациями 1940-1950-х гг., посвященных американским, французским и др. армянам (авторами которых зачастую были они сами), нельзя не заметить явное преувеличение пессимистических прогнозов относительно сохранения ими своей этнокультурной идентичности. Более того, утверждалось, что еще каких-нибудь 15-20 лет, и армяне в этих странах будут полностью и окончательно ассимилированы. Иммигрировавшие в страны Запада армяне вынуждены были признать справедливость подобных оценок и в то же время, никак не желая разделить господствующие в большинстве местных общин фаталистические настроения, предприняли – сегодня уже можно сказать - успешную попытку их своеобразной «этнокультурной реанимации». Активизация деятельности существующих и создание новых общинных организаций, основание первых в этих странах армянских средних школ, а также ряда новых газет и журналов,

армянских FM-радиостанций и телепрограмм, создание различных художественных коллективов и театров и др. – во многом благодаря подобной деятельности армян-иммигрантов стало возможным этнокультурное возрождение армян в странах Запада. Было бы сильным преувеличением говорить, что они иммигрировали в США, Канаду, Францию, Швецию и др. страны именно с этой целью, как бы в качестве неких миссионеров. Нет, конечно. Однако воспитанные и жившие в духе сохранения армянских традиций и культуры, они не могли, да и не намеревались в новых для себя условиях отказаться от этой, скажем так, диктуемой исторической памятью роли.

Миграционные движения характерны и для новейшей истории самой Армении; наиболее значимые из них сыграли важную роль в ее взаимоотношениях с диаспорой.

Для армян 1918 год был знаменателен не только окончанием Первой мировой войны. В феврале этого же года на территории Восточной Армении, долгое время являвшейся частью Российской империи, вследствие двух русских революций (в феврале и октябре 1917 г.) произошло историческое для армянского народа событие: воссоздание независимого государства – Первой Республики Армения. Но спустя всего лишь два с половиной года парламент и правительство Первой Республики, оказавшись в безвыходной военно-политической ситуации, в ноябре 1920 г. вынуждены были передать власть поддерживаемым Советской Россией и ее Красной Армией армянским коммунистам. До этого абсолютному большинству армян коммунистические идеи и формы их реализации были не столько чужды, сколько попросту неизвестны. А сама Россия в их массовом сознании традиционно являлась антиподом Турции, и именно с ней связывались в основном надежды на избавление от турецкого владычества. Непосредственное знакомство с новой - большевистской - Россией произошло сразу же после советизации самой Армении, когда армянские коммунисты, следуя примеру своих российских соратников, начали осуществлять политику «красного террора» и «военного коммунизма». Ответом на такую политику стало антибольшевистское восстание, начавшееся в феврале 1921 г., которое новым властям удалось подавить лишь с помощью все той же Красной Армии. Подавление этого восстания, помимо прочих, имело весьма важные последствия и для этнополитического развития армянской диаспоры. Вынужденная эмигрировать из Армении партия Дашнакцутюн – партия власти в Первой Республике Армения и

главнѳй политический оппонент коммунистов - не только сохранила присущую ей антисоветскую направленность, но и сумела придать ей организованный и массовый характер уже в самой диаспоре.

Можно с уверенностью утверждать, что именно с этого времени в армянской диаспоре началось политическое размежевание, в основе которого лежало отношение к Советской Армении и которое предопределило пути развития диаспоры не только в этнополитической, но и практически во всех других сферах. Следует особо отметить, что подобное размежевание было неизбежно во всех случаях, поскольку две разделенные части армянского народа волею исторических судеб на протяжении семидесяти лет существовали в составе противоборствующих социально-политических систем – советского социализма и западного капитализма. В подобной ситуации основные параметры этнополитической деятельности армян диктовались взаимоисключающими политическими интересами лидеров этих систем – Советского Союза и США - и их сателлитов. В этом контексте партия Дашнакцутюн сыграла роль своеобразного катализатора, ускорившего процесс формирования в диаспоре позиции антисоветизма. И в этой своей роли она была обречена на успех, поскольку власти Армении, казалось, задалась целью сделать все, чтобы отвести армян диаспоры от новой России – Советского Союза, от Советской Армении. Достаточно отметить лишь основные моменты их политики в отношении диаспоры: полное игнорирование прав депортированных армян на возвращение к родным очагам и вместо этого призывы солидаризироваться с турецкими трудящимися в борьбе против буржуазных эксплуататоров, категорическое неприятие армянских политических партий (в прошлом – организаторов национально-освободительной борьбы, а к тому времени – консолидирующих институтов диаспоры), разжигание социально-классовой борьбы внутри диаспоры, требование безоговорочного признания и одобрения деятельности советских властей и т. п.

В отличие от многих, включая и западных специалистов по Советскому Союзу, эмигрировавшие из Армении члены партии Дашнакцутюн обладали практическим знанием советской действительности, а в состав ее руководства входили бывшие члены правительства и парламента Первой республики, что во многом обеспечило как быстрый рост авторитета и популярности партии, так и широкое распространение ее политических идей в массовом сознании армян диаспоры.

Диаспора, тем самым, встала перед необходимостью выбора приоритетного, главного критерия в ее отношении к Советской Армении - считать ли таковым идеологию власти в Армении или само существование Армении. Часть диаспоры – «жесткая оппозиция» во главе с Дашнакцутюн - приоритетным сочла идеологический критерий и в соответствии с этим на протяжении всей истории противостояния двух мировых систем ориентировалась на страны Запада. Другая часть диаспоры, во главе с либерально-демократической партией Рамкавар Азатакан, считая советскую власть наименьшим злом с точки зрения национальных интересов армянского народа, ограничилась ролью «мягкой оппозиции» и стремилась к установлению связей с Советской Арменией. Между тем в диаспоре установилось своеобразное динамическое равновесие, которое, несмотря на все его негативные последствия, в целом явилось продуктивным. Оно придало ее политической конструкции пластичность, столь необходимую для адаптации в различных пространственно-временных средах существования. Вынужденные на протяжении 70 лет существовать в условиях постоянного и жесткого противостояния двух социально-политических систем, армяне избрали путь приспособления к ним обеим. Иного, по сути, не было дано, поскольку в одном из этих миров жили они сами, а в другом – Армения.

К числу наиболее примечательных эпизодов в истории взаимоотношений между Советской Арменией и армянской диаспорой относятся репатриации, осуществленные советскими властями в 1920-1930-х, и особенно в 1946-1948 гг. Следует отметить, что решение о репатриации непосредственно после войны было принято не только в отношении армян. В канун пятой годовщины начала Великой Отечественной войны - 14 июня 1946 г. - был подписан указ Верховного Совета СССР, согласно которому подданные бывшей Российской империи, а также лица, утратившие советское гражданство, получали право стать гражданами СССР. В. Костиков в своей книге, посвященной истории русского зарубежья, особо отмечает реакцию русской так называемой «белой эмиграции» на упомянутый выше указ, который внес «...настоящую сумятицу в умы русских эмигрантов. По случаю публикации указа целый ряд видных эмигрантов сделали патриотические заявления, в том числе Н. А. Бердяев».⁶ Волна

.....
⁶ В. Костиков. Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. с. 298.

русско-советского патриотизма в эмигрантской среде возникла в связи со Сталинградской битвой. По мнению В. Костикова, волна эта ширилась и крепла по мере приближения победы Советской Армии, и постепенно враждебность к советской власти стала уступать место преклонению перед ратным подвигом народа и жертвами, понесенными страной.

Если Вторая мировая война привела к столь кардинальным изменениям в умонастроениях русской эмиграции, самым своим зарождением «обязанной» именно Советской власти и характеризующейся потому явным и бескомпромиссным антисоветизмом, то тем более естественной и ожидаемой была проявленная армянской диаспорой в те же годы солидарность с Советским Союзом, Советской Арменией. Именно в первый период войны, период нескончаемых, казалось, поражений советских войск, армяне диаспоры, вне зависимости от их политических убеждений, окончательно осознали, что отсутствие столь желанного полного суверенитета Советской Армении компенсировалось ее внешней безопасностью и что поражение СССР автоматически приведет к оккупации Турцией и этой оставшейся части их родины. Одним из наиболее убедительных свидетельств просоветской позиции армян диаспоры в эти годы может служить строительство для Советской Армии на пожертвованные ими деньги танковой колонны «Давид Сасунский».

Начиная примерно с середины 1944 г. подобные настроения еще более усиливаются вследствие исходящих из Москвы импульсов. Как известно, еще до окончания войны Сталин задался целью вернуть территории, переданные Советской Россией Турции, согласно Московскому договору от 16 марта 1921 г. Справедливо предчувствуя возможное противодействие США и Англии, к тому времени уже встревоженных расширением сфер влияния СССР в Восточной Европе и на Балканах, Сталин решил разыграть в числе прочих и «армянскую карту». Стараниями советских властей армяне диаспоры были своевременно извещены о планах Сталина относительно как возвращения армянских территорий, так и организации репатриации в Советскую Армению. При этом самих репатриантов, учитывая недостаточность территории последней, предполагалось якобы расселить на возвращенных территориях. Расчет Сталина был верным и точным – из разных стран в адрес советского руководства, а также глав других государств и ООН стали поступать многочисленные обращения армян в поддержку политики СССР.

Наконец, в ноябре 1945 г. в канун очередной годовщины советизации Армении Совнарком (правительство) СССР за подписью И. Сталина принял решение, разрешающее репатриацию в Советскую Армению проживающих за рубежом армян. В течение последующих трех лет, воспользовавшись этим правом, в Советскую Армению иммигрировали около 90 тысяч армян из Ливана, Сирии, Египта, Ирана, Франции, Болгарии, США и некоторых других стран.

В своем абсолютном большинстве эти люди не были коммунистами и, независимо от политических симпатий, были одержимы лишь одной идеей - жить среди армян, в Армении, пусть даже советской, и в меру своих сил и знаний способствовать развитию своей родины. Однако эта идея, это, по сути, естественное желание жить на своей родине так и осталось непонятым многими, как простыми обывателями, так и политиками. В ряде стран, в условиях начавшейся холодной войны, решение армян иммигрировать в Советскую Армению было воспринято как некий политический вызов с их стороны. Примером тому - заместитель Госсекретаря США Дин Ачесон, который во время беседы с делегацией Всемирного Армянского конгресса в 1947 г., услышав о желании армян присоединить к Советской Армении территории, некогда отошедшие к Турции, и об их репатриации, вопрошал, не являются ли все армяне коммунистами? В тех же США, а также в Иране, Греции, Франции и некоторых других странах власти чинили разного рода препоны с целью воспрепятствовать эмиграции армян.

Судя по всему, для армян диаспоры подобная реакция на их решение иммигрировать в СССР была ожидаема и они были готовы к ней. Но они никак не были готовы к тому, что их ожидало в самой Армении.

Советское руководство, принимая решение о репатриации армян сразу после войны (то же, впрочем, следует сказать и о репатриации 1920-1930-х гг.), понимало - не могло не понимать - что страна в целом и даже Армения, непосредственно не затронутая ею, никак не готова принять столь большое число людей, учитывая, в первую очередь, катастрофическую нехватку жилья, продовольственных товаров, одежды и других предметов первой необходимости. Между тем иммигрировавшие армяне - это были уже не обездоленные беженцы. За исключением сравнительно небольшого числа крестьян (главным образом, из Ирана), они были жителями малых и больших городов, людьми разных профессий (от ремесленников и торговцев

до врачей и ученых), к тому времени в той или иной мере самоутвердившимися в социально-экономической структуре соответствующих стран. Приехав в Советскую Армению, они с первых же дней оказались в условиях, несравнимых с теми, в которых жили в странах эмиграции. Не имея целью сколько-нибудь подробное рассмотрение данного вопроса, ограничусь лишь выдержкой из воспоминаний одного из репатриантов: «Репатриант лишен свободы в выборе места жительства, лишен свободы отказаться от предназначенного ему жилья, лишен свободы действовать по своей инициативе, и самое страшное - они лишены свободы обсуждать или решать что-либо в интересах армянского народа, одним словом, человек не является полноценной личностью, он марионетка, лишенный воли и величайшего дара – свободы...»⁷ Особенно немислимым оказалась невозможность исполнения ими на родине столь священного для них долга перед предками – сохранения в памяти народа постигшей его в 1915 г. трагедии. Вместо этого на их глазах в угоду идеологии и политике переписывалась сама история, в которой уже не было места ни Западной Армении и Киликии, ни геноциду, ни их жизни на чужбине, ни Первой Республике Армения. В подобных условиях их жизненный опыт - депортация, сиротские дома, борьба за выживание, их преданность (в силу обстоятельств не афишируемая) отмеченным выше основополагающим ценностным установкам диаспоры, их практическое знание принципиально иных, не социалистических обществ в значительной мере обогатили палитру массового сознания местных армян.

Сами же они вынуждены были жить в атмосфере постоянного недоверия, логическим следствием которого стала высылка, депортация в 1949 г. части вернувшихся на родину армян вместе с другими «врагами народа» в отдаленные районы Советского Союза. К тому же усилиями властей между репатриантами и основным населением пролегла невидимая, но повседневно ощущаемая линия отчуждения. Спустя годы, когда, казалось, начали постепенно исчезать разделяющие искусственные барьеры, стало ясно, как глубоко укоренилась в репатриантах горечь и обида за причиненные им страдания и лишения. Жившее в них все эти годы стремление вновь обрести свободу мысли и действий обрело реальные очертания в

.....
⁷ М. Базарян. Письма из советского «рая». Ереван, 1996. с. 54. (на арм. яз.)

середине 1970-х гг., когда советские власти в силу подписанного ими в Хельсинки Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе вынуждены были разрешить эмиграцию из СССР евреям, немцам, армянам и др. С этого времени началась реэмиграция иммигрировавших в разные годы армян и их потомков (согласно формулировке – «с целью воссоединения семей») из так и не ставшей для них подлинной родиной Советской Армении. И сам факт их добровольной реэмиграции, и рассказы реэмигрантов о подлинной жизни советских людей во многом способствовали формированию в армянской диаспоре более реалистических представлений об Армении.

История Армении XX века лишней раз заставляет почувствовать всю притягательность концепции повторяемости в истории. В начале этого века развал Российской империи привел к образованию Первой Республики Армения, по прошествии двух с половиной лет трансформировавшейся во Вторую (Советскую) республику в составе СССР. Спустя 73 года распад уже Советского Союза привел к созданию Третьей Республики Армении, которой, судя по всему, суждена более долгая жизнь.

С началом Первой мировой войны на территорию Восточной (Русской) Армении из сопредельных с ней районов Западной (Турецкой) Армении хлынула волна армянских беженцев (около 250 тыс.), спасавшихся от зверств турецкой армии. Спустя семь десятилетий, в 1988-1991 гг., в охваченном агонией Советском Союзе Советская Армения приняла около 400 тыс. беженцев-армян, спасавшихся от погромов в Советском Азербайджане.

Беженцы начала века и их потомки в большинстве своем окончательно обосновались на новой территории и стали важной составляющей армянского общества. Будучи носителями тех же ценностей, что и их депортированные соотечественники, они на протяжении последующих десятилетий в целом успешно исполняли роль хранителей исторической памяти, своих культурных традиций в условиях советской действительности.

Иначе сложилась судьба беженцев из Азербайджана. С одной стороны, сам факт длительного проживания в инонациональной мусульманской среде, постоянное и мощное давление которой вынуждало их к максимальной приспособляемости, с другой стороны - отсутствие возможности для общинной самоорганизации, полноценной этнокультурной деятельности с неизбежностью

ускорило процесс их аккультурации. Это обстоятельство могло оказаться не столь существенным, окажись они в Армении в период ее стабильности, что гарантировало бы их безболезненную адаптацию и интеграцию в армянское общество. Однако вследствие сначала землетрясения 1988 г., а затем и кардинального изменения политической и военной ситуации, страна пребывала в состоянии коллапса. В этих условиях отсутствие у властей сколько-нибудь продуманной политики в отношении беженцев еще более усугубило их тяжелое положение и стимулировало повторную эмиграцию большинства из них. Для этих людей Армения стала лишь своеобразным транзитным пунктом на пути из Азербайджана в Россию, США и другие страны - не более.

В эти же годы и, в основном, в силу тех же причин социального и экономического характера началась продолжающаяся и по сей день эмиграция также и коренного населения Армении. Она беспрецедентна по своим размерам – около 1 млн. человек. Но не только. Уникальность этой эмиграции и в том, что страну покидали люди, в меру своих сил способствовавшие обретению ею независимости и воодушевленные перспективой жизни в свободной Армении. Осознание того, что причиной охватившего страну экономического кризиса, постоянного и резкого снижения жизненного уровня является проводимая новыми властями политика, неизбежно вынуждало людей дать объяснение самой этой политике. Сделать это им было непросто, поскольку, в отличие от прошлых советских лет, страной руководили люди, которых избирали они сами. В поисках разумного объяснения действий властей вспомнилось известное выражение: «Каждый народ имеет то правительство, какое он заслуживает». Для одних это означало смириться, приспособиться к существующей реальности, для других – стремиться к обновлению власти (радикальным или эволюционным путем – другой вопрос). А миллион армян, посчитав недостойной себя саму эту власть, и не веря в скорое изменение ее сути, предпочел покинуть Армению. Они, тем не менее, увозят с собой надежду на скорое возвращение, решимость помогать оставшимся в Армении своим близким - чувства, теряющие свою остроту с каждым годом проживания за рубежом.

Л.Арутюнян

Социальная адаптация беженцев в Армении: попытка типологизации

Слово «беженец» продолжает оставаться неотъемлемой частью активного словарного запаса каждого армянина,¹ соседствуя со словами «эмиграция», «бедность», «блокада» и «война». За последние годы в этой сфере все же произошли определенные изменения. В частности, по данным Государственной статистической службы Армении, армянское гражданство приняли более 45 тыс. беженцев. Социологи утверждают, что родившиеся в Армении дети беженцев уже не хотят называть себя беженцами, а на веб-сайте Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев уже нет карты Армении.

Казалось бы, сам факт, что лишь 12,5 % от 360 тыс. армян-беженцев, прибывших в Армению в 1988-1995 годах, приняли армянское гражданство, не дает оснований для оптимизма. Однако, если рассматривать эти результаты на фоне ситуации в Армении в целом и процесса адаптации беженцев в частности, то оценки хода и результатов интеграции беженцев в армянское общество могут быть иными.

В данной статье рассматривается процесс адаптации беженцев в Армении и его результаты. В ней делается попытка типологизации беженцев по критерию адаптированности. Анализ адаптированности сделан на основе результатов социологического исследования адаптации беженцев, проведенного в рамках проекта фонда

¹ По определению ООН, беженец – это лицо, которое из-за обоснованного опасения стать жертвой преследований за принадлежность к определенной расовой, национальной, религиозной, социальной группе или политические убеждения находится вне государства своей гражданской принадлежности, не может либо не желает пользоваться защитой этого государства или, не имея гражданства какого-либо государства своего прежнего основного места жительства, не может либо не желает вернуться в это государство. Беженцем является также лицо, одновременно являющееся гражданином нескольких государств, но имеющее опасения, что не сможет пользоваться защитой какого-либо из этих государств.

Макартуров «Трудовая миграция в странах СНГ», осуществляемого Независимым советом стран СНГ по миграции. Автор выражает огромную благодарность фонду Макартуров и Независимому совету стран СНГ по миграции за сотрудничество и содействие, благодаря которому стало возможным исследование столь важного для Армении феномена, как миграция вообще и трудовая миграция в частности.

Этапы социальной адаптации. Распад Советского Союза и формирование новых независимых государств положили начало мощным дезинтеграционным процессам и разделению постсоветского пространства на множество этнических миров. В этой связи следует отметить, что плоды более чем 70-летних усилий по созданию этнически нейтральных социальных взаимоотношений оказались весьма хрупкими. После распада СССР жизнь как бы заставила вернуться в историческое прошлое. И одним из механизмов возврата к прошлому было новое «великое переселение народов».

Раздел единого экономического и политического организма происходил достаточно болезненно и сопровождался множеством этнических и региональных конфликтов. Эти конфликты разрушили не только единое политическое и экономическое пространство. Они перекроили этническую карту постсоветского пространства, что породило встречные потоки сотен тысяч беженцев, покидающих места своего постоянного проживания.

Люди бежали из обжитых мест, прежде всего из-за обоснованного опасения стать жертвой вооруженных конфликтов. Немаловажную роль играло сформировавшееся у населения стран постсоветского мира ожидание преследования за принадлежность к определенной этнической или религиозной группе. Это ожидание основывалось, прежде всего, на том, что именно межэтнические противоречия зажигали фитиль вооруженных конфликтов. Кроме того, новые независимые страны строятся как национальные государства, с преобладающим правом титульного этноса, несмотря на провозглашение принципов равноправия и поставленные этими странами цели построения гражданского общества, где уважаются права национальных меньшинств.

Первые потоки беженцев появились в Армении в 1988 г. После этого в течение 3-х лет Армения приняла более 360 тыс. беженцев-армян из Азербайджана и Нагорного Карабаха. В дальнейшем в Армению прибыли также беженцы-армяне из других стран

постсоветского мира², находящихся в состоянии войны или переживающих ее угрозу.

По странному стечению обстоятельств, после 1988 года Армения пережила почти одновременно землетрясение, вооруженный конфликт и резкую смену политического режима. Совокупным результатом стихийных, военных и политических катаклизмов стала экономическая стагнация и резкое ухудшение жизненных условий населения. В поисках работы и средств существования немалая часть активного населения Армении встала на тропу трудовой эмиграции, одновременно в Армению пришла волна беженцев. С той поры беженцы являются частью армянской действительности.

Адаптация беженцев в Армении протекала по-разному в зависимости от особенностей того или иного временного периода. В целом в процессе адаптации беженцев в Армении достаточно отчетливо выделяются три этапа. **Первый из них, на мой взгляд, приходится на 1988-1991 годы, которые были завершающими годами жизни советской страны.** На этом этапе в Армении разрешалась проблема приема и первичной социализации беженцев, прибывших в Армению из Азербайджана. Необходимо было принять и дать кров более чем трем сотням тысяч человек.

Мне довелось участвовать в приеме беженцев в аэропорту, где мы проводили анкетирование беженцев с целью их размещения. Нескончаемый поток физически искалеченных и морально травмированных людей прибывал в Армению через единственную открытую дверь в страну - аэропорт. Самая большая трудность того времени заключалась в том, что армяне, бежавшие из Азербайджана, оказались в парадоксальной ситуации «небытия». Советская пропаганда отрицала сам факт наличия каких-либо конфликтов, беженцев или перемещенных лиц на территории СССР. Т.е. по идеологическим мотивам скрывался сам факт беженства, а беженцы

.....
² В частности, по данным Управления по миграции беженцев при Правительстве РА, в 1988-1990 гг. в Армению прибыли 360 тысяч вынужденных переселенцев из Азербайджана и Нагорного Карабаха (48 тыс. из НКР и 12 тыс. – из Шаумяновского района Азербайджана). В Армении на конец 2000 года было зарегистрировано 11 тыс. вынужденно переселенных лиц, в том числе 3 тысячи – из Чечни и 8 тысяч – из Абхазии. Поскольку эти лица не претендовали на получение статуса беженца и окончательной целью являлась их реадмиссия, Правительство РА специальным решением объявило их лицами, находящимися под временной защитой государства.

были «спрятаны» в пансионатах, домах отдыха, гостиницах. Речь шла не об их устройстве на новом месте, получении статуса и реабилитации, но о скором возвращении на места прежнего жительства, где беженцам грозила опасность. Усложняло ситуацию и наличие в Армении значительного числа перемещенных лиц из зоны землетрясения. Однако первый этап адаптации беженцев все же оказался в определенном смысле успешным - задача приема беженцев была решена благодаря сочувствию населения Армении к судьбе беженцев, гуманитарной помощи армянской диаспоры и международных организаций, наконец, усилиям властей.

Необходимо отметить, что сама по себе тяжелая ситуация явилась катализатором как адаптации, так и дезадаптации беженцев в Армении. С одной стороны, осознание того, что вся Армения борется за выживание и независимость, психологически облегчило процесс первичной адаптации части беженцев. «В то время в Армении была тяжелая ситуация: не было хлеба, не было света, кошмарные годы, – говорит 56-летняя беженка из Баку. – Мы жили в пансионате «Анаит», где очень скоро к бакинским беженцам присоединились пострадавшие от землетрясения. Очень тяжело было видеть рядом растерянных людей, потерявших родных и близких. В целом трудно сказать, чья адаптация проходила труднее: тех, кто пережил землетрясение, или беженцев-горожан, оказавшихся в сельской местности. Наверное, беженцам было легче, поскольку наличие жилья позволяло чувствовать себя более защищенным и полноценным». С другой стороны, тяжелые условия жизни способствовали тому, что часть беженцев сделала свой выбор не в пользу Армении, встав на путь реэмиграции в Россию, США, Европу, Австралию.

В группе реэмигрантов 1988-1992 гг. преобладали мужчины, которые, оставив в Армении женщин, детей и стариков, уехали зондировать возможности реэмиграции. Социальный результат не заставил себя долго ждать: многие семьи оказались перед трудноразрешимыми конфликтами или распались, и во главе значительной части беженских семей стали женщины.

На этом этапе ситуация облегчалась предоставлением беженцам гарантированного минимума социальных услуг³, а также определенными работами по психологической реабилитации

³ Беженцы, в том числе их дети, родившиеся в Армении, пользуются всеми видами социальных услуг, независимо от формы их регистрации.

беженцев. Был также накоплен опыт социальной работы с беженцами. Думаю, те, кто напишет историю формирования социальной работы в Армении, отметят тот факт, что несчастливое обстоятельство землетрясения и беженцев имели своим позитивным следствием то, что Армения одной из первых среди стран постсоветского мира соприкоснулась с необходимостью формирования института социальной работы и вынуждена была создать его.

Второй этап адаптации беженцев в Армении, на мой взгляд, **приходится на 1991-1998 гг.**, когда решались проблемы социальной, культурной и психологической адаптации беженцев. Этот этап был, по-видимому, самым тяжелым в жизни беженцев, поскольку проходил в ситуации резкого ухудшения экономического положения страны, вооруженного конфликта и блокады транспортных путей. Эти обстоятельства отодвинули проблемы беженцев на второй план: беженцы перестали быть предметом заботы властей, которые **предпочли отказаться от решения проблемы беженцев и переложили ее на плечи международных организаций**. Иссяк запас милосердия и соучастия местного населения к беженцам, ибо оно само встало перед проблемой нужды, безработицы, отсутствия света и тепла. Беженцы стали рассматриваться населением не как пострадавшие соотечественники, но конкуренты на рынке труда, средств существования и ресурсов. Более того, Армения стала ощущать негативные социально-политические последствия того, что, наряду со всеми прочими проблемами, проблемы беженцев также легли тяжелым бременем на неустойчивую экономику и демократические институты страны. Однако отсутствовали не только средства, но и технологии для разрешения проблем беженцев. В совокупности все эти обстоятельства привели к тому, что участие государства в разрешении проблем беженцев становилось все более пассивным. Опорой беженцев остались лишь международные организации и армянская диаспора⁴.

Столь разительные перемены весьма негативно отразились на процессе социальной адаптации. Беженцы, не реабилитированные и

.....
⁴ По данным ООН, за эти годы УВКБ предоставило целевую помощь 50 тыс. нуждающихся беженцев, в том числе натурализованным, с целью обеспечить их постепенную социально-экономическую интеграцию в Армению. 1100 домохозяйств получили помощь по схеме микрокредитов.

не оправившиеся от шока и психологической травмы, дезориентированные в непривычной социальной и культурной среде, остро переживали кризис идентичности. «В первые годы мы жили в маленьком селении. В сельском клубе нам выделили комнатку в 6 кв. метров, – говорит 42-летняя беженка из Баку. – Жили вчетвером, нас ели комары, не было ни воды, ни хлеба, никто из нас не работал. Приспособиться к местному образу жизни было нелегко, были явления, которые мы просто не могли принять». По свидетельству беженцев, особенно травмирующей была резкая смена социальной среды. Действительно, по данным Комиссариата ООН по делам беженцев, 81% беженцев из Азербайджана были жителями больших и средних городов.⁵ В Армении они были размещены в сельских населенных пунктах, лишившись тем самым перспектив обретения привычного социального статуса и продолжения профессиональной деятельности.

Весьма проблематичной была культурная адаптация беженцев, поскольку беженцы в большинстве своем были носителями русскоязычной городской культуры и не владели армянским языком.

На состояние беженцев негативно влиял и факт вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном. Он служил поводом для того, чтобы на бытовом уровне на беженцев накладывался бы «образ врага», пришедшего из стана противника. «Нам говорили: у нас у самих нет хлеба, а вы хотите отнять наш последний кусок, – рассказывает сорокалетний беженец из Сумгаита. – Лучше идите и защищайте свою землю». Стечение этих и многих других обстоятельств формировало у беженцев устойчивую установку на реэмиграцию, однако отсутствие статуса беженцев усложняло легальную реализацию этой установки. Выходом служила нелегальная эмиграция в Россию, к которой прибегла на этом этапе наиболее активная часть беженцев.

Третий этап адаптации беженцев, на мой взгляд, начинается с 1999 года, с принятия закона о статусе беженцев. Принятие этого закона, по сути, позволило беженцам:

.....
⁵ По статистике УВКБ ООН и управления Миграции и беженцев при Правительстве Армении, в Армению переехало население в основном из индустриальных городов Азербайджана. 81% – беженцы из Баку, 16% – из др. районов. – Агдамского, Шамхорского и лишь 2,5% переселенцев – сельские жители.

- легитимизировать свой статус после более чем 10-летнего пребывания в Армении;
- тем, кто принял гражданство Армении, определиться со своими жизненными планами, по крайней мере, на ближайшие годы;
- тем, кто не смог адаптироваться в Армении, реэмигрировать.

Третий этап является этапом реальной интеграции беженцев в армянское общество. По-видимому, он будет характеризоваться более практическим подходом государства к проблеме беженцев, переходом к практической реализации выработанных концепций и самое главное - с более реальными ожиданиями и осознанием того, что продолжающаяся миграция населения из Армении чревата серьезными опасностями для страны.

Поскольку беженцы зачастую живут отдельной общиной, то можно говорить также об интеграции беженской общины. Вместе с тем совершенно очевидно, что пока не удастся вовлечь местное население в процесс реабилитации беженцев, прежде всего по причине слабости самой общины, а также потому, что противоречия между местным населением и беженской общиной сгладить пока не удалось.

Процесс интеграции беженцев в Армении идет неравномерно. Его результаты различаются по регионам страны (см. Табл. 1)

Марзы	Число беженцев, проживающих в регионе	Число беженцев, принявших гражданство РА	Процент Беженцев, принявших гражданство, от общего числа беженцев
Ереван	61 793	9 990	16%
Арагацотн	8 112	881	11%
Армавир	25 492	1 708	7%
Арагат	53 634	6 660	12%
Вайоц Дзор	4 571	993	22%
Гегаркуник	29 008	4 733	16%
Котайк	34 048	4 065	12%
Лори	18 267	3 506	19%
Сюник	15 892	1 953	12%
Тавуш	11 846	2 187	18%
Ширак	4 179	671	16%
Всего	266 842	37 347	14%

Как видим, в различных регионах результаты процесса интеграции различны. Наиболее низким является уровень интеграции в Армавире, что вряд ли имеет сколь-нибудь логическое объяснение в рамках той статистической информации об интеграции, которая имеется на сегодняшний день. Для фиксирования более глубоких связей обратимся к результатам социологических исследований проведенных нами.⁶

Социологический анализ результатов процесса интеграции армянских беженцев. Применение этой системы показателей для анализа качественных данных и результатов фокус групп позволяет

⁶ Серия социологических исследований в рамках проекта фонда Макартуров: были проведены глубинные интервью с 42 беженцами из Азербайджана и Нагорного Карабаха, а также 5 фокус-групп с представителями беженских и местных общин, с тем, чтобы выявить реальную картину адаптированности беженцев, установок в отношении друг друга и социальных стереотипов этих двух групп. В исследовании была применена многоступенчатая выборка: сперва были выбраны регионы, затем общины, затем респонденты глубинного интервью и участники фокус групп.

Отбор регионов для социологического исследования производился по удельному весу беженцев в числе населения. В соответствии с этим критерием 10 регионов были типологизированы по признаку удельного веса беженцев среди населения с тем, чтобы выбрать из них следующие:

Регионы с небольшим удельным весом беженцев (Вайоц Дзор и Арагацотн);

Регионы со значимым удельным весом беженцев среди населения (Арагат и Котаик);

Регионы зоны бедствия (Ширак и Лори), в которых в силу землетрясения беженцы живут в специфических условиях не были включены в выборку.

Отбор сел или общин также проводился по принципу удельного веса беженцев в числе населения. В соответствии с этим принципом были выделены:

Смешанные села, где беженцы проживают вместе с коренным населением, составляя большинство населения, в частности, село Ранчпар Масисского района, Араратского региона;

Смешанные села, где беженцы проживают вместе с коренным населением, составляя меньшинство населения, в частности, село Фантан Котаикского региона и село Алаяз Ехегнадзорского района региона Вайоц Дзор;

Села, где проживают исключительно беженцы, в частности, село Карин Аштаракского района региона Арагацотн.

Отбор респондентов для глубинного интервью проводился при помощи техники фильтра и снежного кома, ввиду отсутствия статистически достоверной информации по выделенным критериям. Респонденты были отобраны по следующим критериям: пол, возраст, образование, тип населенного пункта, из которого мигрировали беженцы, тип населенного пункта, в котором проживает беженец, наконец, наличие гражданства Армении.

охарактеризовать статус и характеристики интегрированности группы опрошенных нами респондентов-беженцев. В соответствии с нашими данными, 25% респондентов обладала низким, а чуть более трети респондентов - высоким экономическим статусом. Низкий социальный статус был характерен для менее чем 20% беженцев. Примерно 40% беженцев имеют высокий уровень культурно-психологической интегрированности в армянское общество, немногим менее 40% - средний и только 20% практически не интегрированы в армянском обществе. В соответствии с субъективной оценкой более 60% опрошенных нами беженцев считают себя полностью интегрированными, более 30% - не вполне интегрированными и только 7% - совершенно не интегрированными в армянское общество.

Анализ субъективных оценок адаптированности позволяет констатировать, что беженцы-респонденты нашего социологического исследования довольно позитивно оценивают уровень своей интегрированности в армянское общество: более двух третей из них оценивают себя как в целом интегрированные в нынешнее армянское общество (хотя лишь у трети беженцев не возникает особых трудностей в этом вопросе). Вместе с тем примерно четверть из них так до сих пор не приспособилась к местным условиям, а примерно у половины из них все же имеются проблемы в приспособлении к местным условиям. По-видимому, большего трудно было ожидать, учитывая нынешние условия в стране. Однако реалистичность ожиданий не должна препятствовать стремлению понять феномен не совсем успешной адаптации армянских беженцев в Армении. Социологические исследования показывают, что для интеграции беженцев в армянское общество большое значение имеет их экономическая активность и материальное положение, социальная вовлеченность, позитивная установка на Армению, активное освоение ценностей и распространенных моделей поведения, порой и политическое участие. Немаловажны также установка и особенности переезда в Армению.⁷ «Мы приехали сюда, зная, что это наша Родина. И мы будем жить здесь. Мы нужны Армении, - говорит 47-летняя беженка из Баку. - У меня два сына: один отучился в Москве на летчика. В Армении всем летчикам больше 50 лет, мой сын скоро

⁷ По закону о беженцах правительство несет ответственность за их социально-правовую защиту, а благодаря поправкам о Законе о выборах, принятом в апреле 2000 года, беженцы получили право участвовать в выборах в местные органы власти.

заменит одного из них. Второй получает медицинское образование в Москве. Мои сыновья будут жить в Армении, я воспитала специалистов для своей Родины». Хотелось бы думать, что мечта этой женщины сбудется.

Однако при более углубленном анализе оказывается, что прямая связь между условиями жизнедеятельности и уровнем адаптированности беженцев наблюдается не во всех случаях. Она в целом опосредована рядом факторов, в числе которых важнейшим является уровень образования. Уровень адаптированности, по нашим данным, оказался в обратной связи с уровнем образования. Более низкий уровень образования, как оказалось, благоприятствует адаптации беженца. Более того, чем выше образование, тем ниже уровень адаптации беженца и пессимистичнее его субъективные оценки. Следующим значимым фактором является урбанизированность или тип местожительства сегодняшнего беженца в стране исхода: более 80% не адаптировавшихся беженцев были городскими жителями в Азербайджане. Влияние этих двух факторов не только очевидно, но и вполне объяснимо. То, что армяне-горожане, расселенные после приезда в Армению в сельской местности, оказались в стрессовой ситуации широко известно. Однако социологические данные, подтвердив этот общеизвестный факт, вместе с тем показали, что влияние этих факторов не было однозначным и тем более прямолинейным. Она обнаружили на первый взгляд странную картину: беженцы, наиболее низко оценившие свою интегрированность в армянское общество, не связывающие своего будущего и будущего своих детей с Арменией, оказались более адаптированными по статусным и поведенческим характеристикам. И наоборот, беженцы, высоко оценившие уровень своей адаптированности в Армении, наиболее патриотично настроенные в отношении своего будущего и перспектив для своих детей в Армении, оказались по объективным данным наименее адаптированными. Для объяснения этого на первый взгляд парадоксального явления в анализ была введена характеристика потенциала адаптируемости или способности адаптироваться к новым условиям. Была выдвинута гипотеза, что способность мигранта адаптироваться к новым условиям является важнейшим звеном в цепи «адаптированность к местным условиям - установка на реэмиграцию», именно она, при прочих равных условиях, может провоцировать активизацию или пассивизацию дальнейшей миграционной активности беженца. Введение этой

характеристики позволило понять, что большинство беженцев оценивают свою интегрированность в общество не в контексте адаптации к местным условиям, а скорее в контексте своего умения адаптироваться в новой среде и планов на будущую мобильность.

Штрихи к социальному портрету беженца в Армении. Прежде чем разграничить типы беженцев из Азербайджана, отметим те поведенческие черты, которые отличают беженца-армянина от других беженцев. В этих чертах по-видимому должно быть отнесено то, что беженец-армянин обладает значительным интеграционным потенциалом, который помогает ему адаптироваться в местах его сегодняшнего проживания, в частности:

- имеет выработанную на протяжении жизни привычку жить в инонациональной и иносреде;
- обладает значительным потенциалом социальной мобильности;
- имеет потенциальный ресурс групп социальной поддержки в разных странах, благодаря наличию армянской диаспоры;
- достаточно высока вероятность того, что беженец-армянин никогда не видел Армении и не вполне воспринимает ее в качестве своей «Родины», поскольку значительная часть армян, расселенных в различных уголках мира и в том числе в Азербайджане, эмигрировала не из современной, а Западной Армении или Нагорного Карабаха.

Таковы некоторые особенности социальной истории и «поведенческих характеристик» армянина-беженца из Азербайджана. Взяв эти особенности в качестве фоновых характеристик, мы сделали попытку идентифицировать адаптированного беженца на основе выявленных на основе глубинных интервью и фокус-групп зависимостей и связей. В основу «социального портрета» были положены экономический, социальный и культурно-психологический статусы беженца, а также субъективные оценки его адаптированности. Были выделены следующие типы беженцев:

- **Адаптированный профессионал**
- **Кормилец семьи – активист**
- **Потенциальный мигрант**
- **Адаптированный «кочевник»**
- **Неадаптированный пассивный интеллигент**
- **Сломленный беженец**

Тип **«адаптированного профессионала»** включает беженцев, имеющих достаточно образования и навыков для профессиональной деятельности, зачастую в сфере бизнеса и сферы услуг, нашедших применение своих сил и поверивших в возможность своего обустройства в Армении, не желающих больше жить в инациональной среде, осознанно стремящихся к интеграции и жизненному успеху.

Тип **«кормилец семьи - активист»** включает беженцев, имеющих большую семью, со средним образованием и ниже, готовым на любую работу. Они обладают высокой степенью адаптации, имеют достаточно широкий круг общения, высокую коммуникабельность и поддержку среди местного населения. Они достаточно прочно интегрированы в армянское общество.

Тип **«потенциального мигранта»**, к которому относятся лица из немногочленных семей со средним достатком, имеющих высшее или средне специальное образование и трудности в адаптации к местным условиям, языку. Эти беженцы не связывают свое будущее с Арменией, имеют желание эмигрировать. Однако для этого должны заработать стимулы и реальный пусковой механизм, чтобы активировать потенциальную социальную мобильность.

Тип **«адаптированный кочевник»** включает мобильных беженцев, способных адаптироваться в любой среде, имеющих высокий уровень благосостояния и образования, широкий круг общения. Они предприимчивы, имеют родственников за рубежом. Ситуация беженства сформировала для них возможности поиска. И они направлены не на адаптацию, но на поиск. Нахождение под защитой международных организаций формирует у них весьма твердое представление о том, что поле их поиска – это мир в целом. Они не связывают свое будущее с Арменией.

Тип **«неадаптированного пассивного интеллигента»** включает высоко образованных беженцев, в основном горожан, имевших в прошлом успешную работу, высокий уровень благосостояния, широкий круг общения, после переезда попавших в чуждую среду и не сумевших принять новые ценности и культурные модели поведения. Это - один из распространенных типов беженцев в Армении. Интеграция данного

поколения этой группы беженцев весьма затруднена, однако следующее поколение этих беженцев найдет свое место в Армении.

Тип **«сломенного беженца»** включает в большинстве случаев беженцев из неблагополучных семей, с крайне низкой самооценкой и низким уровнем притязаний, изолированных, пассивных. Значительная их часть была физически и морально травмирована при бегстве из Азербайджана. Они не обладают социальной мобильностью, не видят ни для себя, ни для своих семей никаких перспектив ни здесь, ни где бы то ни было. Эти беженцы нищенствуют, живут случайными заработками.

Выделенные типы, безусловно, весьма общи и страдают схематичностью. Однако они могут быть успешно применены при разработке и осуществлении социальной политики, способной разрешить проблему беженцев, создать для них условия достойного существования и желание интегрироваться в армянское общество.

Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане

Среди национальных меньшинств Азербайджана к началу постсоветского периода можно выделить три группы. В первую из них входили армяне и русские – наиболее многочисленные, обладающие развитым самосознанием и государственными образованиями за пределами Азербайджана, определяющие вместе с собственно азербайджанцами неповторимый характер культуры республики. С другой стороны, наличие этих меньшинств затрудняло как окончательное формирование самой азербайджанской нации, так и создание моноэтнического государства с определенной идеологией. Поэтому ещё в послевоенные годы начался процесс мягкого вытеснения этих национальных меньшинств из Азербайджана, перешедший в отношении армян во время Карабахского конфликта в жесткую фазу. В итоге армян в Азербайджане практически не осталось, а количество русских сократилось в три раза.

Русские. Во второй четверти XIX в. после Туркменчайского мира 1828 г. началось интенсивное проникновение русского населения, в первую очередь крестьян-сектантов (молокан, духоборцев, субботников), на территорию Азербайджана¹. По указу от 20 октября 1830 г., вызванному необходимостью ослабления влияния сектантов на православное русское население центральных губерний, были определены две формы их перемещения в Закавказье – принудительное и добровольное переселение. Согласно указу от 10 октября 1838 г. в Закавказье были созданы военные поселения из членов семей солдат. Кроме того, шла добровольная миграция православных крестьян из внутренних губерний России, в том числе и беглых. Особенно усилились побег и крепостных на Кавказ в 1840-х – 1850-х гг. «Главным притоном всех беспаспортных, скитающихся бродяг» считалось село Новоивановка Елисаветпольской губернии. Нередко крестьянские общины содействовали легализации беглецов. Значительная часть беглецов находила работу на рыбных промыслах

¹ Долженко И.В. Русские беглецы в Закавказье (к истории формирования русской диаспоры в 1830-1850-е годы). Этнографическое обозрение, 1 1, 1995.

Каспия. Указ от 1855 г. даровал прощение беглым и бродягам, если они сообщат точные сведения о своем прежнем звании и месте жительства. По указу от 17 марта 1860 г. всех поселян, переселившихся из одной губернии в другую, разрешалось оставлять там, где они проживают. В 1847 г. появился указ, призывающий людей свободных профессий переселяться на Кавказ. К 1912 г. на территории Азербайджана было 112 русских сел. Кроме русских сел здесь существовали четыре немецких колонии, в которых проживали около 16 тыс. человек.

В конце XIX в. и первой четверти XX вв. наблюдался новый резкий прирост русского населения Азербайджана. Как известно, одним из последствий присоединения Азербайджана к Российской империи стала его урбанизация. Так, с 1811 по 1825 гг. население Елизаветполя увеличилось с 2530 до 9343 человек, в 1874 г. оно составляло 18505 человек, а в 1907-1908 гг. – 42454 человека. Особенно высокий процент (185,3 %) роста населения наблюдался в Баку, в котором в 1854 г. жили 8374 человек, в 1874 – 14577 человек, а в 1907-1908 гг. в Бакинском промышленном узле проживало 346987 человек.

К 1916 г. в Азербайджане проживали около 250 тыс. русских, что составляло 6,7 % населения региона. При этом 84 тыс. из них являлись сектантами. В первые десятилетия переселение русских в Азербайджан продолжилось, в первую очередь, за счет военных, инженеров и рабочих. По переписи 1939 г. численность русских Азербайджана достигала 528 тысяч человек, то есть 16,5 % от общей численности населения республики.

По переписи 1959 г. в Азербайджане проживали 501 тыс. русских, что составляло 13,6 % населения. В 1979 г. русских насчитывалось 475,3 тыс. (7,9 % населения). В 1989 г. численность русских составляла 392,3 тыс. человек, то есть 5,6 %. Таким образом, уменьшение численности русских наметилось в послевоенные годы, а в 1970-е – 1980-е гг. приобрело лавинообразный характер. Вряд ли эту тенденцию можно связывать, как то делают некоторые азербайджанские авторы, исключительно с экономическими причинами и миграционной привлекательностью «обезлюдивших просторов российской средней полосы»². Вероятно, основной

.....
² Мусабеков Расим. Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства. // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001, с.339.

причиной отъезда из Азербайджана русского населения стало его вытеснение из престижных и оплачиваемых структур и профессий. Кроме того, при высокой рождаемости азербайджанского населения шел процесс его переселения из сельской местности в город, что значительно меняло не только национальную, но и социально-культурную ситуацию в городах.

По данным переписи 1999 г., русских в Азербайджане осталось только 141,7 тыс., что составляет 1,8 % населения республики (согласно некоторым авторам - 160-170 тысяч, то есть 2 % населения³). Одновременно с русскими республику покинули 15 тыс. украинцев и 3 тыс. белорусов, являвшихся преимущественно русскоязычными. Кроме того, с 1989 по 1999 гг. Азербайджан покинули 31 тыс. евреев, что составило 88% от численности еврейского населения республики. Большинство русских проживает сейчас в крупных городах (95,1%), а также в молоканских и баптистских селах Бейлаганского, Джалилабадского, Исмаиллинского и Кедабекского районов. Ряд старых русских сел (Павловка и Алексеевка Хачмазкого района, Владимировка Кубинского района, Астрахановка и Хильмали Шемахинского района) практически полностью сменил свое население. Кроме того, в Азербайджане, преимущественно в Баку, проживают 29 тыс. украинцев, для 67 % из которых русский язык является родным. Теперь, кроме утраты привычных социальных ниш, факторами, усиливающими миграционное настроение в русскоязычной среде, стали армянские погромы в Баку и Сумгаите, война в Карабахе, формирование в общественном мнении из России образа врага, сужение сферы применения русского языка, ограничение азербайджанско-российских экономических и культурных связей. Кроме того, по материалам Human Rights Watch в РФ от 30 до 34% русских не доверяют или подозрительно относятся к азербайджанцам. Столь же негативное отношение у русских существует только к чеченцам, цыганам и армянам.

Характерно, что среди русского населения Азербайджана преобладают женщины (63 %) и люди старшего поколения, то есть наименее социально активные члены общества. Азербайджанские

.....
³ Мусабеков Расим. Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства. // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001, с.338.

эксперты отмечают, что после распада СССР участие представителей русской общины в политической жизни страны приобрело эпизодический характер. Существующая «Русская община» во главе с депутатом Милли Меджлиса и членом руководства правящей партии М. Забелиным полностью интегрирована во властные структуры республики. Каспийская епархия РПЦ слаба, а её руководство инертно и бессильно.

Армяне. Не вдаваясь в дискуссионный вопрос о количестве армян, проживавших на территории собственно Азербайджана и НКР до присоединения этих территорий к Российской империи, отметим как бесспорный факт многовековой характер этого проживания. В послевоенные годы в Азербайджане шёл процесс мягкого вытеснения не только русского, но и армянского населения. В 1979 г. в республике проживали 475 тыс. армян, в 1989 г. их было зафиксировано уже 390,5 тыс. человек. Таким образом, этот процесс также приобрел лавинообразный характер и больше походил на бегство, тем более в условиях начинающегося карабахского конфликта.

В настоящее время армяне проживают в НКР и в прилегающих районах (Кельбаджарский, Лачинский), находящихся вне контроля официального Баку. Численность их в этом регионе, по разным данным, от 60 до 121 тыс. человек. В собственно Азербайджане проживают в качестве членов смешанных семей 645 армян, преимущественно женщин (609 человек). Называемая иногда цифра в 15-20 тысяч армян, якобы проживающих до сих пор в Азербайджане, далека от реальности⁴.

Другую группу этнических меньшинств Азербайджана составляли талыши, лезгины и курды. Эти народы культурно близки к азербайджанцам, на протяжении последних веков широко использовали азербайджанский язык, но достаточно многочисленны и обладают определенным этническим самосознанием. В их отношении проводилась политика, сочетающая мягкую ассимиляцию азербайджанцами и интеграцию в азербайджанское общество. В постсоветском Азербайджане крайне болезненно реагировали на создание общественных организаций и национальных движений этих народов, обвиняя их в сепаратизме и терроризме. Достаточно

.....
⁴ Мусабеков Расим. Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства. // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001, с.343-344.

вспомнить репрессии против обвиненного в терроризме лезгинского «Садвала», роспуск талышской «Партии равноправия народов», антикурдскую истерию после ареста А. Оджалана. Развитие этнического самосознания этих народов представляет серьезную угрозу азербайджанской государственности и самой азербайджанской нации, но такое развитие пока маловероятно.

Талыши. Ираноязычные талыши проживают в Ленкоранском (33% талышей республики), Ярдымлинском, Астаринском, Масаллинском (48% талышей) и Лерикском районах. По переписи 1926 г. в Азербайджане проживало 77,3 тыс. талышей, в 1939 г. – 87,5 тыс., а в 1959 г., как ни странно, всего 100 человек. По переписям 1970 и 1979 гг. талыши вообще не фиксировались. По переписи 1989 г. в республике проживало 21,2 тыс. талышей, по переписи 1999 г. – 76,8 тыс. Учитывая характерные для талышей многодетные семьи, численность этого народа, вероятно, значительно больше. По экспертным данным, в Азербайджане проживают 200-250 тыс. талышей, по данным активистов талышского национального движения – около 1,5-2 млн. человек. Большинство талышей (по оценкам, не менее 100 тыс. человек) проживает в прилегающих районах Ирана. Живущие в городах талыши, как правило, перешли на азербайджанский язык, в селах все ещё бытует талышский язык. С талышским языком сближается бытовавший в средневековые иранский диалект «азери»⁵.

Лезгины. Лезгины Азербайджана (кубинские лезгины) преимущественно проживают в Гусарском (41,2% лезгин республики, 90,7% населения района), а также в Хачмазском районах и в Баку (по 14,7% лезгин). Кроме того, значительное количество лезгин проживает в Исмаиллинском, Губинском, Габалинском и Геичайском районах. В 1989 г. лезгин в республике насчитывалось 171,4 тыс. чел. (2,4% населения), в 1999 г. – 178 тыс. чел. (2,2%). При этом по данным представителей лезгинских национальных движений, реальная численность лезгин Азербайджана составляет 600-800 тыс. чел. По мнению азербайджанских экспертов, реальная численность лезгин также превышает зафиксированную в переписи и составляет 250-260 тыс. чел. Называется также цифра более чем 300 тыс. лезгин⁶.

.....
⁵ Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999, с.89-106.

⁶ Кожаева Эльмира. Закаталы, Белоканы – созвучие сердец. // «Молодежь Дагестана», 14, 6 апреля 2000.

Курды. В первые годы советской власти в западной части Азербайджана был создан Курдистанский уезд, преобразованный позже в Курдистанский округ, а затем после изменения международной обстановки упраздненный. В него входили Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский, Зангеланский, Котурлинский, частично Джебраильский районы, а центром был город Лачин. В 1886 г. в Азербайджане было зафиксировано 37 тыс. курдов, в 1926 г. – около 41 тыс., в 1939 г. – 6 тыс., в 1959 г. – 1,5 тыс., в 1970 г. – 5,5 тыс. В 1979 г. по итогам переписи было объявлено об отсутствии курдов в Азербайджане. Но полностью ассимилировать народ не удалось. По переписи 1989 г. курдов оказалось 12,2 тыс. человек, по переписи 1999 г. – 13,1 тыс. Необходимо отметить, что лишь 48,9% курдов отметили в качестве родного языка курдский. По оценкам азербайджанских экспертов, численность курдов Азербайджана составляет около 50-60 тыс. человек, иногда называют 200 тыс. человек⁷. 80% зафиксированных ныне курдов Азербайджана проживает в Агджабединском районе. При этом необходимо учитывать, что в первые годы карабахского конфликта около 18 тыс. курдов-мусульман были депортированы из Армении в Азербайджан. В дальнейшем азербайджанизированные курды из западных районов Азербайджана стали вынужденными переселенцами.

Третью группу составляют малые народы Азербайджана, часть из которых проживает также в соседнем Дагестане. Это аварцы, цахуры, рутулы, хыналыгцы, будуги, крызы, а также таты, удины, ингилойцы. По отношению к таким малочисленным народам проводилась политика интеграции в азербайджанское общество, но поощрялось сохранение и развитие их культуры. У большинства народов существует преподавание на родном языке в начальных классах, функционируют национально-культурные центры, издаются газеты и книги, работают театры. При этом к расширению связей между частями этих народов, разделенными межгосударственными границами, в Азербайджане относились достаточно настороженно. Как правило, национальные общества и движения этих народов не отличаются большой активностью.

Аварцы. Большинство аварцев проживает в Закатальском (51%

⁷ Велиев Анар. Курдская проблема в Азербайджане: угроза безопасности или очередная игра? // «Центральная Азия и Кавказ», 12, 2001.

аварцев республики) и Белаканском (48%) районах. Здесь находились известные в XVIII-XIX вв. Джаро-Белоканские «вольные общества». По переписи 1989 г. аварцев насчитывалось 44,1 тыс. человек, по переписи 1999 г. – 50,9 тыс. По другим данным, аварцев в Азербайджане более 100 тыс. человек⁸. Периодически ситуация в аварских районах обостряется.

Цахуры. Северные районы Азербайджана являлись центром политической жизни одного из титульных дагестанских народов – цахур, основавших здесь столицу Илису́йского султаната – село Илису. Миграция цахур в этот регион, являвшийся тогда Джарской и Кахской провинцией Кахетинского царства, началась после XV в. и сопровождалась набегами. Этот процесс закончился в XVII-XVIII вв. Тогда же началась азербайджанизация Цахурии. Сам аул Елису, как и ряд других аулов, уже к концу XIX в. перестал быть цахурским по языку. Необходимость в знании цахурами азербайджанского языка была связана с отходничеством цахурских ремесленников в Азербайджан, перекочевкой на зиму цахурских отар овец за Главный Кавказский хребет, ориентацией цахур на торговые центры на территории Азербайджана и на азербайджано-язычный Дербент.

По данным переписи 1989 г., в Азербайджане в 18 аулах насчитывалось 13,3 тыс. цахур, то есть 0,2 % населения республики. По переписи 1999 г. цахур зафиксировано 15,9 тыс. человек. По другим данным, цахур в Азербайджане 35-40 тыс. человек⁹. 81% цахур Азербайджана проживают в Закатальском районе, 18% - в Гахском. В 1926 г. цахуры составляли 0,7% населения. В самом Дагестане в 13 аулах так называемого Горного магала в верховьях реки Самур цахур насчитывается по данным на 1989 г. только 5,2 тыс., в 1926 г. их там проживало 4,2 тысячи, в 1959 г. – 4,3 тысячи. Таким образом, численность цахур в Дагестане мало изменилась, что свидетельствует об объективности данных переписей по этой республике.

Цахуры в 1852 г. во время Кавказской войны были выселены в Северный Азербайджан, их аулы были разрушены, но через восемь лет цахуры получили разрешение вернуться. Определенное время

.....
⁸ Кожаева Эльмира. Закаталы, Белоканы – созвучие сердец. // «Молодежь Дагестана», 14, 6 апреля 2001.

⁹ Кожаева Эльмира. Закаталы, Белоканы – созвучие сердец. // «Молодежь Дагестана», 14, 6 апреля 2001.

бытовало представление, что цахуры, как и рутулы, относятся к лезгинам или по крайней мере близки к лезгинской культуре. Это было связано с господствующим в первые десятилетия советской власти убеждением в том, что в Дагестане будут происходить процессы консолидации малых народов вокруг наиболее крупного в данной языковой группе, то есть вокруг аварцев и лезгин. Исходя из этого письменность была создана только у крупных народов, а малые народы были обязаны получать образование на языке крупного народа. Эта схема сработала в Нагорном Дагестане среди малых андо-дидойских народов, живущих в тупиковых ущельях и отделенных от торговых центров и приморской низменности аварскими территориями. Напротив, цахуры, рутулы и агулы были ориентированы не на лезгинские торговые центры, а на азербайджанские территории. После работ второй Дагестанской экспедиции в 1950-1952 гг. было установлено своеобразие культуры цахуров, а также и то, что в межнациональном общении лезгины, цахуры и рутулы пользуются азербайджанским языком¹⁰. Таким образом, культурная близость между цахурами и азербайджанцами бесспорна. Процесс внедрения письменности на цахурском языке, идущий в Дагестане, не затрагивает цахур Азербайджана.

Рутулы (рутульцы). В Нухинском районе Азербайджана находятся два рутульских аула (Шин и Кайнаф), отделенные Главным Кавказским хребтом от населенной рутулами в Дагестане долины реки Ахты-чай (два аула). Ещё 18 рутульских аулов находится в регионе их первоначального расселения – долине реки Самур в Дагестане. В 1886 г. насчитывалось 11985 рутулов, в 1926 г. – 12963, в 1959 г. – всего 6732, что было связано с причислением части рутул во время переписи к лезгинам или азербайджанцам. По переписи 1970 г. рутул (в Дагестане) 12071 человек, по переписи 1989 г. – 14950 человек¹¹. В Азербайджане по, вероятно, заниженным данным, проживают около 900 рутул.

Шахдагские народы. Хиналугцы, будухи и крызы проживают в одноименных селениях в высокогорье у подножия горы Шахдаг в Кубинском районе Азербайджана. Кроме села Будух будухи заселили

¹⁰ Хан-Магомедов С.О. Цахурская архитектура. Архитектура Дагестана. Вып.2. - М., 1999, с.16.

¹¹ Хан-Магомедов С.О. Рутульская архитектура. Архитектура Дагестана. Вып.1. - М., 1998, с.46.

села Дали Гая, Гюнеи Будух, а также выселки Пир-Устю и Ялавандж в Дивичинском районе, а крызы, кроме села Крыз – селения Алык, Джек, Хапут, Ергюдж. Кроме того, крызы живут в некоторых селах Хачмазкого, Исмаиллинского, Куткашенского и Агдашского районов. В 1895 г. на будухском языке говорили 2625 человек. В переписях эти народы не отмечались, но азербайджанскими экспертами принято считать, что их общая численность составляет около 10 тыс. человек. По более достоверным данным, крызов насчитывается 8 тыс. человек, будухов – около 5 тыс. человек, хиналугцев, по оценкам 1970-х гг., – около 3 тыс. человек¹². Крызский и будухский языки образуют шахдагскую подгруппу лезгинской группы языков. Хиналугский язык образует самостоятельную подгруппу в нахско-дагестанской семье языков, будучи относительно близок к лезгинской подгруппе. Азербайджанские историки считают народы шахдагской группы потомками албанских племен¹³. Языком делопроизводства, межнационального общения, письменности и обучения в школах у этих народов является азербайджанский, в некоторых селах – ещё и лезгинский. Другие народности шахдагской группы, а именно хапутлинцы и джекцы, к настоящему времени практически ассимилированы.

Таты. Таты проживают на северо-востоке Азербайджана (селения Варташен, Лахидж, Баскал, Зарнава, Матраса, Конахкент, Афруджа, Чичи, Гендаб, Дагкушчу, частично в г. Куба и поселках Дивичи, Сиазан, Килязи), на Апшеронском полуострове (33 поселка из 40, в том числе поселки Балаханы и Сураханы). Подавляющее большинство татов, проживающих в Азербайджане, считает себя азербайджанцами и является мусульманами. По переписи 1897 г. в Азербайджане проживали 91,3 тыс. мусульман-татов, в 1931 г. – 60,5 тыс., в 1989 г. – 10 тыс., в 1999 г. – 10,9 тыс. В населенных пунктах Куба и Варташен распространен северный диалект татского языка, характерный для Дагестана, в других селениях – южный диалект. В Азербайджане, в отличие от Дагестана, татский язык является бесписьменным¹⁴.

.....
¹² Языки мира: Кавказские языки. М., 1999, с.437-469.

¹³ Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990, с.75.

¹⁴ Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997, с.141-154.

Часть татов приняла в древности иудаизм и стала называться горскими евреями. Сейчас они преимущественно отождествляют себя с евреями, что и привело к отъезду большинства из них в период 1989-1999 гг. На 1989 г. в Азербайджане было зафиксировано 5,5 тыс. горских евреев, проживающих в основном в Кубинском, Гусарском, Хачмазском, Огузском районах и в городе Баку. В переписи 1999 г. горские евреи учитывались вместе со всеми евреями, которых было зафиксировано в общей сложности 8,9 тыс. человек. Незначительная часть татов, проживающих в селениях Матраса Шемахинского района и Килвар Хачмазского района приняла в средние века армянское григорианское христианство и в период карабахского конфликта покинула Азербайджан.

Удины. В Габалинском, Варташенском, Огузском и Гахском районах Азербайджана проживают, преимущественно в селе Нидж и в г. Варташен, 4,2 тыс. удин (по данным 1999 г.). Любопытно, что по переписи 1989 г. удин в Азербайджане насчитывалось 6,1 тыс. человек. Возможно, сокращение числа удин, поставившее этот народ на грань вымирания, связано с их принадлежностью к армянскому григорианскому христианству и, соответственно, с дискомфортом их существования в сегодняшнем Азербайджане. До 1940-х гг. удинский язык преподавался как родной в начальной школе. Около 1,1 тыс. удин по переписи 1989 г. проживали в Российской Федерации, куда переселились в послевоенные десятилетия. Часть удин, в том числе проживающие в с. Октомбери Кварельского района Грузии – православные. Удины считаются потомками древнего албанского племени утиев¹⁵. Удинский язык входит в лезгинскую группу языков.

Ингило́цы. Грузиноязычные ингило́цы проживают в Гахском (7,5 тыс. чел.), Закатальском (3 тыс. чел.) и Белаканском (2 тыс. чел.) районах. Ещё 2,5 тыс. грузин или ингило́цев живут в Баку и Гяндже. По данным 1989 г., ингило́цев насчитывалось около 10 тыс. человек, но переписями они не фиксировались¹⁶. О происхождении этого народа существуют различные версии. По одной из них, это одно из местных племен, христианизированное и

.....
¹⁵ Волкова Н.Г. Удины. // Народы России. Энциклопедия. М., 1994, с.346-347.

¹⁶ Мамедов Алиага. Некоторые аспекты современной этнической ситуации в Азербайджане. // «Центральная Азия и Кавказ», 1 5(6), 1999, с.51.

грузинизированное в раннем средневековье, а затем в XVII-XVIII вв. принявшее ислам. В XIX в. часть ингилоуцев вновь вернулась к христианству. Исходя из своей конфессиональной принадлежности, большинство ингилоуцев считает себя азербайджанцами, меньшая часть – грузинами.

Азербайджанизация малых дагестанских народов происходила (и происходит) не только в самом Азербайджане, но и в Дагестане. Азербайджанцы Южного Дагестана ещё в XVIII – начале XX вв. сохраняли древнюю дотюркскую, вероятнее всего, татскую основу. Даже в настоящее время в некоторых селах азербайджанцев Дагестана (Джалган, Бильгади, Митаги, Зидьян, Кемах, Гимейди) в качестве языка общения используется татский. Из-за отсутствия в этих селах преподавания на татском языке его вытесняют азербайджанский и русский¹⁷. Смена татского языка азербайджанским зафиксирована и для селений собственно Азербайджана. На первую половину XIX в. «все жители магалов, расположенных между городами Шемаха и Куба ... исключая шесть деревень терекеме или туркменов, говорят татским языком, что показывает их персидское происхождение»¹⁸.

Манипуляции с отчётами и переписями объясняются иногда сознательной политикой русификации, проводимой по отношению к азербайджанским тюркам. На самом деле исчезновение этнических групп или многократное уменьшение их численности, коснувшееся ингилоуцев, талышей, курдов, цахуров, горских евреев, связано не с «пролетарским интернационализмом» или с некими «стремлениями коммунистической бюрократии», а с объективными процессами, имеющими корни в самом Азербайджане. Аналогичные процессы целенаправленной ассимиляции имели место и в других республиках СССР, в частности в Грузии, по отношению к абхазам и южным осетинам. Другие азербайджанские авторы считают это характерным для всех других республик СССР желанием представителей этнических меньшинств отнести себя к титульной нации. Данные переписей по Дагестану показывают ошибочность этого утверждения, численность малых народов, по крайней мере в Дагестане, сохранялась на одном уровне или росла.

.....
¹⁷ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы XIX - начала XX вв. М., 1999, с.36-37.

¹⁸ Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990, с.74-75.

Политика, проводимая руководством Азербайджана в постсоветский период, была объективно направлена на создание национального государства и окончательное формирование азербайджанской нации. В настоящее время этот процесс идет в том же направлении и вряд ли его вектор может быть изменен. Тем не менее, он допускает широкое соблюдение прав национальных меньшинств в тех рамках, которые не представляют угрозы для азербайджанской нации.

Азербайджан становится моноэтничной страной, и если азербайджанцы по переписи 1989 г. составляли 83% её населения, то по переписи 1999 г. они составляют 90,6 %. При этом в большинстве регионов страны азербайджанцами являются 96-99% населения, и только в Баку – всего 88 %. Одновременно резко, до 0,04% уменьшилось число азербайджанцев, считающих русский язык родным.

Характерной особенностью большинства постсоветских государств является объяснение возникновения межэтнических конфликтов с одной стороны – заложенными во времена Российской империи и СССР «минами замедленного действия» в виде искусственных границ и автономных образований, а с другой – «происками» или «заговором» внешних врагов. Для независимой Грузии таким мифическим внешним врагом стала Россия, которая оказалась виновата во всех межэтнических конфликтах на территории республики. Для Азербайджана таким внешним врагом оказалась Армения. Даже абстрагируясь от проблемы Нагорного Карабаха, нельзя не отметить, что именно Армении азербайджанская политическая элита обвиняет в раздувании «курдской проблемы», поддержании национальных движений талышей и лезгин. Аварцев и цахур якобы «подогревают» их национальные общества из Дагестана, талыши «ощущают поддержку соседнего Ирана», ингилов «исподволь «обрабатывает» Грузия»¹⁹. Таким образом, акцентируется роль внешнего фактора, «спровоцированного извне недовольства этнических меньшинств своим социальным, экономическим, политическим, культурно-идеологическим, правовым и структурным положением». В свою очередь, роль внутренних факторов обострения межэтнических

¹⁹ Гусейнов Рауф. Азербайджанская Республика в зеркале полиэтничности: история, современное состояние, прогноз, рекомендации. // «Центральная Азия и Кавказ», 1 4, 2000.

отношений недооценивается, ограничение прав (в первую очередь, политических) национальных меньшинств практически отрицается.

Одним из факторов, спровоцировавших обострение межэтнических отношений в Азербайджане, называют принятый в декабре 1992 г. Закон о языке, в котором азербайджанский язык был переименован в тюркский. Этот закон находился в русле политики А. Эльчибея, пытавшегося превратить тюркизм в государственную идеологию. Соответственно, попытка «отуречить» Азербайджан вызвала недовольство не только самих этнических азербайджанцев, но и, в первую очередь, культурно близких к ним и перешедших на азербайджанский язык представителей национальных меньшинств. Возможно, они были бы готовы считать себя азербайджанцами, но не турками. По Конституции 1995 г. язык был вновь переименован в азербайджанский, но последствия попытки «отуречивания» Азербайджана не могли не сказаться.

Признавая наличие проблемы этнонационализма в Азербайджане, в первую очередь в лице «азербайджанского тюркизма» и «армянского ирредентизма», а также «лезгинского и талышского сепаратизма», азербайджанские политики предлагают определенные пути выхода из сложившейся ситуации. Предлагаются пути, основанные на поиске тех факторов, которые способствуют объединению всех жителей Азербайджана. В качестве такого фактора, лишаящего перспективы лезгинский и талышский сепаратизм, упоминаются смешанные браки. Таким образом, ставка делается на ассимиляцию национальных меньшинств. Другой путь – это инкорпорация меньшинств в нацию как «добровольное политическое сообщество жителей страны», требующая установления демократического режима и соблюдения международных стандартов в области прав человека²⁰. Не упоминается третий путь – выравнивание уровней социально-экономического развития различных регионов страны, ликвидация диспропорций между столицей и провинцией. Между тем недооценка социально-экономических причин обострения межэтнических отношений крайне опасна.

В качестве позитивного шага, направленного на интеграцию национальных меньшинств в азербайджанское общество, называется изданный в сентябре 1992 г. указ Президента Азербайджана «О защите

²⁰ Салимов Гусейнбала. Этнонационализм и этнополитическая ситуация в Азербайджане. // «Центральная Азия», 1 3 (15), 1998.

прав и свобод, государственной поддержке развития языков и культур национальных меньшинств, проживающих в Азербайджанской Республике». Считая его «великолепным по содержанию и заложенным в нем идеям», азербайджанские эксперты признают при этом, что этот указ был перечеркнут поспешным принятием Закона о языке и до сих пор полностью не реализован.

Неудача попытки внедрения в Азербайджане пантюркистской идеологии обусловила, в свою очередь, относительный успех в создании идеологии «азербайджанизма» («азербайджанлылыг»). Основа этой идеологии – признание азербайджанцев и турок двумя разными народами в политическом и социальном смысле при их этнической близости. Если официальная идеология Турции предполагала в национальном вопросе политику «плавильного котла», то идеология нового Азербайджана основана, хотя бы формально, на этническом плюрализме и поощрении развития культур национальных меньшинств²¹.

Необходимой частью процесса формирования нации и её идеологии является, во-первых, создание образа врага (русские, армяне, иранцы), во-вторых, конструирование новой национальной истории, а именно - подтверждение исконного проживания своих предков на данной территории и доказательство многовекового существования своей государственности.

В качестве «предшественников» азербайджанской государственности проходят Мидии и Атропатена, а то и ещё более раннее государство Манна. Никким образом нельзя доказать, что эти государства были тюркоязычными, поэтому ставка делается на доказательство многовекового, возможно более длительного проживания тюрков на данной территории. И это при том, что говорить о каком-либо существенном тюркском компоненте или о значимой роли тюркских языков в регионе до XI-XIII вв. не представляется возможным.

В частности, в трудах некоторых азербайджанских историков делаются попытки доказать обитание тюркских племен на территории Манна и Мидии начиная с I тыс. до н.э. Хурритоязычные, эламоязычные и ираноязычные племена якобы никогда не составляли

²¹ Курбанов Р.О. Национальное самосознание азербайджанцев: процессы роста и влияние на будущее региона. // Закавказье сегодня: перспективы региональной интеграции. Ереван, Американский университет Армении, 1997, с.47-48.

там большинства по сравнению с тюрками. Тюрками объ являются скифы, киммерийцы и саки, а также албанцы. Делается вывод, что азербайджанский народ ко времени появления в XI-XII вв. сельджуков-огузов уже вполне сложился²². Впрочем, такие этноисторические построения вызывают недоверие у большинства азербайджанских ученых.

Примером конструирования «новой» истории является указ Президента Азербайджана Г. Алиева «О геноциде азербайджанцев» от 26 марта 1998 г. Как говорится в указе, «с подписанием в 1813 и 1828 годах Гюлистанского и Туркманчайского договоров началось расчленение азербайджанского народа, передел наших исторических земель». Присоединение Азербайджана к России в книге Махмуда Исмаила «История Азербайджана» трактуется как колониальный захват, приведший к «потере азербайджанским народом своей государственной независимости»²³.

Миграционные процессы в Азербайджане вряд ли смогут сильно изменить уже имеющиеся тенденции. При их оценке необходимо учитывать отсутствие достоверных сведений, значительный разброс имеющейся информации, использование данных о количестве беженцев в сиюминутных политических целях. Имея определенные, хотя и крайне противоречивые данные о количестве азербайджанцев, временно проживающих в России, мы практически не имеем таких данных об азербайджанцах, выехавших в Иран и Турцию. Данные последней переписи населения Азербайджана (1999 г.) зачастую остаются весьма далекими от объективности.

Значительный разброс существует в цифрах беженцев из Армении и вынужденно перемещенных лиц из Нагорного Карабаха и из районов, примыкающих к НКР. По оценкам азербайджанских экспертов, из Армении в Азербайджан были депортированы 224 тысячи беженцев (из них 18 тыс. курдов и 3,5 тыс. русских), а из западных районов Азербайджана во время боевых действий бежали 600 тыс. этнических азербайджанцев²⁴. По армянским источникам,

²² Ге́йбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (историко-этнографическое исследование). Том I. Баку, 1991.

²³ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999, с. 100.

²⁴ Аллахверанов Азер. Миграционная ситуация в Азербайджане. // «Центральная Азия и Кавказ», 1 2(20), 2002.

из Армении в Азербайджан выехали около 160-170 тысяч человек. По другим данным, вынужденных переселенцев на декабрь 1993 г. было 778,5 тыс. человек, а на 1 апреля 1998 г. – 611 тыс. человек. Общее число беженцев и вынужденных переселенцев оценивается от 750 до 844 тыс. человек²⁵. Кроме того, из Узбекистана в Азербайджан прибыли 51649 турок-месхетинцев (на середину 1992 г.), хотя позже их количество уменьшилось до 43175 человек (по данным на 1997 г.). На 8 мая 2001 г. по данным Госкомстата Азербайджана в стране было зарегистрировано 219 тыс. беженцев из Армении и Узбекистана и 575 тыс. вынужденных переселенцев²⁶.

Остается неясным, сколько человек из беженцев и вынужденных переселенцев к настоящему времени осталось в Азербайджане. По официальным данным, из Азербайджана в Россию за 1997-1999 гг. выехали 34887 азербайджанцев, 16172 русских, 7019 армян (?!), 2924 лезгин. Обращает на себя внимание значительное количество выехавших лезгин. Вызывает более чем серьезные сомнения столь большое количество выехавших армян. В общей сложности за пределами Азербайджана находятся якобы 650-800 тысяч его граждан. Представители оппозиции заявляли, что страну покинули более 2 млн. её граждан. Определить относительно точную цифру количества трудовых мигрантов из Азербайджана вряд ли возможно. Аналогичный разброс оценок мы видим и по отношению к азербайджанцам, проживающим в России. По экспертным оценкам, это от 1,5 до 3 млн. человек, а по данным МВД России на март 2001 г. в РФ временно проживали всего 78 тысяч граждан Азербайджана, а постоянно – около 67 тысяч.

Азербайджан находится на пути становления новой государственности, новой нации, новой идеологии, и процессы, идущие в этой стране, носят обь ективный характер, хотя и не во всем отвечают нормам соблюдения прав человека и прав национальных меньшинств. Вероятно, моноэтнизация и ориентализация Азербайджана

²⁵ Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М., 2000, с.109.

²⁶ Юнусов Ариф. Этноконфликты и миграционные процессы на Южном Кавказе. // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Сборник статей 1 13. Российский институт стратегических исследований. М., 2002, с.75.

²⁷ Искандарян Александр. Миграционные процессы и государственное строительство на постсоветском Кавказе. // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. М., 2001.

продолжится и в ближайшие годы или десятилетия²⁷. Характерно, в частности, превращение Баку из русскоязычного города в «настоящую национальную столицу Азербайджана», начавшееся с переселения туда азербайджанцев из сельских районов в послевоенные и особенно в 1980-е гг. и завершившееся вытеснением из города армянского, русского и еврейского населения²⁸. Те национальные меньшинства (русское население), которые не вписываются в формирующееся общество, будут продолжать вытесняться, крупные этнические группы будут азербайджанизироваться, малые народы сохраняться исключительно как этнографические реликты. Таким образом, формирование азербайджанского народа идет путем консолидации не только близкородственных тюркоязычных этнических групп (нахичеванцы, муганцы, ширванцы и др.), но и иноязычных этносов, близких в культурном и конфессиональном отношении. Их этнической ассимиляции предшествует лингвистическая ассимиляция²⁹.

.....
²⁸ Юнусов А. Бакинский социум на пороге XXI века. // «Мировая экономика и международные отношения», '2, 2000.

²⁹ Маликова Наиля. Социально-этническая интеграция в обществе развитого социализма. Баку, 1985, с.28-33.

Геворк Погосян

Миграционные процессы в Армении

Конец двадцатого столетия характеризуется несколькими глобальными тенденциями, которые во многом определяют геополитическую картину мира. Эти тенденции давно определены и описаны в трудах историков нашего времени. Тенденции эти особенно ярко стали проявляться во второй половине столетия. Первая тенденция – это деколонизация бывших империй.

Вторая тенденция – это процесс образования новых независимых государств. За период после Второй мировой войны на карте мира появилось много новых государств. В результате деколонизации в мире образовались новые независимые национальные государства, которые существовали ранее как домены в составе еще больших государственных образований.

Третья глобальная тенденция - это тенденция объединения независимых государств в большие многосторонние союзы и агломерации. Ярким примером этой тенденции является образование на наших глазах объединенной Европы.

Глобальные процессы последней декады XX века, затронувшие страны бывшего Советского Союза, породили новые реалии. На фоне мировых тенденций, на Кавказе имеют место свои особенные и специфичные процессы депопуляции и моноэтнизации. Кавказ в глазах современников меняет свой исторически традиционный облик.

Основными историческими переменами последней декады уходящего века, не только для Армении, но и для Южного Кавказа в целом, являются три коренных изменения:

- депопуляция
- моноэтнизация
- маргинализация общества

Процесс депопуляции в странах Южного Кавказа явился одним из многочисленных следствий распада коммунистической системы и попыток модернизации в этих странах. В общей сложности около 3-х миллионов человек покинули страны Южного Кавказа. К концу 90-х годов Армению покинули около миллиона людей. Основная причина, вызвавшая такую мощную волну миграции - резкое

сокращение рабочих мест, экономический кризис и сильное падение уровня жизни. Она стала экспортером рабочей силы и квалифицированных кадров. Экспорт трудовых ресурсов, отток экономически активного населения в больших масштабах существенным образом изменил социально-демографическую структуру общества.

Однако миграционные процессы имеют свою предысторию. В Армении исторически только в XX веке было несколько крупных миграционных потоков.

Геноцид

В начале XX века на территории Турции проживало значительное количество армян. Большинство из них были земледельцами, меньшинство – ремесленниками и торговцами. Религия играла важную роль в моральной, духовной и интеллектуальной жизни людей.

Медленная эмиграция армян из Турции в США и Европу существовала и до 1894 г.¹ В 1894 –1914 гг. произошли большие перемены в жизни армян в Турции, а с 1915-1922 гг. они стали причиной значительных миграционных потоков.

Количество армян, погибших в период с 1894 по 1896 гг., когда Оттоманское правительство пыталось раз и навсегда решить «армянский вопрос», оценивается в 200 тысяч². В промежутке с 1894-1896 гг. около 100 тыс. армян нашли убежище в других странах³. В 1895 – 1899 гг., около 70 тыс. армян прибыли в США⁴. Эмиграция из Турции продолжалась до начала XX века.

В 1915 г. по приказу правительства младотурков был осуществлен геноцид и насильственная депортация армянских жителей Анатолии. На основании данных Армянской Патриархии за 1878 г. с учетом нормального статистического прироста армян, Хатанасян Е. подсчитал, что в Оттоманской Турции в 1915 г. было 2 623 000 (минимум 2 500 000) армян⁵. По подсчетам Хатанасяна, погибли минимум полтора

¹ Mirak, R. Torn between Two Lands. Armenians in America, 1890 to World War 1. Cambridge, Ma and London, Harvard University Press, 1983.

² Dadrian, V. The history of the Armenian Genocide. Ethnic conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Oxford, Berghahn Books, 1995.

³ Dadrian, V. Там же.

⁴ Ташджиян, Дж. Х. Армяне США и Канады. Бостон, «Айренек Пресс», 1947 (на арм. яз.).

⁵ Хатанасян, Е.. Численность армян (Айоц Тув). Бостон, Комитет по 50-летию Геноцида, 1965 (на арм. яз.).

миллиона человек, а число выживших составляет примерно один миллион. В значительной степени современная армянская диаспора является следствием геноцида. По данным архивов Национальной Библиотеки (Ереван), в 1917 г. существовало уже 202 миграционных поселения армян (гахтоджанер или «миграционные дома») по всему миру - в Индии, Австралии, Аргентине, Эфиопии, Северной Америке, Европе, на Среднем Востоке и в России.

Репатриация

Широкая волна репатриации в Армению началась в странах Среднего Востока в 1946г., после того, как правительство Советской Армении обратилось с приглашением к армянам диаспоры. Приглашение было принято многими армянами, проживавшими в странах Среднего Востока, таких, как Ливан, Сирия, Палестина, Египет и Греция. По прибытии в Советскую Армению мигранты столкнулись с множеством трудностей, в частности, у многих было конфисковано имущество. Как и другие граждане Советской Армении, репатрианты были вынуждены жить в тяжелых условиях в холодной горной стране. Разочарованные репатрианты начали уезжать из Армении в 1970-е годы. Родственники присылали им приглашения в Соединенные Штаты и европейские страны, и эта миграция продолжается по сей день.

Число мигрантов в Советский Союз в 1925-1965 гг.

Иран	50 000
Ирак	5 000
Ливан, Сирия	55 000
Египет	5 000
Кипр и Палестина	5 000
Греция	35 000
Франция	10 000
Болгария	5 000
Румыния	5 000
Америка	3 000
Итого	178 000

Источник: Е. Хатанасян. Численность армян. Бостон, «Айреник Пресс», 1965г.

Землетрясение

Катастрофическое землетрясение 1988 г. в Советской Армении вызвало волну беженцев и внутренних переселенцев. Была организована эвакуация оставшихся без крова в убежища в столице Армении Ереване. Многие из пострадавших выехали на лечение за пределы Армении. Согласно правительственной статистике, около 130 000 человек уехали в другие советские республики, 70 000 - в зарубежные страны. Из числа последних 25% остались в принимающих странах⁶.

Беженцы

Волны вынужденной миграции армян прошли в Азербайджане с 1988 по 1992 гг. В феврале 1988 г., правительство Азербайджана организовало погромы против армянских жителей в Баку⁷, а затем в Сумгаите и Кировабаде⁸. Множество людей переживших бойню нашли убежище в Армении, России, а также в Соединенных Штатах.

Армянские беженцы из Баку, Сумгаита и Кировабада владели только азербайджанским и русским языками; они должны были изучать армянский язык. К тому же беженцы были в основном горожанами, обладали профессиональными знаниями и опытом в различных отраслях промышленности и не могли найти работу в стране, переживавшей энергетический кризис из-за экономической блокады со стороны Азербайджана и разорения в результате землетрясения. При поддержке международных гуманитарных организаций армянское правительство приняло программы для адаптации и интеграции беженцев в Армении, так как возвращение их в Азербайджан не гарантировало бы их безопасность.

Число беженцев, прибывших в Армению из Азербайджана с 1988 по 1992 г., по официальным данным, составило 375 тыс. Однако журнал «Беженец», издаваемый Управлением Верховного комиссара ООН по беженцам, сообщает, что в 1994 г. число беженцев на территории Армении достигало 500 тыс. В результате постоянных

⁶ Погосян Г. Потрясение. // «Человек», N2, Москва, 1990, с. 59-65. Погосян Г. Зона бедствия. // «Промышленность, строительство и архитектура Армении», N 1-2, Ереван, 1990. (на арм. и рус. яз.).

⁷ Мосесова, Л., и Овнанян, А. Бои в Баку. Ереван, «Нарекаци», 1992.

⁸ Samvel Shahmuratian (ed.) The Sumgait Tragedy: Pogroms Against Armenians in Soviet Azerbaijan. Volume I: Eyewitness Accounts. Cambridge and Zoryan Institute, 1990.

обстрелов около 78 тыс. стали внутренними переселенцами из пограничных сел. Еще 6 тыс. чел. мигрировали в Армению из Абхазии.

Эмиграция

Распад Советского Союза, открытие железного занавеса в начале 1990-х и экономические трудности привели к новой волне эмиграции из Армении в Россию, европейские страны и США. Особенно суровыми были зимы 1992 и 1993 годов. В квартирах не было отопления, электричество давали по часу или два часа в день. Стояло более 80% промышленности и общественного транспорта. С начала 90-х годов из Армении эмигрировало приблизительно 700 тысяч человек, часть из них с семьями, часть - без⁹. Большинство мигрантов обосновались на территории бывшего СССР, в основном в России, около 15% прибыли в Европу и Соединенные Штаты. Многие покинули Армению временно, сохраняя свое гражданство и квартиры. Фактически многие мигранты живут в России нелегально. Большинство мигрировавших в страны СНГ, Россию и Европу в начале 1990-х годов составляли граждане в возрасте от 18 до 55 лет, которые обеспечивали оставшиеся на родине семьи. Лишь часть мигрантов выехала вместе с семьями.

Экономические мигранты, или гастарбайтеры, оказывают помощь значительной части населения Армении и тем самым способствуют улучшению социальных условий в республике. Хотя мигранты и помогают народу выжить, их отсутствие в стране вредит экономике, лишая ее прослойки энергичных предпринимателей и замедляя формирование среднего класса. Есть также и моральные обстоятельства. Например, очень часто в России возникают мелкие конфликты между местными русскими и армянами, грузинами и азербайджанцами, которые вызывают негативное отношение русских к «лицам кавказской национальности». Антикавказские настроения усилились в южном регионе России, где были созданы армянские общины, в таких городах, как Краснодар и Ставрополь. С процессом приватизации земли эти отношения могут привести к конфликтам и, таким образом, некоторые мигранты могут вернуться в Армению.

В 1998 г. правительство Армении заявило, что оно готово принять армянских мигрантов из Европы, в частности, из Германии, Бельгии

⁹ Poghosian, G. Migration in CIS. International Organization for Migration (IOM), 1996, pp. 11-17.

и Греции. Правительство Германии уже приняло решение о постепенном возвращении 7 тысяч армян, которые там проживали временно¹⁰. В ближайшем будущем ожидается возвращение множества мигрантов из западной Европы. Кроме того, армянские семьи мигрируют в Армению из Центральной и Средней Азии, в частности, из Туркменистана, и из России.

В последние годы в Республике Армения появились транзитные мигранты, в т. ч. курдские и афганские беженцы, которые нелегально пересекают границу Армении, направляясь в Европу. В настоящее время Армения используется как буферное государство, откуда транзитные мигранты пытаются перебраться в Западную Европу.

Миграции и национализм

Взгляд на последнее столетие показывает, что армяне, как и некоторые другие этнические группы, мигрировали из-за геноцида, депортации, политических и религиозных давлений, войны, неблагоприятных экономических условий и кризиса, образования и стихийных бедствий. Причины миграции (кроме геноцида) не отличались от тех, которые преобладали в прошедших веках.

В XX веке массовая дисперсия выживших в геноциде привела к созданию армянских общин во всем мире. Эти общины оказывают финансовую и духовную поддержку родине во время ее демократизации. Обращает на себя внимание тот факт, что маленькая нация (менее 10 миллионов человек) смогла выжить в тяжелых условиях и сохранить свою культуру.

Депопуляция в постсоветский период в основном повлияла на коренное население. Большие группы армян покинули свои дома в поисках работы и лучших условий жизни. И никто не знает, когда и сколько из них вернутся обратно. В результате сильно изменились социально-демографическая структура и этнический состав населения.

В силу целого ряда причин - войн, межэтнических конфликтов, экономического кризиса и многого другого - значительной части своего некоренного населения лишились все три больших государства Южного Кавказа – Грузия, Азербайджан и Армения. В течение 90-х годов Закавказье покинуло огромное количество русских, евреев, украинцев, немцев, греков и представителей других наций. Этническая однородность ни в одном из трех государств не ставилась в качестве

¹⁰ Погосян, Г. Армянские возвращенцы из Германии. Ереван, 1997.

политической цели. Она скорее явилась неожиданным, хотя и закономерным результатом распада бывшего Союза и образования и развития независимой государственности.

Армения и прежде отличалась исторически сложившимся существенным преобладанием армянского населения, и здесь эти процессы достигли, можно сказать, своего апогея. Сегодня 97% населения Армении составляют армяне. Это уникальная по своему этническому составу страна. Заметим, что она уникальна также еще и тем, что за пределами Армении проживает вдвое больше этнических армян, чем в самой Армении.

Моноэтнизация в некоторых случаях явилась следствием обменных миграционных потоков на Южном Кавказе. Так, например, из Армении за период 1990-2000 гг. выехали азербайджанцы, русские, евреи, греки, украинцы и представители других национальных меньшинств, обитавших ранее в республике. Из Грузии за тот же период выехали армяне, русские, евреи, греки, азербайджанцы, немцы, абхазы, осетины и другие. Состав национальных меньшинств, населявших некогда многонациональную Грузию, сократился примерно на 10%.¹¹ Тот же процесс моноэтнизации прошел в Азербайджане: республику покинули армяне, русские, евреи, немцы, украинцы, таты, талыши и другие. Сегодня в Азербайджане 89% населения составляют азербайджанцы¹². Этническая гомогенизация явилась одним из следствий воссоздания независимой государственности в странах Южного Кавказа и начала модернизационных процессов в этих странах.

В одной из своих последних работ автор знаменитой теории постиндустриального общества Дэниэл Белл пишет: «Самым судьбоносным событием в XX в., событием, отодвинутым в тень феноменами коммунизма и фашизма, стал распад империй».¹³ За короткий период после Второй мировой войны на обломках британской, французской, голландской, бельгийской, португальской, советской империй, по его подсчетам, возникло 120 новых государств.

¹¹ Ethnic-Confessional Groups and Challenges to Civic Integration in Georgia. Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development. CIPDD, Tbilisi, 2002.

¹² A to Z of Azerbaijan. www.azerb.com

¹³ Bell D. The Resumption of History in the New Century//Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge, Ma and London, Harvard University Press, 2000. с. XI-XXVIII.

Заметим, что до Второй мировой войны 80% населения планеты находились под владичеством западных держав. Поистине распад империй и образование новых независимых национальных государств и этнических групп внутри них произошел со стремительностью, которая может удивить будущих историков. При этом он подмечает один интересный факт: все почти новые государства многонациональны по составу. Они представляют собой территориальное объединение мозаики этнических и национальных групп, но, несмотря на это, новые независимые государства, как правило, возникают в качестве национальных государств по названию табельной нации, а не территории. Сказанное непосредственным образом относится и к Кавказу, в котором проживают пятьдесят различных этнических групп. «Четыре совершенно различные цивилизации, - пишет Д. Белл, - пересеклись и наложились здесь одна на другую: цивилизации турецких равнин, Ближнего Востока, Восточной Европы и самого Кавказа. К югу от него находятся три страны – Армения, Грузия и Азербайджан. Две из них - страны христианской культуры, а третью населяют потомки жителей Кавказской Албании, перешедшие в ислам и воспринявшие турецкое влияние».¹⁴ Многие десятилетия советской власти не смогли сгладить эти разногласия, а лишь загнали их вглубь народного сознания. Распад империй, который носит глобальный исторический характер, не только стимулирует возникновение новых национальных государств, но и поддерживает рост национального самосознания внутри этих государств. Тем более, что, как показывает исторический опыт, большинство их многонациональны по своему составу. Немногим странам удалось избежать проблемы конфликта национальных меньшинств, их населяющих. Каждая страна решает ее по-своему.

Так, например, власти Сингапура раз в пять лет раз осуществляют депортацию пакистанских рабочих, наводнивших эту страну. В Японии, похоже, уже смирились с существованием в Токио и Осаке замкнутых анклавов корейских, китайских и пакистанских рабочих. Для Швеции большой проблемой становятся проживающие там турки и цыгане. Так же, как в Румынии и Словакии проживающие там цыгане и венгры. Чехословакия по этой причине распалась на два государства - Чехию и Словакию. Так же на месте прежней

.....
¹⁴ Там же. с.23.

Югославии образовалось несколько государств. В Испании все еще остро стоит проблема басков и Каталонии. Сходные проблемы имеются в Канаде и Великобритании (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия).

Эти проблемы не обошли стороной и Кавказ. Для Грузии проблемой являются Абхазия, Южная Осетия, Аджария, а также некоторые юго-восточные районы, компактно населенные армянами, азербайджанцами и возвращающимися туда турками-мехетинцами. Для Азербайджана эта проблема фактически отделившегося в результате войны Нагорного Карабаха, а также огромного азербайджанского населения на северной территории соседнего Ирана. Не может не касаться Южного Кавказа и стремление к созданию национальной государственности огромного по численности курдского населения, разбросанного между Турцией, Ираном и Ираком.

Белл отмечает, что у многих наций происходит возрождение национального самосознания. «Парадоксально, но и сегодня национализм может служить объяснением складывающейся новой реальности», - пишет он¹⁵. Не случайно, что еще в 50-х годах в своей знаменитой книге о марксизме «Опиум интеллектуалов» Раймон Арон обосновал утверждение о том, что тремя основными идеологическими течениями XX века были национализм, марксизм и либерализм¹⁶. Два крайних проявления сочетания этих идеологий – национал-социализм (фашизм) и коммунистический интернационал (во главе с СССР) потерпели полный исторический крах. Конец коммунизма обозначил одновременно и конец капитализма в лице западного империализма. В 1989 году известный американский философ Фрэнсис Фукуяма опубликовал статью «Конец истории», которая была переиздана в тридцати странах мира. В 1992 г. вышла в свет книга Фукуямы «Конец истории и последний человек»¹⁷. В этой работе Фукуяма по существу обосновывал идею о конце великого противостояния двух миров, о конце «холодной войны» и о фактической победе демократии и рынка. Во второй своей книге «Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния» Фукуяма пишет о том, что идеология тоталитаризма предусматривала «уничтожение независимого гражданского общества и создание новой

.....
¹⁵ Там же. с.24.

¹⁶ Aron R. The Opium of the Intellectuals. 2001.

¹⁷ Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. 2001.

социалистической общности», в центре которого должно было находиться коммунистическое государство. Крах коммунистической империи одновременно разрушил практически все формы общественных объединений, кроме семьи и национальности. В условиях отсутствия различных добровольных объединений, как считает Фукуяма, люди вынуждены были потянуться к единственно сохранившимся объединениям по формальному признаку, а именно к семье и национальности. «Самой простой из них, позволявшей людям избежать чувства разобщенности, слабости и незащищенности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стали объединения по этническим признакам».¹⁸ По сути, он своеобразным способом обосновывает уже высказанную идею о росте национального самосознания среди народов, населяющих бывшие империи и идею о национализме как феномене, во многом объясняющем новые социальные реалии после «конца истории».

Национализм наложил свой особый отпечаток и на постсоветские общества. Так, если в Европе или Америке под словом «national», как правило, понимается государственная принадлежность (National Library, National Security), то у нас в Армении термин «national» воспринимается именно в смысле национальный, но не государственный.

¹⁸ Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., Free Press, 1996, с.78.

Г. Сванидзе
Д. Сванидзе

Эмиграция из Грузии и её причины (Результаты социологического опроса)

Вступление

С либерализацией и демократизацией общества стало возможным реализовать право граждан на эмиграцию.

Весомый толчок эмиграционным процессам в начале 90-х годов дало резкое ухудшение социально-экономических и политических условий в бывших странах СССР, в том числе в Грузии. Эмиграция стала одной из стратегий выживания населения и приняла массовый характер.

С ростом интенсивности эмиграции всё труднее стало вести её учёт. Фактически в Грузии не существует институции, которая располагала бы точной статистикой лиц, выбывших на постоянное место жительства за рубеж.

Иногда даже благие намерения создавали сложности в налаживании учёта миграционных процессов. Так, упразднение института пропуски невольно привнесло дополнительные трудности в сферу статистики миграционных процессов (в особенности внутренних или направленных в ближнее зарубежье).

Не совсем полно отражает процесс эмиграции в дальнее зарубежье статистика ОВИР. Официальная статистика этого органа по существу описывает процессы репатриации лиц еврейской, греческой и немецкой национальности, составляющих в сводках ОВИР подавляющее большинство эмигрантов.

Приходится делать поправку на такое явление, как «невозвращенчество», когда лица, выехавшие на заработки, учёбу, по частным приглашениям или в туристические поездки, не возвращаются обратно и ищут возможность остаться за рубежом. На этот счёт нет ни достоверной статистики, ни методики её сбора, но есть стойкое эмпирическое ощущение этого явления.

Экстраполяции, применяемые различными специалистами, исходящих из разных посылок, только запутывали дело. Все надежды возлагаются на завершившуюся недавно всеобщую перепись населения.

Особую деликатность проблеме придаёт обстоятельство, что значительную долю эмигрантов составляют представители национальных меньшинств. Некоторые политические силы интерпретировали этот факт как следствие дискриминации. Здесь сыграла свою роль шовинистическая риторика времён Звиада Гамсахурдиа, но справедливости ради надо отметить, что эмиграционная активность представителей меньшинств долго не спадала и после свержения Звиада Гамсахурдиа.

Предмет исследования - эмиграционные намерения респондентов.

Задачей опроса было:

- определить и проследить динамику эмиграционных *намерений* населения за период 1994-1996-1998-2001 годов;
- зафиксировать мнение респондентов о причинах эмиграции, определить соотношение причин выезда и невыезда за рубеж;
- определить характер эмиграционных намерений грузинской и негрузинской части выборки и установить, насколько весомыми являются факторы дискриминационного характера.

Данное исследование является четвёртым из серии, посвящённой проблемам эмиграции из Грузии. Первое было проведено при содействии Кавказского института мира, развития и демократии в 1994г., второе - при содействии института «Открытое общество» в 1996г., в 1998 - при содействии IOM, в 2001 - при помощи DFID.

Все 4 исследования проводились в этнически смешанных регионах (последнее - в Тбилиси, Батуми, Рустави, где было опрошено 662 респондента) (массив «а»). В качестве эксперимента отдельно была сформирована выборка (массив «б»), в которую вошли респонденты из этнически гомогенных регионов (Ахалкалакский, Ниноцминдский р-ны (118 респондентов) с преобладанием армянского населения, Марнеульский р-н с преобладанием азербайджанского населения (100 респондентов), «чисто» грузинские районы - Чохотаурский и Цхалтубский р-ны (120 респондентов).

Гипотеза исследования - ввиду углубления социально-экономического кризиса со второй половины 1998 года эмиграционные намерения респондентов должны были вырасти. Вместе с тем уменьшение материальных возможностей, ужесточение визового контроля делают эти намерения более эфемерными. Свои коррективы привносит введение визового режима с РФ.

Результаты

Настрой микросреды

Одной из предпосылок, влияющих на решение человека выехать из страны, является настрой микросреды, его ближайшего окружения. Если среди знакомых, друзей часто поговаривают об эмиграции, или, более того, кто-то из членов семьи или родственников выехал, тем выше вероятность, что индивид будет склонен сделать выбор в пользу переезда за рубеж.

Как следует из таблицы 1, среда респондентов из группы «негрузины» более заряжена на эмиграцию, чем ближайшее окружение опрошенных грузин. Почти половина из этой группы придерживается мнения, что людей, подумывающих о выезде из Грузии на постоянной основе, много. Этой точки зрения придерживается почти одна треть опрошенных грузин.

При прослеживании динамики изменений «эмиграционного фона» опрашиваемых вырисовывается тенденция, что этот фон становится значительно сильнее, чем это было в 1996 и 1998гг. и кривая приближается к пику 1994 года (см. диаграмму 1). Если в 1994г. в среднем 60% в группе национальных меньшинств считало, что в их окружении много лиц, подумывающих о выезде из Грузии на постоянной основе, то в 1996г. их было уже – 39,6%, а в 1998г. – 30,4%, а в 2001 г – 50,4%. Такое же положение было в группе грузин: 41% - в 1994г., 28,3% - в 1996г., 17% - в 1998г., 32,7% - в 2001г.

Что касается массива, состоящего из респондентов из этнически гомогенных регионов (массив «б»), то бросается в глаза экстремальный показатель – 83,1 % армянских респондентов указывает, что в их ближайшем окружении много людей, подумывающих о выезде (см. таблицу 1). Это в 4-5 раз больше, чем в азербайджанской и грузинской группах.

Симптоматично, что 42.2% массива «а» отметило, что в момент опроса некоторые из их родственников находятся за рубежом (43.2% - грузины, 60.5% - негрузины) (см. таблицу 2). Причём из выбывших на момент опроса родственников респондентов - представителей меньшинств массива «а» 58.3% составляют те, кто эмигрировал. Соответствующий показатель среди грузин - 19% (см. таблицу 3).

Куда выехали родственники респондентов?

Те, кто указал на наличие родственников-эмигрантов в группах, показывают, что они выбыли в РФ (почти половина респондентов - представителей национальных меньшинств, имеющих в семье эмигрантов, и одна треть грузин из данной категории опрошенных), на втором месте в грузинской группе в качестве пунктов назначения названы США и Германия, как и в группе меньшинств. Однако грузин, выехавших в эти страны, относительно больше, чем представителей меньшинств.

География стран, куда выехали члены семей опрошенных, значительно расширялась от опроса к опросу и простёрлась до столь отдалённых стран, как Австралия, Аргентина, ЮАР.

Как следует из таблицы 3, по массиву «б» респонденты из азербайджанской группы указывают, что в момент опроса 84 близких им лиц находились за рубежом. Армяне отмечают 75 случаев, грузины - 41. В 43,3% случаях в группе армянских респондентов выехавшие отправились за рубеж на постоянное место жительства (соответственно 30,2% по азербайджанской и 19,5% по грузинской). Зато в грузинской группе больше случаев выездов на временной основе - 73,2%, 53,3% в марнеульской и 32,8% в ахалкакско-ниноцминдской группах. Место назначения выбывших - в основном РФ с некоторым разнообразием среди грузин, чьи родственники выбыли и в страны дальнего зарубежья.

Эмиграционные намерения

Критическим пунктом исследования было определить эмиграционные намерения самих респондентов.

В массиве «а» почти вдвое больше представителей национальных меньшинств в процентном отношении высказали желание эмигрировать (28,9% против 15,2%). Меньше их, чем представителей грузинской группы, среди тех, кто твёрдо решил остаться (36,4% и 45,9%) (см. таблицу 4).

Анализ динамики эмиграционных намерений показывает, что,

если в грузинской группе данные отличались определённым постоянством (11% - в 1994., 8,2% - в 1996., 8,5% - в 1998г.), то в 2001 г. они заметно подскочили (15,2%). Если раньше в группе национальных меньшинств прослеживалось уменьшение количества лиц, желающих эмигрировать из страны (в среднем около 30% - в 1994г., 22,3% - в 1996., 16,7% - в 1998г.), то в последнем исследовании заметен рост (28,9%), почти на уровне 1994 года.

Куда отправились бы «потенциальные эмигранты» из массива «а»?

В группе грузин - в США (35,2%), в Германию – 13,6%, в РФ - 12,5%; в группе негрузин - в Российскую Федерацию (32,2%), в США (16,6%), в Грецию (8%).

В исследовании была использована прожективная ситуация, когда респондентам предлагался выбор между выездом на постоянной или временной основах. Целью было выяснить, насколько тверда установка «потенциальных» эмигрантов на выезд. К тому же почти четверть опрошенных в массиве «а» затруднились в ответе на вопрос об эмиграционных намерениях (см. таблицу 4).

Итак, количество «потенциальных эмигрантов» в ситуации выбора сократилась в среди грузин-респондентов - с 15,2% до 9,5% (см. таблицу 5). Зато несколько вырос показатель желающих выехать на постоянное место жительства за рубеж среди меньшинств - с 28,9% до 30%. Такой прирост намного меньше зарегистрированного в двух предыдущих исследованиях: в 1996 - с 22,3% до 33,1%; в 1998 - с 16,7% до 24%. В 1994 году разница между «потенциальными» и «прожективными» эмигрантами из группы меньшинств составляет полпроцента в пользу вторых. Отсюда следует: чем выше показатель «потенциальных эмигрантов», тем меньше разница между ними и их «прожективной» разновидностью. Т.е. фиксируется некий пороговый уровень, не превышающий 30%.

В грузинской части массива «а» разница в пользу «прожективных» эмигрантов составляла 4,5% в 1996 году (12,7% - 8,2%). В 1998 не было зафиксировано особых различий (8,5% - 9%).

По всему массиву «а» разница между теми, кто хотел бы выехать временно и на постоянной основе составляет 34%, в грузинской части – 49,4%, в группе меньшинств – 4,4%. Число воздержавшихся от выезда вообще приблизительно одинаково по всему массиву «а».

В массиве «б» приблизительно равное количество «потенциальных эмигрантов» зафиксировано в азербайджанской и грузинской группах

(11% и 9,2% соответственно). Число же армян, пожелавших эмигрировать в несколько раз больше.

Более половины опрошенных марнеульцев (55%) причисляют себя к категории тех лиц, которые не задумываются на подобные темы; 58,8% грузин-респондентов заявило, что твёрдо решили остаться. Это мнение разделяет четверть армян из Ахалкалаки/Ниноцминда (таблица 4).

Куда отправились бы «потенциальные эмигранты» из массива «б»?

Почти 70% из армянской группы отправилось бы в РФ, что сделало бы почти 43% азербайджанцев. Интересно, что этнически ориентированная миграция более характерна для азербайджанцев, чем армян, хотя РФ остаётся вне конкуренции. Только 8% армян сделали бы выбор в пользу выезда на историческую родину против 33% азербайджанцев, пожелавших эмигрировать в Азербайджан.

Грузинские «потенциальные эмигранты» предпочли бы выехать в дальнее зарубежье. РФ не оказалась в списке самых привлекательных для них стран.

Прожективная ситуация показывает значительное уменьшение числа «потенциальных» эмигрантов в армянской группе (45,8% - 25,6%=20,2%), некоторый рост в Марнеульской группе (5%). В грузинской группе нет особых изменений.

49,6% опрошенных армян предпочли бы временный выезд, как 55,8% грузин и 36% азербайджанцев. В азербайджанской группе 47% респондентов вообще воздерживаются от выезда. Эта цифра несколько меньше числа тех, кто причислил себя к тем, кто не задумывался о выезде (см. таблицу 4). Т.е. в азербайджанской группе почти её половина проявляет индифферентность, а другая вполне активно подключена в миграционные процессы.

В обоих массивах «заработок» является ведущим мотивом для родственников респондентов, самих респондентов, выехавших или желающих выехать за рубеж на временной основе.

Мнение о причинах эмиграции из Грузии

На этом участке важно было выяснить, не обусловлен ли относительно высокий эмиграционный потенциал представителей меньшинств дискриминационными факторами.

При анализе мнений респондентов из массива «а» о причинах миграции из страны была использована система рангов. Вместе с

тем через суммирование абсолютных индексов, начисляемых по 3-балльной шкале, определялись сильно-, средне- и слабодействующие факторы.

Из таблицы 6 следует, что «безработица» является главной причиной эмиграции, по мнению представителей обеих групп массива «а». Такое же единодушие отмечено в отношении фактора «падение жизненного уровня» (2-й ранг), «невозможность реализовать свои способности» (3-й ранг), «неуверенность в завтрашнем дне» (4-й ранг), «политический кризис» (5-й ранг). Что касается факторов дискриминационного порядка - «неблагоприятное отношение властей, населения к их этническому происхождению», «невозможность реализовать потребности в языке, культуре», «невозможность удовлетворить религиозные чувства» для представителей национальных меньшинств, то они оказались среди наименее значимых для респондентов из группы национальных меньшинств.

Особых различий в оценке факторов не было зафиксировано. В зону сильнодействующих факторов были включены по два фактора в обеих группах.

Если говорить о динамике значимости факторов, то обращает на себя внимание повышение ранга «невозможность реализовать свои способности» (3-й ранг) за счёт снижения значимости фактора «неуверенность в завтрашнем дне» (4-й ранг).

В массиве «б» был получен следующий расклад: в группе армянских респондентов были отмечены 4 причины, которые являются весьма весомыми, чтобы подвигать людей на выезд. Таких причин в азербайджанской группе 3, в грузинской группе 2.

Опрошенные сходятся во мнении, что самым главным фактором эмиграции является «безработица» (1-й ранг) и «падение жизненного уровня» (2-й ранг). Кроме этого, весомым фактором для армян является «невозможность реализовать свои способности» (3-й ранг). «Неуверенность в завтрашнем дне» получила 4-й ранг в этой группе и 3-й в группе азербайджанских респондентов. Остальные причины оказались в числе средне- и слабозначимых. Среди них и те, что имеют дискриминационную коннотацию.

Особо отмечался в армянской группе фактор введения визового режима в отношениях с Россией. Как известно, десятки тысяч джавахцев выезжают ежегодно на сезонные работы в РФ. Этот факт рассматривался одной частью опрошенных в качестве причины эмиграции, другой частью же - как причиной того, что люди не

эмигрируют.

Довольно низкие ранги у фактора «незнание государственного языка» в группе армян и азербайджанцев, что объясняется слабой распространённостью грузинского языка в регионах.

Почему люди воздерживаются от выезда из страны?

Судя по таблице 7, в массиве «а» причины того, чтобы не эмигрировать, по мнению респондентов, тоже не столь разнятся по группам.

На 1 и 2 местах в группах грузин и негрузин - «отсутствие материальных возможностей» и «нежелание оставить родственников». «Нежелание оставить нажитое хозяйство» отодвинулось по значимости по сравнению с предыдущими исследованиями на второй план (7-й - 8-й ранги среди меньшинств и 5-й ранг среди грузин). Видимо, нечего уже стало оставлять. Обращает на себя внимание 3-й ранг фактора «слабого здоровья» для меньшинств и 4-й ранг - фактора «препятствия, чинимые консульскими службами». «Патриотические чувства» и «незнание иностранного языка» (3-й и 4-й ранги) удерживают людей от эмиграции, по мнению грузин-респондентов.

В массиве «б» среди сильнодействующих причин по одной оказалось в армянской и грузинской группе, 3 - в азербайджанской. В первых двух таковой оказалась - «отсутствие материальных условий». В группе респондентов из Марнеули среди главных факторов, удерживающих людей от эмиграции - «нежелание оставить нажитое хозяйство», «патриотические чувства» и «удовлетворенность существующим положением».

Кстати, мнения грузинских и армянских респондентов совпали дважды (из 11 возможных). Фактор с первым рангом уже отмечался, 3-й ранг в обеих группах получила причина «нежелание оставить родственников» при среднем уровне его интенсивности. Ни одного совпадения не было зафиксировано в оценках азербайджанских и других респондентов. В то же время в оценке рангов причин эмиграции мнение азербайджанских и армянских респондентов совпали в 7 случаях из 14, у грузин с азербайджанцами - в 3 случаях, у грузин с армянами - тоже в 3 случаях.

Что думают «потенциальные эмигранты»?

Для аналитических целей в массиве «а» отдельно рассматривались данные по группе «потенциальные эмигранты». Таких оказалось 132

респондента. Предполагалось, что намеченные тенденции будут наиболее зримы в этой группе, что и получило подтверждение.

Например, среди «потенциальных эмигрантов» относительно больше лиц в возрасте 18-35 лет, чем по всей выборке (50% и 37,5%), что выглядит вполне закономерно ввиду большей мобильности этой возрастной категории. Или, если меньшинства составляют одну треть респондентов, то в выделенной группе их 50%, что является подтверждением того, что эмиграционные намерения более выражены среди представителей меньшинств.

71,2% респондентов из этой группы указывают, что в их ближайшем окружении много людей, подумывающих о выезде из Грузии на постоянной основе, тогда как этой точки зрения придерживаются 38,8% опрошенных по всему массиву. 68,9% из них отмечают наличие близких родственников за рубежом в момент опроса (49,2% по всей выборке). «Потенциальные эмигранты» составляют одну пятую всего числа респондентов, но число их родственников, которые отсутствовали в момент анкетирования, составляет одну треть всех, кто были названы как выбывшие. 54,6% членов семей опрошенных из данного массива выехали навсегда (соответствующий показатель по всему массиву 38,2%). Из всего этого следует, что эмиграционный фон в группе значительно гуще, чем по всему массиву.

Не было зафиксировано больших различий между массивом «а» и данным подмассивом в отношении причин эмиграции. Во втором случае только фактор воссоединения семей оказался более продвинутым. Обращает на себя внимание в этой группе 2-й ранг фактора «Препятствия, чинимые консульскими службами», являющегося причиной невыезда из страны. В то же время он 4-й по значению во всём массиве.

Заключение

Опрос подтвердил гипотезу о росте эмиграционных настроений среди населения, что могло быть обусловлено углублением кризисных явлений в экономике страны, начиная с 1998 года.

Исследование показало заметное повышение настроения микросреды на выезд на постоянное местожительство за рубеж в группе респондентов, опрошенных в местах со смешанным этническим составом населения по сравнению с данными, полученными в 1994,

1996гг. Этот фон по-прежнему «гуще» в группе национальных меньшинств, чем в группе «грузины». Не говоря уже о том факте, что у респондентов-национальных меньшинств относительно больше родственников, выбывших на постоянное жительство за рубеж, чем среди грузин.

География стран, куда выехали родственники опрошенных, более обширна в группе грузин, хотя Российская Федерация, безусловно, лидирует в обеих группах.

Аналогичное положение зафиксировано в массиве «б» при более «густом эмиграционном фоне» в армянской группе.

Заметен рост числа «потенциальных» эмигрантов в массиве «а». В группе грузин он достиг самого высокого уровня по сравнению с предыдущими исследованиями. Если сравнивать готовность отбыть из страны навсегда, то она выше среди меньшинств. Если в проективной ситуации в группе грузин массива «а» замечается сокращение их числа, то в группе меньшинств показатель «потенциальных» эмигрантов по крайней мере не сокращается.

Что касается географии «потенциальной эмиграции», то в ней заметно растёт доля стран дальнего зарубежья.

В массиве «б» «потенциальных эмигрантов» в армянской группе в 4-5 раз больше, чем в азербайджанской и грузинской. Однако в армянской и грузинской группах число «потенциальных эмигрантов» сокращается, в азербайджанской же, наоборот, растёт.

Введение визового режима с Россией провело грань между теми, кто желает выезжать или не желает, даже не помышляет об этом. Особенно это характерно для армянской и азербайджанской групп массива «б».

Среди причин эмиграции на первое место опрошенные ставили факторы социально-экономического порядка. Факторы дискриминационного плана не имеют высокие ранги.

Анализ причин, удерживающих людей от выезда из страны, показал, что, кто был достаточно обеспечен и здоров физически, уже выбыл. Это особенно характерно для группы меньшинств. Таким образом, подтвердилась другая гипотеза исследования об уменьшении эмиграционных ресурсов населения.